

ИГОРЬ МОРОЗОВ

ТАИНСТВЕННЫМ ПУТЕМ ГЕРМЕСА

ВСЕ ЕСТЬ ВО ВСЕМ
ВСЕ ИМЕЕТ ПОЛЮСА
ВСЕ ДВОЙСТВЕННО
ВСЕ ТЕЧЕТ, ВТЕКАЕТ, ВЫТЕКАЕТ
ВСЕ ПОДНИМАЕТСЯ И ПАДАЕТ
КИБАЛИОН

**ТАМЪМ ГЕРМЕСА
МІРЧЕНІМ**

Игорь Морозов

МИНСК
„УНІВЕРСІТЭЦКАЕ“
1994

C

ББК 86.391

М 80

УДК 133

Оформление и иллюстрации автора

Специально для www.koob.ru

Морозов И. В.

М 80 Таинственным путем Гермеса. — Мн.: Універсітэц-
кае, 1994. — 303 с.
ISBN 985-09-0070-9.

История знает немало магических символов — крест, свастика, мандала, мировая гора и др., которые оказали существенное влияние на духовную эволюцию человечества. Автор выдвигает гипотезу, согласно которой все эти разные символы имеют общие, вполне реальные и конкретные истоки. Зная их, можно разгадать древнейшие секреты цивилизаций — происхождение письменности, искусства, обычаев, суеверий, ритуалов, легендарных образов. На сей счет автором найдено множество интереснейших свидетельств из архаической эпохи мифотворчества человека.

Для широкого круга читателей.

М $\frac{1330000000 - 042}{М 317 (03) - 94}$ 2-94

ББК 86.391

ISBN 985-09-0070-9

© И. В. Морозов, 1994

Содержание

ВОЗВРАЩЕНИЕ • 5	УЮТ • 287
СЛЕД • 19	265 • МОСТ
УЗОР • 31	249 • МЕКА
ПЕРЕКРЕСТОК • 53	233 • ПОВОРОТ
ВЫБОР • 67	213 • МЕСТО
СЕРЕДИНА • 81	203 • ПРОСТОР
СТОП • 99	193 • ПУСТОТА
ЧИСЛО • 113	181 • ВРАТА
ДРЕВО • 127	171 • ПОРОГ
ГОРА • 141	
КАМЕНЬ • 155	

... Море осталось далеко внизу,
вверху — величественный Парнас.
То нему взбирается древняя тропа —
к руинам античного храма.
Бывшая обитель дельфийского
оракула!

Вокруг — паюмники со всего света...
Какой же зов собрал столь
разных людей у реликвий давно
исчезнувшей цивилизации?

Что за пленительная сила
таится в архаике?..

Греция. Дельфы.

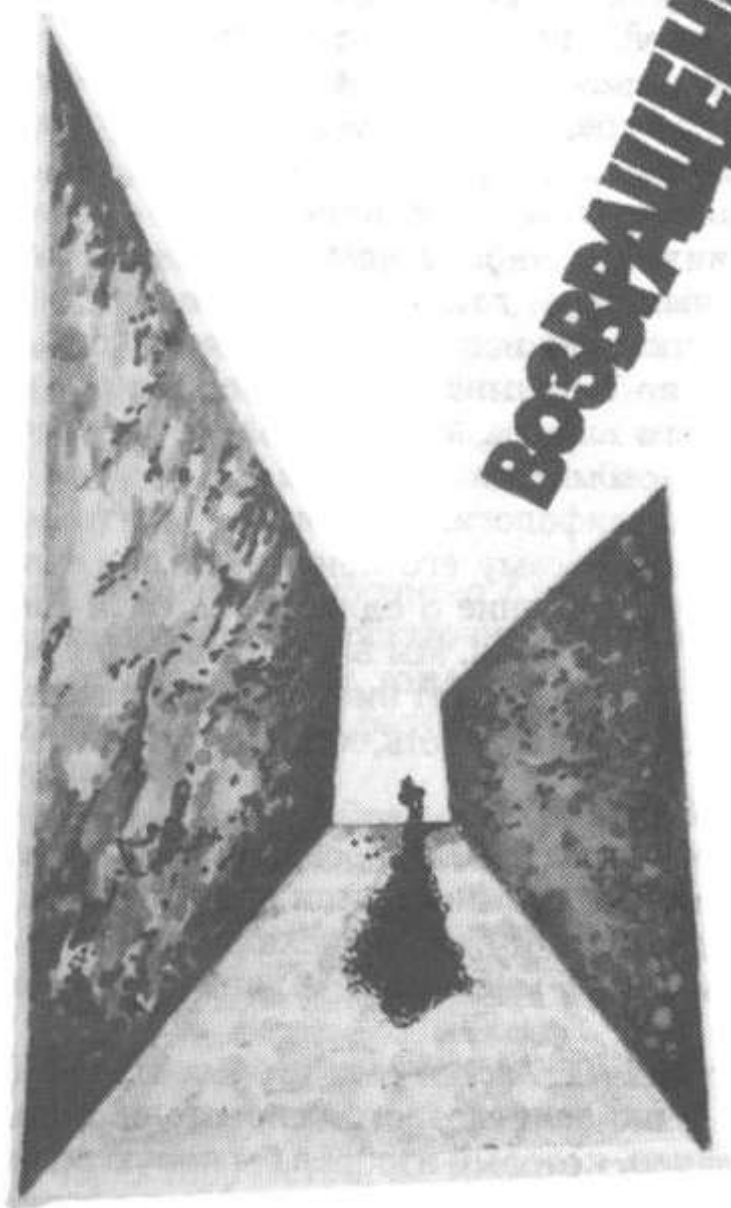
6 авг. 91

М. Морозов

... Не единожды, не дважды и не несколько, но бесчисленное множество раз одни и те же мнения появляются и вновь обращаются среди людей.

Аристотель

Возвращение

Открывая наиболее потаенные стороны мироздания, человеческого бытия, мы часто и не подозреваем, что это не открытия вовсе, а древние как мир истины, известные еще первобытному человеку. О многих вещах и явлениях, в том числе о „свернутой вселенной“, первооснове всего сущего – пустоте, он знал не меньше своих далеких потомков и объяснял их зачастую и глубже, и убедительней – в мифологических сюжетах, образах, символах...

Сказания, былины, легенды и, конечно же, мифы – непреходящая форма видения мира, форма мышления. И они же – результат первичных форм сознания. Устойчивость их необычайно крепка. Пронизывая все поколения, все эпохи, мифопоэтическое творчество и поныне благотворно влияет на развитие культуры любого народа, которая только и способна развиваться в очерченном мифом горизонте.

Изучая мировую мифологию, постигаешь не только внешнее проявление мифа – саму его природу, а она такова, что позволяет сделать заключение о единстве логики мифа и логики современного мышления. Мы все больше и больше убеждаемся, что в мифе не существует ничего сверхъестественного, отвлеченного – только реальность, каковой бы она ни выступала.

Даниил Андреев (писатель, философ середины нашего столетия): „За мифами всегда стоит та или иная трансфизическая реальность, но она не может быть не искаженной и не запутанной привнесением в миф множества человеческого, слишком человеческого“.

Елена Блаватская (исследователь тайных знаний древности): „Никогда не было религиозного основателя, будь то ариец, семит или туранец, который изобрел бы новую религию или открыл Новую Истину. Все эти основатели были передатчиками, но не самобытными учителями. Они были авторами новых форм и толкований, но истины, на которых их учения основывались, были стары, как само человечество“.

Конфуций (древнекитайский философ): „Я только передаю, я не могу создавать новых вещей. Я верю в Древних и потому я люблю их“.

Карл Маркс (немецкий философ-материалист прошлого столетия): „Миф, как первоначальная форма духовной культуры человечества, представляет природу и сами общественные формы, уже переработанные бессознательно – художественным образом, народной фантазией”.

Ганс Георг Гадамер (современный немецкий философ): „Мифы – первомысли человечества”.

Мыслительная деятельность первобытных включала в себя то особое отношение к миру вещей и явлений, которое можно назвать столкновением жизни с жизнью. На заре человечества рассудок не был скован противопоставлением объективного субъективному, не отвлекался на критическое осмысление разного восприятия действительности. Мифопоэтический склад ума отождествлял то, что волнует, с тем, что существует. Отсюда – все таинства мифов, способных завораживать нас, разучившихся мыслить исключительно образами, хотя бы уже потому, что они основаны на таком типе связи мировосприятия человека с самой природой, которого не достигли еще научные знания, да и вряд ли достигнут.

Конечно, наивно было бы отрицать положительные результаты фундаментальных научных исследований, однако нельзя не согласиться и с тем, что даже самые точные науки не объясняют мир во всей его многогранности. Они, скорее, ограничивают предмет познания.

Лаоцзы (мыслитель Древнего Китая): „Ты глуп уже потому, что рационален. Недостаточно быть разумным и рациональным. Иррациональное тоже должно иметь место для существования. Только тот разумен, кто одновременно рационален и иррационален”.

Эту идею по-своему выразил гетевский Фауст, безуспешно искавший в науках „вселенной внутреннюю связь”:

...И к магии я обратился,
Чтоб дух по зову мне явился
И тайну бытия открыл,
Чтоб я, невежда, без конца...
...Постиг все сущее в основе.

Лишь через творчество, во многом субъективную деятельность раскрывается многообразие жизни. Деятельность эта интегральна и всемогуща, она почти не поддается анализу. Трезвая рациональность способна только потеснить Ауру – животворный ореол из рудиментов мифологического сознания, преградить путь к Аритмоиде, согласно восточной традиции, – Стране общечеловеческой культуры. На вратах ее указаны ус-

ловия благополучного следования: совместить дух искательства, совершенствования, свойственный научному мышлению, нравственные каноны мировых религий и непосредственность, гармоничность мифопоэтического творчества.

Не этот ли синкретизм – взаимопроникновение, обогащение всех форм мышления – и является квинтэссенцией нашего времени? А сами мифы? Не осколки ли это сверхзнания, сохранившиеся от предыдущих цивилизаций? Неоспоримо одно: мифопоэтические творения – плод вдохновенного познания бытия, исключительной духовной одаренности древнего человека, постигавшего Космос и себя в нем.

Чем, собственно, привлекательна глубокая древность, архаика человеческой жизни? Да тем, что они неотъемлемые звенья в цепи нашей истории, духовной эволюции.

Гегель (философ-идеалист прошлого столетия): „Все предметно данное человеку несет на себе печать понятия, исторической субстанции духа”.

Самоутверждаясь, человек неизбежно возвращается от формул наук к образам мифологии, где чрезвычайно цельная, последовательная модель мира основана исключительно на реальности, естественности проявления бытия. В этом, кстати, сходятся все, кто так или иначе причастен к самобытному явлению культуры – герменевтике. Они, можно сказать, неразделимы – герменевтика и мифология.

Этимологические корни герменевтики – в античной мифологии, деяниях Гермеса, своего рода посредника между богами и людьми. Вестник богов доставлял людям с Олимпа послания всевышних и истолковывал их. Отсюда происхождение и самого имени Гермес (греческое *hermeneuo* – разъясняю, толкую).

По свидетельству древних историков, Александр Македонский посещал гробницу Гермеса, чтобы возложить там каменную плиту – „Изумрудную скрижаль” с высеченными заповедями, Принципами герметического учения. Хотя это, возможно, легенда, но в оккультных братствах хранится свод изречений – „Кибалион”, содержащихся якобы в „Скрижали”. Посвященный в Гермесово братство должен был знать их наизусть.

Касаясь сущности предмета герменевтики, надо признать: границы ее крайне расплывчаты. За исходное можно взять понимание ее Г. Гадамером: „Искусство изъяснять и передавать путем собственного истолкования то, что сказано другими и живет в нашей традиции, но не обладает непосредственной понятностью”.

Чем еще примечательна герменевтика? Прежде всего тем,

Гермес. Фрагмент плиты с острова Тасос, около 480 г. до н. э.

Анзуд, птица божественного происхождения, выполняющая в мифах Аккада и Шумера посредническую роль между земной и небесной сферами. Рельеф из города Лагаша, III тыс. до н. э.

что она завладевает умами, выдвигается на авансцену человеческой культуры в строго определенные периоды истории. Наивысший взлет ее приходится на переломные, кризисные даже периоды – потрясения основ бытия, разрушения „естественных очевидностей“, характерных как раз для „осевого

Изумрудная скрижаль Гермеса по представлениям средневековых алхимиков

времени". Такую эпоху человечество пережило задолго до нашей эры, а длилась она примерно шесть столетий (800 – 200 гг. до н. э.). Зарождалась философия веры, осуществлялся переход мифопоэтического сознания в религиозное, формировались мировые религии. Тогда и развернулись дискуссии мыслителей, сторонников „божественного учения” Гермеса, „науки о духе”.

Всеми необходимыми признаками „осевого времени” обладает и эпоха Возрождения, пора великих географических и технических открытий, гуманитарного переосмысливания действительности. Незыблемые, казалось бы, религиозные устои заметно пошатнулись под воздействием рационализма, свободомыслия. Тогда-то пробил еще один „звездный час” герменевтики, толкующей священные писания в угодку новым социальным преобразованиям.

Итак, наибольшего расцвета герменевтика достигает в античном мире, в период Реформации, Возрождения и, наконец, в нашу эпоху, название которой еще предстоит придумать, исходя из зарождения в ней синкретического мировосприятия, в основе которого лежит триединство: мифологическое, религиозное, научное мышление.

Герменевтика констатирует прежде всего огромное значение всего исторического опыта, в котором сконцентрированы смысл истории и судьбы человечества. Образно говоря, герменевтика – своего рода отметка на колесе истории, по которому можно проследить его повороты, возвращение интереса к мудрости древних, поиску в архаике ответов на насущные вопросы жизни. Герменевты – истинные приверженцы пассеизма, то есть они ориентированы на прошлое, на историчность, на такую временную последовательность, которая не вытягивается вовсе в „дурную бесконечность” (Г. Гадамер).

Человеческое бытие бесконечно в том смысле, что имеет исток, корень и завершение. И человек способен что-то творить, создавать лишь в меру своей историчности. Провозглашая это, герменевтика опирается как на углубленное постижение истории, так и на познание деятельности, творчества человека. Этот принцип герменевтики выделяет роль человека, поколений людей – субъектов культурно-исторических деяний, в которых и благодаря которым осуществляется связь времен, складывается жизнь людей. Она-то и есть изначальный способ реальности, обеспечивающей человеку специфическую „осведомленность” об окружающих его вещах и о себе самом, или, другими словами, – „праклетка” человеческого мира и важнейший эмпирический фактор человековедения.

Ведь наша жизнь всеохватна, она – совокупность всех на-

ших возможных поступков, отношений и ценностей – от простейших ощущений и фиксаций до самых совершенных произведений искусства, метафизических воззрений, мистических образов. Здесь много иррационального, субъективного, что исключает, естественно, полную объективизацию, логическое объяснение. Впрочем, гармонию, согласимся с поэтом, до конца проверить алгеброй невозможно.

Карл Густав Юнг (швейцарский мыслитель нашего столетия): „Современный человек не понимает, насколько его „рационализм“ (растворивший его способность отвечать божественным силам и идеям) отдал его на милость психической „преисподней“. Он освободил себя от суеверий (как он полагает), но при этом он до опасной степени утратил свои духовные ценности. Его моральная и духовная традиция распалась, и теперь он расплачивается за это повсеместное распадение дезориентацией и разобщенностью”.

Важнее всего – узреть в архаических памятниках, произведениях мифотворчества закодированный текст, ибо это имеет гносеологическое значение, поскольку все, что связано с личностью человека, этим неисчерпаемым космосом мироздания, находит свое наиболее полное выражение в организованной особым образом системе знаков, смысловых единиц – в языке.

Фридрих Шлейермахер (основоположник современной герменевтики): „...все предполагающееся в герменевтике есть только язык, и все, относящееся к ней, включая также объективные и субъективные предпосылки, должно браться из языка”.

Исследуя языковую сущность мировосприятия, обнаруживаем, что оно происходит из некоего набора первоначальных смысловых образований, архаичных прототипов, или первообразов. Удачное название им придумано К. Юнгом – архетипы. Определения и эпитеты архетипам даются самые разные: „коллективный осадок исторического прошлого”, „коллективное бессознательное”, „моменты самой жизни”, „типичный способ понимания”...

При всем многообразии этих оценок нетрудно заметить, что каждая, по существу, отражает одну и ту же черту первомыслей, а именно их генетическую связь с наиболее фундаментальными свойствами, потребностями человека. Проще говоря, психика, мироощущение даже новорожденного вовсе несравнимы с чистым листом: в них отражена архетипичность человеческого поведения. В определенном смысле можно да-

же утверждать: в „подлунном мире” не происходит ничего сверхнового, так как все – повторение тех же изначальных образов, архетипов.

Карл Густав Юнг: „...тот, кто говорит архетипами, глаголет как бы тысячей голосов... он поднимает изображаемое им из мира единократного и преходящего в сферу вечного; притом и свою личную судьбу он возвышает до всечеловеческой судьбы”.

Образы мироздания, преследовавшие наших древнейших предков, ни в какой мере не отступаются и от нас: то явно, то подобно сновидениям они возникают в нашем сознании, образуют феномен общечеловеческой памяти.

Эдгар По (американский писатель прошлого века): „Мы бродим среди судеб нашего земного существования, нас сопровождают смутные воспоминания о более широкой судьбе, – но они всегда с нами. Об очень далекой, бесконечной, величественной... судьбе прошедших времен. Мы знаем, что это не сны. Мы знаем, что это воспоминания”.

Наш образ мыслей, формы поведения, плоды всевозможного творчества – живые нити многокрасочного полотна мифа, сотканного тысячами поколений. Закономерность истории человечества такова, что за эпохой демифологизации, развенчания мифа следует его реабилитация, эпоха ремифологизации. „Осевое время” – как раз та граница, где сталкиваются эти противоречия, сменяются эпохи, в результате чего, подобно ядерному синтезу, высвобождается могучая творческая энергия. Нынешним поколениям выпало „пограничье”, то есть жить на рубеже великого прошлого и столь же великого будущего мифа.

Мишель Нострадамус (астролог, XVI в.):

Мир ждет повелителя света и знаний.
Казалось, что он никогда не придет.
Дорогу Гермеса мостят ожиданьем...

Нынешняя концепция „осевого времени”, по сути, не что иное, как современная интерпретация архаических мифов о неизбежной повторяемости, цикличности – возвращении „на круги своя” важнейших процессов, в том числе и процессов мироздания. Христианские пророчества о повторном пришествии Мессии, учение Корана („Аллах – тот, кто вершит Сотворение, потому он его повторяет”), буддийские поверья о кру-

говороте будд (одни умирают, другие воплощаются и приступают к исполнению своих обязанностей), идея брахманизма о переселении душ – все это имеет единые мифические истоки.

Всякая повторяемость, не исключая и исторической, глобальной, осознана еще в глубокой древности, когда были обнаружены природные, астральные периоды, разбивающие время, а стало быть, и жизнь на циклы разной продолжительности. В первомифах находим свидетельства о рождении, исчезновении и неперенном возвращении к людям богов, наиболее чтимых героев.

Представление о бесконечном повторении подобных событий – пожалуй, самое устойчивое и всеобщее в древних моделях мироздания. Представители разных эпох: Фома Аквинский, Роджер Бэкон, Данте – мыслители самых различных идеологических направлений приходили к убеждению, что во вселенской истории неизбежны циклы, витки. Гегель, обосновывая философию истории, утверждал, что в природе все повторяется до бесконечности, „нет ничего нового под солнцем”. Гегелевская диалектика предстает как переплетение исторических событий, в общем-то необратимых и независимых от явлений природы, где повороты и возвращения неизбежны. Хаос преодолевается космосом; происходит диалектическое отрицание отрицания или (перефразируем Гегеля) возвращение возвращения.

А ветхозаветная притча о возвращении блудного сына. Не заключена ли в ней идея о сущности все того же „осевого времени”? Самонадеянно поплутав по свету в поисках Новой Истины, Полной Свободы, отвергнув нравственные устои, обязательства, попусту растратив себя „в дальней стороне заблуждений и страстей”, человек (считай – человечество) возвращается с чужбины под родительский кров. Надо понимать: к своему естеству, первородству – Отцу – Природе, плоть от плоти которой суждено быть каждому из людей. „...Встану, пойду к Отцу моему”.

„Кибалион” Гермеса: „Весь прогресс является Возвращением Домой”.

Эта идея едва ли не главенствует в архаических памятниках человеческой мудрости: возвращение мирового маятника к некоей исходной точке неминуемо. У древних греков эта неизбежность опозитизирована в странствиях Одиссея. Претерпев все козни и искушения, античный „блудный сын” возвращается все же к родному порогу.

Тема Возвращения пронизывает мировую фантастику, где

рассказывается о землянах, очутившихся вне своего „Дома бытия“. Мыслящая субстанция планеты Солярис в киноленте Андрея Тарковского способна материализовать сокровенные чаяния „земного скитальца“, ностальгически бредящего о возвращении ему хотя бы клочка, уголка покинутой планеты. Блудный космический сын, припавший к ногам отца, хранителя родительского очага, словно сошел с „библейского полотна“ Рембрандта.

Искушение на чужбине. С графического листа из комедии „Притчи блудного сына“ Симеона Полоцкого, XVII век

Представления ранней мифологии о цикличности космических, биологических процессов – о Возвращении – распространились на метаисторию, предполагающую эволюцию всечеловечества, постижения его законов. Кажущаяся прямолинейность эволюционного развития в действительности – неисчислимые витки воображаемой спирали, таящей в себе разгадку вселенской гармонии. Периодическая повторяемость темы, определенной мирозданием, сравнима разве что с рондо грандиозной симфонии общечеловеческого Бытия. В нем, справедливо убеждает нас философ античности Прокл, содержатся те же стадии, что и в движении отдельной души: пребывание, исхождение и непременно Возвращение. В нем М. Хайдеггеру ви-

дятся „благой и торжественный итог жизни, окончательное совпадение „ландшафта” и человека, пути жизни и родного пути”.

Для далекого нашего предка миф о вечном Возвращении был, наверное, некой гарантией спокойствия, уверенности за будущее. В самом деле, отсутствие или нарушение повторяемости вступало в противоречие с картиной природы, которую наблюдал житель древнейших пещер. А это вызывало у него

Возвращение блудного сына. Ксилография из Учительского Евангелия. Крилос, 1606 год

естественное беспокойство, страх за дальнейшее существование, поскольку оно становилось непредсказуемым без Возвращения, а стало быть, рискованно опасным. Существует даже такой термин – „ужас истории”. Вот он-то и обуревал архаического человека, пока тот не осознал успокаивающее мифическое время в виде колеса, отмеряющего поворот за поворотом.

Сегодня рецидив архаического страха привел, можно сказать, в движение мировую „ось истории”. Утрата исторической перспективы, угрожающая непредсказуемость, потеря контроля над колесом времени – все это не могло не вызвать у населения Земли реакцию самосохранения, чувство вины за глухое безразличие к зову естества – проявить к нему благоразумие.

По сути своей феномен Возвращения – проявление всечеловеческого покаяния, возможно, и запоздалого, тем не менее выстраданного ответа на вызов истории. Примечательно, что слово „тшува” в каббалистической литературе означает три взаимосвязанных понятия: „возвращение” (возврат к Всевышнему, Природе), „ответ” и „поворот” (выбор жизненного пути). Мудрецы всех времен и культур не уставали предупреждать о необходимости искреннего покаяния, признания порочных заблуждений.

Апокалипсис Иоанна: „Вспомни, откуда ты ниспал, и покаяйся, и твори прежние дела...”

Сёрен Кьеркегор (датский религиозный философ прошлого столетия): „Как только единичный индивид пытается сделать себя значимым в своей единичности перед лицом всеобщего, он согрешает и может лишь, признав это, снова примириться со всеобщим”.

Архаический путник. Изображение палеолитической эпохи на карельской скале

„Плетеная лента”. Орнамент, возникший в культурах Древнего Востока. С VII в. до н. э. популярен в росписях античных сосудов, саркофагов, стенной живописи, мозаике. Часто применяется в ранне-средневековом искусстве. Переплетенные спирали – лаконичный символ круговоротов мироздания, взаимозависимости всех явлений

В традициях Востока истинность человеческого бытия, путь также согласуются с естеством. Философия дзэн-буддизма основана фактически на этом принципе: „Повинуйтесь природе вещей, и вы будете в гармонии с Путем”. Зачастую эти же мысли использовали в притчах, переводили на язык аллегорий. „Однажды к Мастеру пришел монах, чтобы узнать, где находится вход на Путь истины. Мастер спросил его: „Слышишь бормотанье ручья?” „Слышу”, – ответил монах. „Вход здесь”, – сказал Мастер”.

„Кибалион” Гермеса: „Тот, кто знает Истину духовной природы Вселенной, тот действительно продвинулся по пути к Мастерству”.

Однако человек то и дело вступает на путь, проложенный мифическим Каином: непослушания праотцам, вражды с природой, противоестественного противоборства между братьями. В таком случае возмездие неминуемо, даже Бог отворачивается от тех, кто выбрал этот путь. „Горе им, потому что они идут путем каиновым!” (Библия).

Приближается, хочется верить, время полного и осознанного отречения от каиновых помыслов и дел, вынужденного раскаяния, иначе говоря, – раскаинования. По крайней мере, можно утверждать: мы – свидетели, участники того стихийного Поворота истории, когда сама Природа требует Возвращения – к утраченному равновесию, порядку, способности остановиться, оглянуться, сделать передышку в бурном порыве Жизни. Человеку же, вовлеченному в этот всемирный процесс, предстоит помимо покаяния сделать соответствующие реальные шаги, чтобы „вписаться” в Поворот, совершить решительный скачок в сферу иных критериев и ценностей.

Мартин Хайдеггер (мыслитель нашего времени): „Дело именно в том, что это возвращение нуждается в скачке, для которого пришло время, время мышления, отличное от исчисления, которое сегодня отовсюду протискивается в наше мышление”.

Если человек хочет достичь чьего-либо понимания, он инстинктивно, интуитивно даже обращается к архаическому „словарю”, составленному на протяжении тысячелетий. По сей день действует закон нашего мировосприятия, отмеченный еще древними греками: вещи, явления отличаются тем, чем они походят друг на друга, что у них общего. Памятуя об этом, попробуем по мере возможности разобраться в самом древнем „словаре”, его „вечных символах”, их природе, эволюции.

Какое же, однако, направление наиболее верное на этом Гермесовом пути? Сам древнегреческий бог подсказывает: начинать надо с определения исходного вида деятельности, творчества человека, его „первотруда“, в сфере которого только и могли сформироваться „коллективное бессознательное“, первомысли, первомифы, праяобразы Всего Сущего и всего того, что еще будет существовать.

Духовное устремление мощного
коллектива запечатлевает образ
истинного значения, и оболочка
символа означает мировой знак...
Правы искатели общего языка.

„Агни Йога“

Охота, рыболовство, собирательство и связанное со всем этим изготовление орудий труда окончательно определили дальнейшую судьбу Гомо сапиенса. Так что же в таком случае относится к человеческому первотруду, архетворчеству, порождающему изначальные архетипы? Ответить на это невозможно, пока не удастся найти то интегрирующее начало, которое связывало в единый процесс житнетворчества всю деятельность человека на протяжении всей эволюции.

Фридрих Энгельс (немецкий мыслитель прошлого столетия): „Прежде чем первый камень при помощи человеческой руки был превращен в нечто, должен был, вероятно, пройти такой длинный период времени, что в сравнении с ним известный нам исторический период является незначительным”.

Зададимся вопросом: что, кроме целенаправленного перемещения в пространстве, прокладки для этого маршрута, можно считать „праклеткой” всякой осознанной деятельности? Она невозможна без путепроходства. Для удовлетворения элементарных потребностей наш далекий предок должен был разведать, проложить, обозначить путь к источникам пищи и воды, залежам, как мы говорим сегодня, полезных ископаемых. Само по себе путепроходство каких-либо материальных благ непосредственно в себе не несет. Оно всего лишь служит приближению к объектам интереса, определенной цели, но необходимо в жизнедеятельности и естественно, как дыхание. Не из-за этой ли естественности, само собой разумеющейся всеобщности пространственных перемещений путепроходство не стало предметом пристального внимания антропологов, историков, философов? Хотя именно приспособленность к перемещению в реальном пространстве определяет, в частности, анатомическое, физиологическое строение всего живого.

Ле Корбюзье (выдающийся архитектор современности): „Овладение пространством – таково первое побуждение всего живого”.

Не только к творчеству, а и к жизни вообще мы относимся как к взаимодействию динамических и статистических начал,

как к бесконечному многообразию движений. Гиподинамия, не говоря уже о полной неподвижности, противоречит нормальной жизни. В обыденном понимании эта метафизическая аксиома и закон мироздания выражены в простых аллегориях: идти – значит жить, ходить по земле – значит существовать на этом свете. Во всех языках мира этим понятиям мы находим синонимы.

Разве прямохождение – один из главных критериев гоминизации приматов – не связано с необходимостью ускорить движение, видеть на большее расстояние, освободить, наконец, пару конечностей для прокладки пути и защиты себя в нем? Исследования свидетельствуют о завидной ловкости древних жителей, их выносливости, исключительной подвижности, быстроте передвижения. Люди верхнего палеолита, кстати сказать, превосходно ориентировались в пути, совершая сверхдальние (даже по нынешним меркам) переходы. За обсидааном, например, ходили за многие сотни километров. Возникают и новые импульсы в развитии путепроходства – установление связей с соседями-племенами для обмена материальными и даже духовными ценностями.

Необоснованны поэтому суждения о полной подавленности первобытных природой, о том, что малоосвоенные земли, сплошные лесные массивы якобы делали их „домоседами“. Невзирая ни на что, наш далекий предок становился только хитрее на выдумки в преодолении всякого рода преград. Осознаваемая прокладка путей, налаживание целенаправленных, сухопутных сообщений способствовали развитию человеческого в человеке – духовности, эмоционального восприятия мира. В пути-дороге, и только там, постигался многомерный феномен мироздания: пространство – время, складывались мифические образы.

„Эмоция“ в переводе с древнегреческого означает движение. Чарльз Дарвин убедительно связал человеческие эмоции с движением людей. Эмоции – всякое, включая потенциальное, движение. Мы наслаждаемся движением и тяготимся ограничениями свободного перемещения. Мимика, жест, как ни странно, – простейшие динамические формы проявления эмоций. Несравнимо богаче выглядят в эмоциональном плане растянувшиеся на длительное время и в обширном пространстве „жесты“: ходьба, путешествие в неведомую даль, вызывающие переплетение богатейших чувств, острейших переживаний, – это генетическое наследство, оставленное первыми путешественниками. Мы просто вынуждены проводить параллель между нашим сознанием и мировосприятием древнейших землян – гуманоидов, хотя за тысячи поколений челове-

ские эмоции претерпели разительные перемены. У нас же, однако, нет другого, „нейтрального“, аппарата исследований, кроме собственной логики, своего видения мира.

Впрочем, бесценный материал дает нам общение с людьми, оставшимися на родовой стадии развития. Известны, например, рассуждения одного из представителей зулусов: „Я сел на скалу и стал задавать себе грустные вопросы: да, грустные, потому что я не в силах был ответить на них: воды никогда не устают, у них нет другого дела, как течь не переставая от утра до ночи и от ночи до утра, но где же они останавливаются и кто заставляет их течь таким образом? И облака тоже приходят и уходят... Откуда они приходят?“

Поиск ответов на аналогичные вопросы подвигал к постижению таинств мироздания, всеобщего характера движения, собственного опыта проникновения в окружающий мир. Шло обобщение, затем абстрагирование реальных явлений, сопровождавших древнего путника. Первомысли, археобразы человека, мифы зачинались, складывались, можно сказать, в пути.

Как зафиксировать на местности или в памяти путь, уже проложенный однажды, — мучительная проблема, стоявшая перед мыслящим существом. Подсказкой здесь послужил обычный след, отпечатавшийся на песке, мягкой земле. По собственному следу можно было отыскать обратный путь или вновь отправиться в дорогу, осваивая ее. Не они ли, отпечатки ступней, стали первыми архетипами, выражающими правильность и относительную безопасность проторенного маршрута. Некоторые народы многие тысячелетия указывали переправу через водоемы, высекая на камнях брода метки-ступни.

Отпечаток ноги неантропа
на глиняном полу пещеры
Альден. Франция

Со временем и понятие, заключенное в слове „след“, превращалось в мифический образ человеческого присутствия, существования. В древнейшей песне бушменов есть такие строки:

В день нашей смерти	То было бы,
Приходит ветер,	Будто мы
Чтобы стереть	Все еще живы,
Следы наших ног.	Поэтому ветер
.....	Приходит
Но если бы это было не так,	Стереть
	Следы наших ног.

...То, что выходит за ребенком из утробы матери, называется последом, а то, что остается после нас (доброе или плохое) – последствием нашего пребывания в этой жизни.

Рэй Брэдбери (современный писатель-фантаст): „Каждый человек должен что-то оставить после себя... Что-то, чего при жизни касались твои пальцы... Люди будут смотреть на возвращенное тобою дерево или цветок, и в эту минуту ты будешь жив”.

„Оставить След в жизни”. У всех народов это означает примерно одно и то же: прожить достойно, создать нечто значительное, то, что переживет самого создателя.

Иоганн Гете (немецкий писатель, XVIII – XIX вв.):

Воплощены следы моих борений
И не сотрутся никогда они.

Образ человеческого следа широко распространен в славянском лексиконе и народной символике. Понятиями „поступь”, „следование” определяются все продуманные действия человека. Мы привыкли называть эти вымеренные действия поступками. Из следов-поступков отдельного человека складывается его биография, из совокупности человеческих следов-событий – история человечества. Благодаря им мы ощущаем себя частицей цивилизации, осознаем свое место в культурной эволюции.

Сёрен Кьеркегор: „Если бы человеческий род проходил по свету, не оставляя следа, как корабль, скользящий по воде, или как ветер, мчащийся по пустыне, подобно бездумному и беспощадному капризу, если бы вечное забвение всегда жадно подстерегало свою добычу и никакая сила не способна была бы вырвать эту добычу из его когтей, как безутешна и пуста оказалась бы тогда жизнь!”

Уроки истории, житейский опыт, что это как не следы деятельности прошлых поколений? Следовать советам умудрен-

ных опытом — продвигаться, в сущности, по их следам (стопам) и ориентирам, сохранять определенную преемственность, стабильность.

Карлос Кастанеда (американский писатель, философ нашего времени): „Идти нужно по следам: лишь тогда человек обретает мужество. Без пути мы — ничто”.

Наскальный рисунок австралийских аборигенов — „след” предка, странствующего по земле во „время сновидения”

Нарушение установленных норм, порядка, обычаев, иными словами, проСтупок, преСтупление, отСтупление, есть не что иное, как заблуждение, потеря правильного направления. „БесПутный”, „неПутевый”, по существу, также — человек, потерявший нравственные ориентиры, сбившийся с Пути.

В старину, когда кто-либо из родичей покидал поселение, долго не подметали в избе, чтобы не стереть следы ушедшего, иначе ему не найти дорогу к дому, не воротиться. По стародавним верованиям, колдуны творили „чары на след” — „повреждали или вовсе уничтожали его”. Иначе говоря, лишали человека способности двигаться вообще, „сбивали с ног”, чтобы уложить в постель. Случись кому-либо заболеть, воротясь из лесу, заключение знахаря было обычно таково: горемыка „след лешего перешел”. И вообще попавший невзначай на такой мистический след непременно терял свою дорогу, блуждал.

Учебник по черной магии рекомендует особый вид козней — „порчу на след”: „Заметив оставленный лицом, подлежащим порче, след на земле или снегу, его вынимают так, чтобы обвести широким ножом весь оттиск. Затем его либо жгут на огне, посылая мысленные и словесные пожелания бедствий и недугов околдовываемому, либо сушат в трубе”.

Образ следа — одно из значительных свидетельств устойчивости нашего архетипичного мышления и мировосприятия.

„...На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы”.

Использование первобытным человеком в качестве ориентиров собственных следов оставалось все же пассивным приспособлением к матери-природе, не гарантировало надежного выхода из различных ситуаций. Стирались следы — терял дорогу путник, что грозило ему гибелью, а в итоге ограничивало развитие путепроходства.

Предстояло совершить решающие действия, недоступные никакому животному, а именно создавать искусственные знаки и с их помощью передавать свои навыки, коллективный опыт последующим поколениям. Очевидно, с этого человек и начал превращаться в человека. Метить свой путь и безошибочно находить дорогу назад способны и муравьи. А вот осознать и тем более выразить путь, особенности преодолеваемого пространства, его расчлененность, протяженность дано только человеку.

Сколь сложными, многогранными ни представляли бы перед нами символы, все они относятся к области протяженного.

„Меандры”, прочерченные первобытными художниками в пещере Хорнос де ла Пенья.
Италия

Освальд Шпенглер (немецкий философ нынешнего века): „Даже если они [символы] и обозначают становление, даже если они и состоят из выразительных обычаев и жестов, все же они неподвижно ограничены и подчинены законам пространства. Существуют только чувственно-пространственные символы”.

В свою очередь пространство могло осознаваться только в движении, а символы, выражающие его, — в виде разного

рода следов. Отсюда предпосылки нашей „фундаментальной графической деятельности“, как назвал известный психолог Дж. Гибсон создание на какой-либо поверхности следов, последовательно запечатлевающих движение. Из множества орудий труда человек особо благоволил к тем, которые способны оставлять след на поверхностях: спицы, кисти, перья, мелки. Везде, где только возможно, — на песке, стенах, даже каше в тарелке, ребенок хочет что-то начертать, оставить, так сказать, след. Если ему дать предмет, оставляющий след, он обязательно пустит его в ход, не задумываясь, где и как реализовать „фундаментальное графическое действие“. Наказания, нормы этикета притупляют в конце концов эту генетически заложенную потребность, но не истребляют полностью. Она, по всей вероятности, двигатель прогресса. Изобразительное искусство, в частности, всецело основано, грубо говоря, на комбинации следов.

Свидетельство тому — произведения искусства, сотворенные робкими еще попытками неопытной первобытной руки. Наиболее древние из них, относящиеся к временам мустьерских поселений, — красочные пятна, продольные линии с поперечными нарезками на стенах пещер. Однако примитивные на первый взгляд линии, пятна — результат величайшего явления, происшедшего на земле: наш древнейший предок не просто „размазал“ краску, „испачкал“ ею камень, провел на нем ряд поперечных полос.

Алексей Окладников (академик): „Он подчинил мертвую, сотнями тысяч лет существовавшую независимо от него материю своей воле. Сначала этот обломок камня был просто куском природы, частью матери-земли. Теперь в нем воплотилось нечто иное, новое, чуждое природе до появления человека качество — человеческие идеи и чувства“.

Архаические следы человеческого творчества на речных гальках

Ошибочно все-таки вести отсчет развития художественного творчества от периода верхнепалеолита со сложившимся уже самобытным искусством. Не возникло же оно спонтанно,

вдруг, готовым, в сформировавшемся виде. Первые шаги в этой области были сделаны гораздо раньше. Начальные главы нашей общечеловеческой истории, протяженностью в сотни тысяч лет, были написаны именно штрихами и пятнами. Впрочем, даже самые архаичные из них обладали достаточной изобразительной определенностью, отражая, можно сказать, примитивную зрелость мышления. Авторы изложенных на камне идей отображали, бесспорно, только им ведомые важные пространства. Можно предположить: линии – некие трассы, маршруты, пути; пятна, выполненные в красном цвете, символизирующем жизнь, – определенные места обитания животных или стоянки какого-то племени; поперечины – фиксированные отрезки пути.

Если это так, перед нами – своеобразные карты-схемы вполне реальных территорий. Они, между прочим, характеризуют безымянных „картографов”, которые прежде всего обладали чувством долга, поскольку трудились в интересах и на пользу большого числа людей. Передавая свои знания, „картограф” древности испытывал, естественно, знакомое нам чувство удовлетворения от сознания того, что сделанное им пригодится сородичам, последующим поколениям.

Чем искуснее и точнее запечатлевались на „картине” топографические особенности местности, тем большим успехом пользовалась она и ее автор. Поэтому рисовальщик совершенствовал свое мастерство, стремясь нагляднее, полнее отображать действительность. Приятные эмоции, которые он не мог не испытывать, генетически закрепились в потребности к творчеству, свободному уже от чисто прагматических интересов. Так что искусство идет не от абстрактного дикаря, праздно потешающегося „мазней”. Истинные его мотивы – потребность познать окружающую бытность, выделить в ней наиболее значимое, сохранить добытые знания, передать их себе подобным. Только в естестве происхождения и становления искусства видят смысл художественного творчества, основоположники современной герменевтики.

Фридрих Шлейермахер: „Теряется значение всякого искусства, если вырвать его из природной среды. Оно тогда напоминает нечто, что спасено из огня и теперь хранит следы ожогов”.

Наиболее архаичные знаки, служащие ориентации в пространстве, должны были обладать внешней схожестью с натурными объектами и в то же время достаточной формализованностью, простотой исполнения, характерной для условных обозначений, доходчивостью, безошибочной узнаваемостью.

Плотин (греческий философ): „Египетские жрецы пользуются... не письменами, которые суть подражания голосу и речи, но рисуют изображения... как мыслимое содержание каждой вещи. Таким образом, каждое изображение является содержанием знания и мудрости, предметом и целостностью, не вызывая при этом толкований и рассуждений”.

Египтяне во времена фараонов действительно использовали выразительные графические символы, которыми обозначались на первый взгляд разные, но родственные своим внутренним смыслом вещи. Египет был черноземной плодородной равниной, обозначаемой соответствующим иероглифом (—). Граничила с ним совсем иная, чужая земля, состоящая из сморщенных гряд красного песка (∞). Этим знаком обозначались и „чужая страна”, и „пустыни”, и „горный край”, ведь горные цепи, обрамляющие долину Нила, также воспринимались чуждыми и пустынными. Поэтому иностранцы и животные пустыни также объединялись одинаковым знаком.

В связи с этим можно предположить: вне зависимости от местности, климатических условий и природного окружения „Путевые знаки” древности были похожи друг на друга, даже „унифицированы”, подобно современной дорожной сигнализации, тем более, что такому предположению имеется подтверждение. В наскальном искусстве Сахары прослеживаются те же черты, что и в южноафриканском, египетском додинастическом искусстве, в неолитических композициях Сибири, Скандинавии. Длинные вереницы однотипных животных как бы разбивают на участки некую пространственную протяженность. В древних „фресках” всех континентов встречается одно и то же изображение сидящей на корточках человеческой фигуры (так называемая „поза лягушки”). Что она могла означать? Место стоянки? Привал вдоль устоявшихся маршрутов?

Проводя аналогию между архаическими начертаниями и картами-путеводителями, попробуем понять некоторые из непостигнутых пока явлений древности. Одно из них — изображения на стенах палеолитических пещер, так называемые знаки мужского типа (удлиненные предметы — палочки, „елочки”, линии с точками, „стелы”) покрывают преимущественно стены у входа, на переходах и поворотах внутрипещерных ходов. Знаки же женского типа (овальные формы, прямоугольные „домики” и прочее) встречаются в наиболее потаенных частях пещер, в залах или расширениях. Почему? Почему оттисков левой руки на стенах сохранилось гораздо больше, нежели правой, схематичных изображений больше, чем фигур?

Секрет негомогенности (неоднородности) изображений не

удается разгадать с помощью противопоставления или выявления предпочтений (комбинаторный метод). Если отказаться от этого метода, не делить знаки на мужские и женские, а представить их как указатели для ориентации в гигантских, многоходовых пещерах — многое проясняется.

Перед тем, как погрузиться в каменное чрево пещер, необходимо было правильно определить, запомнить маршрут. Отсюда обилие знаков у входа. По мере продвижения в глубь подземелья указательных знаков, естественно, требуется все меньше и меньше, что и наблюдается на пещерных „табло”. Знаки, отнесенные к мужским, указывают на прямые участки и повороты, боковые ответвления и пересечения ходов, где они преимущественно и находятся. Женские знаки напоминают скорее указатели неких расширенных пространств, нежели женские гениталии. Поэтому-то и размещаются они в „за-лах” — местах лежищ, очагов, у входов в сакральные места пещер, „комнаты общего пользования”.

Внутрипещерные
„жен-ские” (сверху) и „муж-ские” знаки

Изображения жилищ, нарисованные краской на стенах первобытной пещеры Фон-де-Гом. Франция

Ошибочно все же за исходное принимать древнекитайские символы даосизма — мужское и женское начало, из взаимосвязи коих якобы и возникает весь окружающий мир. Осознанное проникновение в пещеру, нору как важнейший признак целенаправленного движения воспринимался дикарями непосредственно и независимо от полового влечения. Некоторые нынешние племена, сохранившие первобытный уклад, ничего

толком не знают о происхождении потомства, а превосходно ориентируются в запутанных пространствах. И еще немаловажная деталь: „дао” в переводе означает „путь”, „движение по выстроенному направлению”. Об эротике здесь ничего не говорит.

Представим себе доисторическую темную пещеру, куда пробирается ее обитатель, вернувшийся с охоты. Ему приходится ощупью двигаться в глубь жилища, шарить рукой по стене. Делал он это, по-видимому, левой, свободной от ноши рукой, отпечатки которой на размытых стенах со временем отвердевали. Они также служили надежным ориентиром многим поколениям пещерных обитателей.

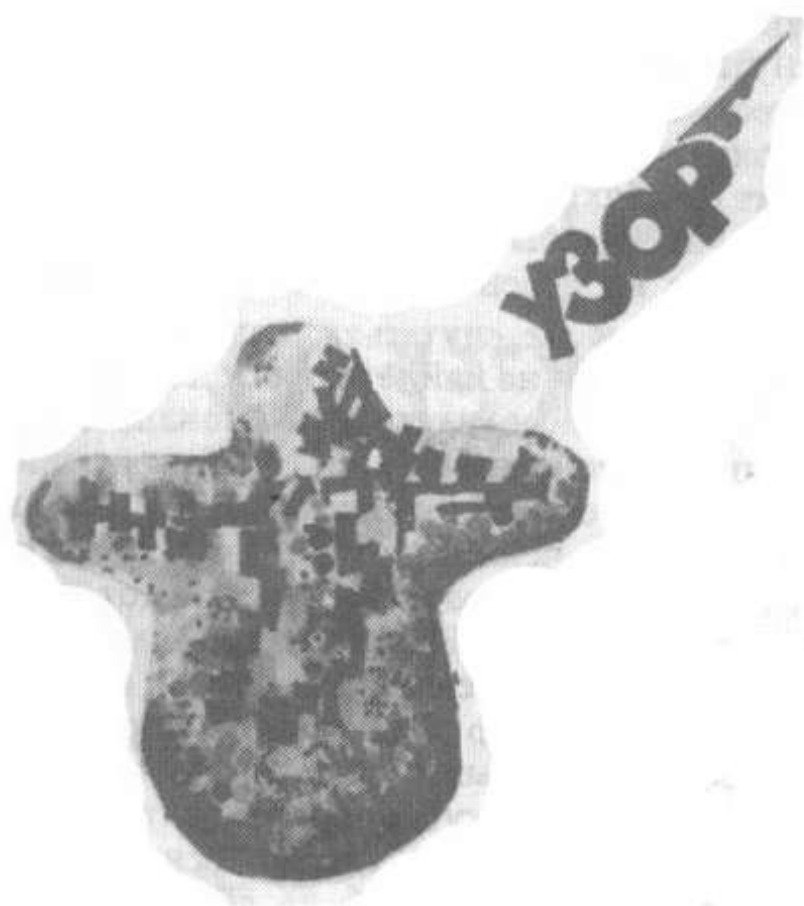
На каком-то этапе в путепроходстве и связанной с ним фиксации пространственных элементов обозначились повсеместная схематизация, стилистическое единообразие искусства. Выделились два контура изображений: прямой геометрический и криволинейный. Причем процесс их создания превратился в особого рода ритуал, мистическое действо. Еще бы! Здесь воздавалось должное многовековому опыту, жизненно важным сведениям.

Рукотворные знаки-метки архаической поры (наряду с мимикой и жестами) сопоставимы с песчинками, оказавшимися в моллюске и превратившимися в уникальную жемчужину. Питательная среда в данном случае — абстрактное мышление, мифопоэтическое творчество, а жемчужина — человеческая символика, основа „мирового языка”, письменности.

Не из потребности ли отыскивать путь таким образом возник один из загадочных феноменов древности — нанесение изображений одного на другое? Первобытные обитатели Сирии, Африки, Франции, нанося поверх ранних изображений свои, хотя и вполне схожие с предыдущими, уничтожали плоды творческого труда предшествующих поколений. Зачем? Ведь можно было использовать для „рисования” другие, свободные места. Остается предположить: уничтожалась устаревшая с течением времени информация или происходила ее корректировка, обусловленная жизненной ситуацией. Древнейшие „картографы” вполне осознанно наносили на устаревшие знания новые, более достоверные, делая последние объемными, осязаемыми, чтобы в любое время суток в них можно было разобраться.

Какой восторг и сил какой напор
Во мне рождает это начертанье!
Я оживаю, глядя на узор,
И вновь бужу уснувшие желанья...

Гете

Передача сообщений с помощью жестов, мимики, звуков, одним словом языка, — плод творения духа, сознания. Он мог возникнуть только из нужд целенаправленной деятельности, ибо само бытие духа может мыслиться только в осознанном действии.

В одинаковой степени это касается языка графического, заключающего в себе ряд следов, оставленных на какой-либо поверхности. Трудно представить нечто другое, кроме путепроходства, что могло бы столь кардинальным образом подвинуть приматов к овладению подобным языком. Кстати, магические представления многих ныне существующих племен сохранили доисторическую аксиому: успех путешествий зависит от всякого рода начертаний. Когда, к примеру, охотник уходит за добычей, его детям запрещено делать какие-либо чертежи на дереве или песке. В противном случае следы отца могут так же спутаться, как линии рисунков, и, таким образом, охотник не найдет дороги домой.

Итак, условные начертания понадобились человеку для фиксации проторенных путей, для выражения пространственно-временных связей, отличающих тот или иной маршрут, характеризующих всякое путешествие. Вот, стало быть, откуда идут предпосылки создания текстов (от латинского *textus* — связь, соединение). Графические знаки, тексты оказались единственно приемлемым средством адекватного отображения преодолеваемого пространства, поскольку производилось оно пространственными же очертаниями, причем одинаково важны были конфигурация и относительный размер, расстояние между ними. Наглядность, осязаемость, долговечность всяческих следов — знаков на дереве, камне — тоже фактор немаловажный.

Начертательное письмо путепроходцев изначально представляло собой алфавит из рисунков, или пиктограмм. В этом наглядно-изобразительном способе письма наилучшим образом преодолевалась противоположность между явственным и умозрительным. Внешние свойства легко превращались в знак (заместитель) внутреннего содержания. Внимательное знакомство с рунами, древнейшими письмами, приводит к мысли:

то были своего рода путевые знаки, сообщающие о примыкании, пересечении путей, направлении движения. Что характерно, рунические письма изображались и читались бустрофедоном („так, как пашет вол“) – справа налево и продолжались, не прерываясь, в обратном направлении. Руны читаются даже с середины в любом направлении, так же как маршрутные схемы, дорожные атласы, в зависимости от нашего местонахождения на маршруте и пункта следования.

Старшие руны

Слоговые знаки древне-
критского линейного
письма

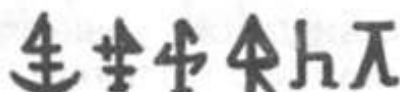
Буквы алфавита раннего
брахми (индийское слоговое
письмо)

Енисейские руны

Домовые знаки (тамги)
с острова Фер

Ассиро-вавилонская клинопись

Древнегреческий бустрофедон

Можно сделать еще одно предположение: руны, изначально служившие фиксации и отысканию путей, некогда побудили к попытке записать нечто событийное, значительное, сложившееся в реальной жизни, в пути. Другими словами, они предварили хронологические описания, сюжетные повествования, разбитые подобно дорогам на отдельные этапы. За эту способность, чрезвычайно важную для самосознания людей, руны со временем были окружены чуть ли не ореолом святости, стали предметом поклонения. Примитивные путевые метки, превратившись в алфавит, письма, приобрели силу магических заклинаний, песнопений, наделенных сверхчеловеческой мудростью, способностью познавать неведомое.

Нас не должен смущать довольно ограниченный набор типовых, так сказать, знаков древнейших алфавитов; ведь ими обозначались одни и те же, самые характерные, типичные предметы пути. В этой типичности заложен огромный созидательный смысл.

Томас Манн: (немецкий писатель нашего столетия): „...типичное, как и всякий миф, — это изначальный образец, изначальная форма жизни, всевременная схема, издревле заданная формула, в которые укладывается осознающая себя жизнь, смутно стремящаяся вновь обрести некогда предначертанные ей приметы”.

Эволюция письма, переход от пиктограмм к иероглифам не смогли „стереть” основные изобразительные архетипы. Современный китайский иероглиф, к примеру, обозначающий тропу, практически тот же рунический знак, напоминающий стилизованное схождение, слияние путей, 人.

Любопытно, что геометрическое очертание, каллиграфия любого алфавита, манера письма, „почерк” различных культур отражают особенности мира, в котором они развивались, пробивали свой путь. Рунические надписи европейцев напоминают „частокол” деревьев необжитого лесного континента. Иероглифы Китая — подобие многосложных подъемов и спусков в горном краю, египетские руны, арабская вязь ассоциируются с песчаными барханами, плавно переходящими один в другой. Хеттские письма сопоставимы со скалами, нагромождением камней Анатолийского нагорья. Округлые, сконцентрированные майяские иероглифы похожи на схематичные модели индейских поселений, окруженных сельвой. Индуистские письма навевают образ тропических джунглей, сплетенных лиан, упирающихся в небо...

卜头谷个斗吉团

Китайские иероглифы

حَسَدُ نَاقِلِ الْحَسَنَاتِ

Арабская вязь

[illegible]

Рисуночная хеттская иероглифика

Письменные знаки мая

भूतविशेषस्यम् । ब्रह्माणा

Современное индийское письмо (деванагари)

Теперь рассмотрим в написание цифр. В Риме они — стена вертикальных „стволов”, читаемая горизонтально. Китайский цифровой ряд строго вертикальный, ступенчатый, восходящий. Арабские цифры в своем первородстве — схематичное очертание изломов неких трасс, количество которых и давало искомое число. Не означает ли это, что цифровая запись также „вышла” из графических изображений маршрутов?

0123456789

Первоначальное написание арабских цифр

XIII 十 三

Число 13 в римском и китайском начертании

Чтобы узнать истоки письменности, следует снова стать на первобытную тропу. В длительных переходах древние путники пользовались переносной дощечкой с вырезанными на ней условными знаками. Таковые, кстати, и теперь еще в ходу у австралийских аборигенов — в качестве маршрутных карт. На них может содержаться, скажем, приглашение определенного лица в гости или на совет с одновременным указанием маршрута. В строгой последовательности знаков были зашифрованы наиболее заметные ориентиры, приметы: обрывы, рвы, обмелевшие реки, холмы, открытые равнины...

Полинезийские служители культа — в Новой Зеландии, на Таити, Маркизских островах — носят с собой тщательно орнаментированную палку. С ее помощью островитяне испокон веку взывали в молитвах к богам, распевая их, как бы считывая резной текст. Руководили этими песнопениями жрецы, которые на острове Пасхи именовались ронго-ронго: во время молебна они держали в руках маленькие деревянные дощечки (кохау) с вырезанными на них стилизованными силуэтами людей, рыб, растений, геометрическими фигурами.

Вначале этнографы предполагали, что эти фигурки являются знаками какого-то особого письма, так как они очень похожи на иероглифы. Однако возникли сомнения. На острове не

„Жезл” из пещеры
Историц

Переносное изваяние
из песчаника, найденное
в Хакасии

Волшебная палочка
австралийцев

удалось найти ни одного туземца, который мог бы объяснить значение хотя бы отдельных знаков. Обнаружилось также, что группы знаков достаточно часто повторяются, а набор самих знаков крайне мал. Следовательно, речь идет о чрезвычайно однообразном, бедном языке. Более того, тексты, которыми кохау расписаны вдоль и поперек, не разделены между собой никакими свободными от записей промежутками или условными знаками препинания.

Древнекитайская
бамбуковая дощечка
с магическими надписями

Жезл с символическим
письмом аборигенов
Западной Австралии

Памятник палеолитиче-
ской культуры, обнару-
женный на территории Бе-
ларуси

Таинственные начертания на валуне, выполненные древними хакасами

Каменная подкова, разукрашенная древне-мексиканской резьбой. Это ритуальное ярмо появилось, видимо, в ходе развития путепроходства

А если предположить, что кохау некогда были „атласами” аборигенов-островитян, на которых фиксировались некоторые сакральные маршруты, тогда можно понять, почему многие символы, вырезанные на дощечках, идентичны символам, высеченным на скалах в той части острова, где проводились торжества в честь божеств. Переносные дощечки-схемы как раз и должны были обладать предельно ограниченным набором знаков, лишь теми, которые обозначали характерные особенности маршрутов. Они, естественно, записывались без всяких интервалов и знаков препинания, ибо всякий путь, в принципе, имеет лишь начало и конец, между которыми непрерывная череда доминант и ориентиров.

Со временем кохау, видимо, утратили значение путеводителей, оставшись ритуальной реликвией. Их обладатели, жрецы, распевали молитвы наизусть, не обращая внимания на резные знаки. Изначально и маршруты, очевидно, заучивались

Меч с ножнами, отмеченными сакральными знаками
Камерун

Типичный маоритский родовой дом, орнаментированный резьбой.
Полинезия

в форме песни, только тогда резные знаки имели конкретный смысл и важное значение для путешествий.

Как бы там ни было, чудодейственный образ „волшебной палочки” из века в век с одинаковым успехом использовался в „наивных” сказаниях и хитроумных магиях. Для придания палочке магических свойств рекомендуется (в „Ключиках Соломона”) повернуться лицом к востоку и обратиться с такими словами, адресованными Всевышнему: „Хотя бы мне пришлось идти по мрачной долине смерти, я не буду страшиться никакого зла, потому что Ты находишься со мной. Твой жезл, Твоя палочка мне принесут утешение”.

В мистериях Диониса (Древняя Греция) символический „посох”-палка передавался тому, кто искал мудрость. „Посвященных немного, хотя многие несут жезл”, — было начертано на воротах храма Диониса.

...„Фестский диск”. Так называли археологи плоский глиняный круг, на котором изображены знаки в форме спирали. Предположительный возраст загадочной находки — три тысячи семьсот лет. Предположим, что это — самобытный указатель определенного маршрута, сравнимый с рулеткой, „разматывающая” (вращая) которую, отыскивали путь по особым знакам-приметам. Вся надпись могла быть разновидностью бустрофедона и читаться в любом направлении — в соответствии с тем, куда двигался путник. Иначе говоря, „рулетка” могла „сворачиваться” и „разворачиваться”. Кстати, она была удобна для ношения: всего 16 сантиметров в диаметре.

„Фестский диск”

Старинный диск с рунами. Возможно, подтверждение гипотезы о происхождении „Фестского диска” и его североευропейская разновидность

Группы знаков у „Фестского диска” разделены поперечными черточками. Не означают ли они участки маршрута, соответствующие, возможно, „дню пути”, универсальной мере длины у древних? Если это и так, то все равно содержание диска расшифровать нельзя, так как маршрута, нанесенного на него, давно уже не существует.

Как знать, не был ли особым видом архаического резного „путеводителя” и ветхозаветный священный ковчег, который несли либо везли впереди кочующих племен. Он явно обладал защитной силой, способностью указывать нужное направление.

Библия: „...и отправились они от горы Господней на три дня пути, и ковчег завета Господня шел пред ними три дня пути, чтоб усмотреть их место, где остановиться”.

Эта переносная дарохранительница представляласьместилищем самого бога Яхве, то есть была олицетворением божьего могущества, мудрости, завета (путеводной вести, совета). По поводу первоначальной формы библейской дарохранительницы существуют две гипотезы. Согласно первой ковчег завета имел вид переносного трона; согласно второй — переносного ящика. В одной из легенд сообщается, что в ковчеге было помещено „откровение” („...в ковчег же положи откровение, которое Я дам тебе”). „Откровением” являются, как гласит „Второзаконие”, каменные скрижали с заповедями или каменный предмет — фетиш с некими письменами чрезвычайно важного свойства.

Другими словами, нельзя исключить наличие каменных модификаций „путеводителей” типа австралийских жезлов

Священный ковчег. Изображение на древнеегипетском памятнике

или кохау с острова Пасхи, а также переносных изваяний древнего населения Хакасии, на которых запечатлены примерно те же знаки, что и на „посохах” аборигенов Австралии.

У русов высоко ценились деревянные „путеводители” с зарубками — дорожными знаками. В пути их обычно носили с собой, поэтому и назывались они носами. Носы были незаменимы в дальнем неведомом странствии. Чтобы не сбиться с маршрута, проводники зарубали на носу его характерные приметы. Не исключено, что именно такого рода зарубки-письмена имел в виду черноризец Храбр, повествуя о „чертах и резах” славян, наделенных магическими свойствами, позволяющими познавать нечто сокровенное, угадывать и предсказывать неминуемое. Разве путеводные письма, от которых в жизни зависело многое, не обладали, в представлении древних, этими качествами?

„Ключики Соломона”: „Все печати, подписи и священные имена, представляющие наиболее драгоценные и прекраснейшие вещи природы небесной и земной, должны быть написаны каждая в отдельности на девственном пергаменте... Когда они будут готовы, ты их спрячешь, чтобы повесить на шею, и можешь быть уверен, что ни колдовство, ни другая опасность тебе отныне не страшны, даже более — ты преодолеешь все препятствия...”

Существовали, естественно, и другие способы запоминания дороги. Вполне возможно, у наших далеких предков в обиходе было и так называемое „узелковое письмо”, повсюду распространенное в древности. Это и кипу — знаменитые плетеные письма инков, и китайское цзешэн — ряд узлов разного размера, и ирокезское вампум — пояса из нитей с нанизанными на них раковинами. „Узелковым письмом” вплоть до XII века пользовались монголы, а также карелы, финны.

„Узелковое письмо” составляют не графические знаки, а совершенно особые плетеные символы. Благодаря емкости их „алфавита”, изменению интервалов между узлами, плетению узелков различной конфигурации удавалось фиксировать довольно сложные маршруты, иные необходимые сведения.

Завязывая „узелки на память”, сматывая целую „летопись” в клубок-атлас, составители его становились владельцами ценнейших знаний. Вспомним хотя бы легендарного Тесея, романтического героя древнегреческой мифологии, которому спасла жизнь, указала выход из лабиринта „нить Ариадны”. У славян подобная тема широко выражена в сказках, где Ивану-царевичу в опасном странствии помогает нитяной клу-

бок, подарок Бабы-Яги. Отпечатки сакральных знаний, закодированных в узелковых плетениях, резных носках, сохранились во многих других мифах и обрядах, утратив, правда, первоначальное значение и приобретя более символическое, абстрактное.

Царь Соломон: „Храни заповеди мои и живи, и учение мое... Навяжи их на персты твои...”

В древнегреческой мифологии оккультными знаниями владела, заметим, пряха Калипсо („та, что скрывает”). Мифы скандинавов благоговейно воспевают женские божества Норны, определявшие жизненный путь того или иного героя, прядя нить его судьбы. Библейская Авигея, поучая самовлюбленного Давида, говорила: „Если восстанет человек преследовать тебя и искать души твоей, то душа господина моего будет завязана в узле жизни и господя бога твоего, а душу врагов твоих бросит он как бы пращею”.

Аналогичны библейскому „узлу жизни” связки так называемых чуринг — продолговатых, плоских камней и деревянных дощечек, которые племена Центральной Австралии тайно хранят в пещерах и расщелинах скал. Каждый из этих мифических предметов связан с духом определенного человека, живого или умершего. Так что нет большего горя для племени, чем утрата этих атрибутов.

Жрец племени тораджи во время военного похода неизменно надевал на шею длинную нить с нанизанными на нее раковинами. С ее помощью можно было ловить, как в западню, души врагов. Когда вооруженный отряд вступал на вражескую территорию, жрец отправлялся ночью к стану неприятеля и выкладывал на дороге заранее заколдованную нить, после чего выжидал: если раковины издадут некий звон, значит, вражья душа угодила в ловушку, путь к победе открыт.

Во время обряда посвящения в мужчины, установленного Зороастром, юноша на шею надевал плетеный шнур — знак вступления в религиозную общину. Брахманы Индии и теперь не расстаются с подобной плетенкой, которая повязывается им жрецом высокого сана и никогда уже не может быть снята.

В одном из мифов Шумера нисходящая в преисподнюю Инанна снимает с себя украшения явно магического свойства. У каждых из семи ворот „страны без возраста” странная путешественница поочередно лишалась того или иного „украшения”, частицы волшебства, пока не оставалась полностью беззащитной.

В Упанишадах — эпических откровениях древних инду-

сов – для выражения „пути богатства, изобилующего плодами”, служит цепь, цепочка (и „путь” и „цепь” пишутся одинаково).

...Всевышний Яма великодушно дарит Начикетасу, стремящемуся постичь все тайное и скрытое, путеводный талисман: „Возьми эту многообразную цепь...”

Цепочки, бусы, кулоны, колье, ожерелья, галстуки... Не являются ли они неосознаваемыми метаморфозами узелковых письмен и носов минувших эпох? В поисках аргументации не мешает обратиться к этимологии слов, тем более что она зачастую единственно верный толкователь происхождения архетипических образов. Герменевтики, по крайней мере, постоянно обращаются к сравнительному языкознанию, чтобы постичь даже непостижимые, казалось бы, образы человеческого творчества. Итак, о чем говорит происхождение слов „усы” и „носы”?

Усы, первоначально узлы (узолы) в древнерусском языке – чудодейственная „навязь”, которую носили, дабы предохранить себя от всякой нечисти. В „Повести временных лет” – это „узороchie” – непременно драгоценные вещи. В „Слове о полку Игореве” тоже упоминается о неких сокровенных плетениях, надеваемых на тело. Исследователь славянских древностей Н. И. Костомаров свидетельствует о своеобразном способе приобретения иммунитета от бед с помощью наузов, то есть узлов, разумеется, заговоренных, заколдованных. Матери повязывали спасительные узлы своим детям: „Баба начнет на дети наузы класти, смеривати плюющее на землю некие беса проклинать”.

Желание избежать опасностей влекло смертного к ворожеям за приобретением науз. Узлами „украшали” и оружие – для надежности, безотказности: „Вы, узлы, заградите стрельцам все пути и дороги...” Сохранилось выражение „завязать” – в смысле не допустить, преградить, благополучно покончить с чем-то. А ведь это идет от веры во всеисилие узлов-наузов:

В словаре М. Фасмера читаем: „узор” – происходит от „зреть”, „смотреть”. Однако разделим исследуемое слово на две смысловые части „уз” и „ор”. Значение второй составляющей прослеживается в словах „орарь” (узкая лента), „орить” (разделять), „орь” (быстрый, скорый). В таком случае „узор” можно рассматривать как текст, состоящий из отдельных „узелков”.

Осип Мандельштам (поэт нашего века): „...узор есть тот же пересказ”.

Теперь открывается и первоначальное значение слова „Устав” – способ письма или „УСтуп” – всякое преломление прямой линии.

Узелковое письмо основывается как раз на этой „поступи” усов (узлов), запечатлевающей доминирующие ориентиры на путях-дорогах, важнейшие события, факты. Вполне закономерно, что образ узла стал общечеловеческим архетипом познания мудрости.

Сергей Эйзенштейн (кинорежиссер): „Узел есть то, что, распускаясь, дает сложный ход перекрещиваний и сплетений, который требует сложного процесса для того, чтобы вытянуть шнурок в одну линию. ...Подлинно драматический узел – это то, что чревато возможностями сложного плетения и пересечения путей хитросплетенного действия”.

Эталон секретов, таинственности, хитросплетений – все это он, узел. Гордиев узел. Разве это понятие не свидетельство тому?

Не случайно, конечно, частица „ус” встречается в древнерусских словах, сходных по смыслу в том, что они выражают приобщение к некоему знанию, постижение определенной премудрости, сулящих достижение цели, удачу, успех, правильную ориентацию:

УСпевать (петь, читать „ус”) – иметь удачу, достигать желаемого;

УСтигать, УСрети, УСкорять, УСтаивать (обретать и следовать „усу”) – догнать, встретить, одолеть, выстоять;

УСучивать (учить, хорошо знать „ус”) – укорачивать путь к цели, преодолевать его в движении.

Напротив, пренебрежение, неумение пользоваться „усами” не сулило ничего хорошего в пути: УСтавать, УСтрадаться, УСтрять, УСудобить, УСтукать (оставить, утратить, утерять „ус”) означало выбиться из сил, уходить, умяться, застрять, запропаститься, затеряться.

Понятие „узкий (уский) путь” издревле воспринималось не с точки зрения его размера, размаха, а в плане его предназначения, конечной направленности, заданности. „Пойдешь... по ускому пути, вводящему в царство небесное”, – читаем в древнерусской летописи.

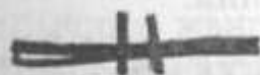
Упанишады:

Узкий, далеко идущий, старый
Путь лежит передо мной, найден мной.
По нему мудрецы, знающие Брахмана
Идут в небесный мир, вверх, освобождения.

Евангелие от Матфея: „...Широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими, потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их”.

Иудеи древности полагали: мировое зло вызвано нарушением раз и навсегда заданных пропорций, шатаниями из стороны в сторону, а также крайностями разного свойства. Другими словами, обочина „узкого” Пути – не место для Открытий, Прозрения, Озарения. Все это приходит только к тому, кто не виляет в пути, кто устремлен вперед и ведет за собой отстающих.

Не одни только славянские языки вобрали в себя магическое „ус”. Но эта частица всегда придает словам примерно одинаковый смысл: действие, движение, диктуемое накопленным опытом и навыками при нахождении верных путей-решений. Этими способностями был наделен мифический богатырь славян Усень, изображаемый непревзойденным путепроходцем, торившим дороги, мостившим мосты. В латышском фольклоре подобными благодеяниями славился Усынш, бог лошадей, который „рыскал по девяти дорогам”.

Иероглиф Древнего Египта, напоминающий схематичное изображение дороги, S

Древнеегипетский иероглиф „скипетр”, „жезл”, олицетворяющий знание, власть, счастье WS (ус). Его прототип, реальный жеzl, присутствует на изображениях великих особ, богов, фараонов, жрецов

Архаическое изображение египетского бога додинастического периода с жезлом, атрибутом могущества

В древнеиндийском эпосе Ригведа главный персонаж мчится перед восходом солнца на быстрой колеснице открывать небесные врата („врата тьмы”), чтобы наполнить вселенную солнцем, сделать видимой каждую дорогу. Именовали это божество... Ушас. Она открывала путь самому солнцу, строила дороги, ремонтировала, благоустраивала их. Не в индийской ли мифологии следует искать прароснову наших сказаний и

былин? Не „родичи” ли славянский Усень и индийская Ушас? Не породнены ли они с ветхозаветными лицами – Узой („сила”), Узней („Господь силен”), Узалом („странник”, „пришелец”)? Во всяком случае следует „мотать на ус”, обладая столь поразительными аналогиями, „зарубить на носу” фактический материал.

„Носити”, „ношу” в древнерусском языке имели как бы два значения: пространственное перемещение чего-либо (нести, переносить) и знание некой премудрости (постигать, понимать). В этом убеждают страницы наиболее древних писаний. В более поздних словарях (XI – XVI вв.) „носить” означало иметь что-либо на себе в качестве отличительных знаков. Вот мы и приблизились вплотную к пониманию „носов”, переносных дощечек-писаниц, – источнику поистине уникальных сведений. В свое время на Руси говорили: „Речь носится, слова носят” (в смысле воспринимать, постигать нечто). А под выражением „в пронос” подразумевалось пересказывание, передача определенных сведений, сообщений. А если заглянуть в еще большую глубину веков, в античность, скажем, прародину европейских языков?..

По-латински „Noss” – значит познавать, изучать, исследовать, знакомиться. В древнегреческом языке „Nous” – мысль, разум, ум, рассудительность, смысл, значение, короче, все, что связано с постижением тех или иных явлений.

Платон (древнегреческий философ-идеалист): „За пределами конечных существований и второстепенных причин, всех законов, идей и принципов существует Разум или Ум (Nous) – первичный принцип всех принципов. Высочайшая Идея, на которой основаны все прочие Идеи...”

В Древнем Египте пантеоном первобогов правила мудрейшая Нут (имя это вполне могло преобразоваться греками в „Нус”). Не кто иной, как она, всемогущая владычица знаний, ведала перемещением по небу Ра, то есть солнца, и, конечно же, звезд.

В шумерской мифологии именем Нуску наречен „великий бог”, просветитель в нашем понимании, беспощадно расправляющийся с нечистой силой, ведьмами, колдунами, сбивающими людей с истинного пути. Символ Нуску, с точки зрения археологов, изображался в виде светильника на пограничных и межевых камнях ассирийских дорог. В этом имени, вероятно, коренится латинское „Nosko” (знакомиться, познавать, исследовать).

Остается предположить: в древности „нус” („нос”) и „ус” („уш”) не разделялись. Подтверждением этому выступает сов-

ременная лингвистика. Так, в английском языке „Noose” (читается как „нус”) – петля, вязать узлы; в шведском „nysta” – наматывать клубок; во французском „Nouerse” – завязывать узлом...

Ну а сам-то человеческий нос? Почему он получил такое название? Нос – наиболее заметная, выступающая часть лица, единственная видимая деталь собственной головы. Если вдуматься, он является теоретическим нулем, точкой отсчета для такого важного параметра, как расстояние от места, занимаемого его владельцем, куда бы он ни направлялся. Нос всегда направлен по ходу движения – к цели исследования. Эту же функцию выполняет нос корабля, а также носовые части любых двигающихся аппаратов. Образно говоря, нос – компас, указатель пути, направления действий. О тех, кто умеет приспособливаться, ориентироваться в любой ситуации, говорили: „Держит нос по ветру”. Не приемля что-либо, мы „отворачиваем нос”. „Водить за нос” – значит обманывать, дурачить, вводить в заблуждение. Можно, оказывается, вообразить нос, существующий сам по себе, самостоятельно, как у Гоголя. Фантастический персонаж повести „Нос” обретает полную независимость, живет своей жизнью. На полотнах Босха носы важно расхаживают среди людей...

Возвращение к истокам письменности, графических текстов позволяет открыть завесу перед древнейшим и самым необычным жанром изобразительного искусства – татуировкой. Есть основание предположить, что изначально это были конкретные тексты, выполненные, правда, в совершенно особой форме. Образцы татуировочного алфавита сохранили нам „саморосписи” латиноамериканского народа гуайкуру. Все они – завитки, меандры, черточки, перекрестья, то есть такие графические знаки, которыми испещрены стены первобытных пещер, носы архаических путников.

Ничего удивительного: татуировка возникла из желания зафиксировать какой-нибудь важный, возможно, эзотерический маршрут с помощью условных знаков-ориентиров. А какими еще быть этим знакам, если не такими же, как у пещерных жителей, владельцев переносных „путеводителей”? Отсюда и объяснение феномена древности – всечеловеческая и всевременная устойчивость, универсальность изображений, которая считалась не менее загадочной, чем изменчивость и неповторимость.

В связи с этим становится понятной и популярность среди современных туземцев татуировок с асимметричными изображениями, противоречащими как будто симметрии тела. Дело в том, что в неповторимом разнообразии природы симметрич-

Фрагмент татуировки мужчины
племени мангбату

Древнеяпонская керамика

Изваяние хараппской культуры.
Древняя Индия

Татуировка на туловище воина
с Маркизских островов

Терракотовая статуэтка из неолитического комплекса Чатал-Хююка. Малая Азия

Татуировки на керамических сосудах из Наска, изображающих Богиню-мать. Перу, X—XIV века

Раскрашенная маска народа бага

ные пути невозможны, а тело, на которое они наносились, служило лишь плоскостью изображения. Если и сегодня во многих племенах предложить художнику-татуировщику нарисовать на бумаге один из его сюжетов, он реалистически воспроизведет рисунок для раскраски лица, соблюдая все пропорции и сочетания, характерные для рисунка на объемном теле.

На каком-то отрезке истории часть простейших дорожных отметок, знаков в результате графологической стилизации эволюционировала в буквенные, цифровые алфавиты. Остальные, формализуясь, превратились в орнаментальные сюжеты резных изделий из дерева, камня, а также керамики, кружев, тканей.

Декоративные мотивы ткачества аборигенов южноамериканской долины Наска удивительно похожи на многометровое изображение дерева с тремя ветвями. Оно до сих пор сохранилось на горных склонах полуострова Пиракас. Неизвестно, когда оно было создано, поскольку не обнаружено ни одного связанного с ним археологического артефакта, хотя в прибрежной полосе Перу и Чили на скалах имеется множество подобных изображений-орнаментов. На протяжении всего времени они пользуются неизменным уважением и покровительством со стороны местного населения, вероятно за то, что некогда служили ориентирами, схемами важнейших маршрутов. На-

пример, установлено, что циклопические изваяния указывают в лабиринте долин единственно верный путь к водным источникам, сбиться с которого означало неминуемую гибель от жажды.

Долгое время знаки, нанесенные на атрибуты странствий, имели у различных народов магическое свойство. С их помощью якобы возможно было получить покровительство сил света, добрых духов. Для этого, например, требовалось, „чтобы пентакли были нашиты на одежду, чтобы белые полусапожки украшены были знаками” („Ключики Соломона”).

Гигантское изваяние на склоне холма долины Наска

Правитель инков в плаще, вышитом традиционными знаками

Портрет вождя с ритуальной полоской в руках. Она, очевидно, служила атрибутом власти, а первоначально — символом хранения сакральных знаний, помогающих преодолевать перипетии грудного пути (извилистая полоса за спиной правителя). Древнемексиканский рельеф

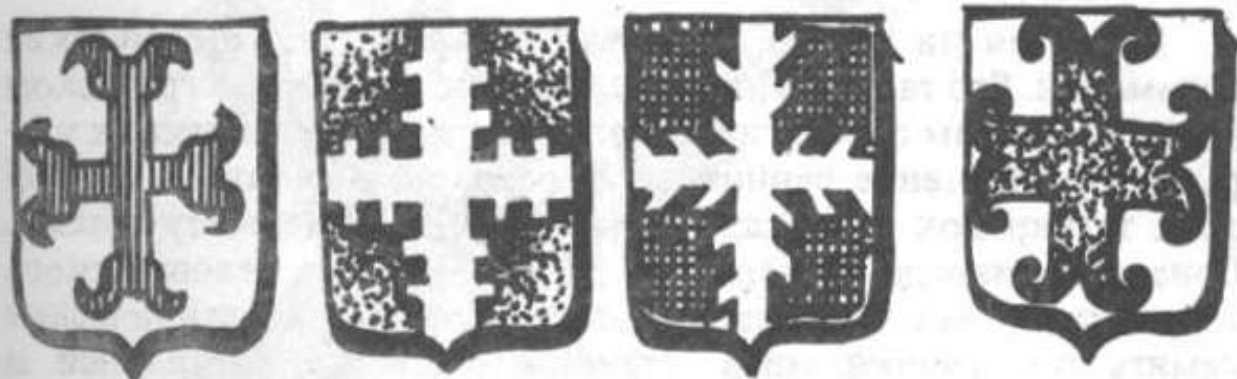

Рисунок одеяла австралийских аборигенов, напоминающий кадр аэрофотосъемки

Штукатурный орнамент до-колумбовой Америки

Фетиш сакральных, неразгаданных еще надписей до сих пор существует в Гималаях. Здесь вдохновенно поклоняются сокровенным текстам-тантрам (от санскритского „хитросплетение“). Мистическое учение (система тантр) вознесло выше всех бога Ади-Будду („постигнутый вначале“). Эзотерические заклинания, обращения к нему – дарани – едва ли не единственное средство достижения наивысшего состояния сознания – нирваны.

Древние орнаментальные мотивы нашли отражение в геральдике. Так называемые вилчатый, выступной, пнистый, обручной кресты

Во время этого ритуала ленты с орнаментами-заклинаниями развешиваются на деревьях или вкладываются в своеобразные „колеса пространства-времени“, вращающиеся цилиндры. Чем быстрее вращаются свитки, тем эффективнее их воздействие на внешний мир, Путь-Бытие участников дараней.

Магия знаков неизменно завораживала индейцев Америки, разукрашивавших ими походную одежду. Это, в частности, отражено в песне племени майя:

О, что достойно нас?
Драгоценные подвески на груди?
О, что украшает доблестных людей?
Мой плащ, моя повязка.

Враг у американских аборигенов считался поверженным, если лишался своих магических знаков, содержащихся на жезлах, скипетрах, в татуировке вождей — „черной краске на лице”, как ее называли в сказаниях.

„...Подлинно современному человеку, хотя он и уважает вкусы отдельных людей и народов, не достигших еще уровня нашего культурного развития, орнаментика не нужна — так в начале нашего века отстаивал принципы рационализма австрийский архитектор А. Лоос, сочувствующий негру, вплетающему в ткань миниатюрный узор, персу, ткущему орнаментальные ковры, или словацкой крестьянке, теряющей зрение от плетения сложнейших кружев. Что поделать, не приемлет сугубо прагматический ум „бессмысленное украшательство”. Татуировки считаются вообще пережитком дикой древности.

Иммануил Кант (немецкий философ, XVIII в.): „...внешний вид можно было сделать более красивым с помощью всевозможных завитушек и легких, но правильных штрихов, как это делают новозеландцы при татуировке, если бы только это был не человек”.

Несмотря ни на что, человека завораживают архаические орнаменты. Что таится в них? Если сильно захотеть, в греческом меандре увидим серпантин каменистых троп, в славянских узорах — переплетение равнинных проселков, в завитках папуасских татуировок — замысловатые пути к священному тотему. Орнамент никогда не уйдет, не должен уйти из человеческого творчества: в нем откровение сотен поколений, архетипическая память постижения мира, становящегося все загадочней и сложнее!

...Крест на мне, крест у меня,
крест надо мной, крестом ся ог-
ражаю, крестом диавола побеж-
даю...

Старинный колдовской заговор

Можно вообразить недоумение, замешательство христианских миссионеров, когда на языческих землях Нового Света их повсеместно встречали... кресты. У канадских индейцев они красовались на одежде, на теле, внутри и снаружи хижин. „Нет ни одного, который не носил бы особого креста, сделанного из раковин или бус”, – констатировал один из католиков-очевидцев, не подозревая, что подобные изделия – амулеты, возвращающие силу, здоровье.

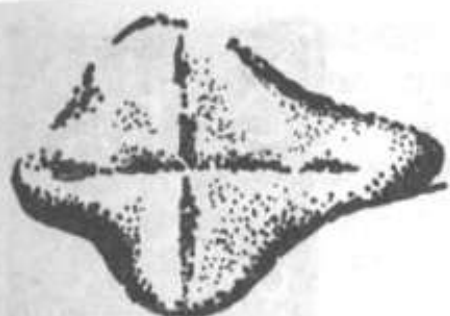
Древнейший символ – крест – встречаем повсюду: на статуях острова Пасхи и рядом с мумиями... египетских фараонов, на паланкинах правителей инков, каменных изваяниях аборигенов Сибири, на плаще индейского царя Монтесумы, в руках буддийских божеств, мифических героев античности, на груди ассирийских повелителей, на многочисленных атрибутах христианства...

Кресты, кресты, кресты. Разноречивые сакральные смыслы и идеи ассоциируются с ними: смерть и вечная жизнь, мучение и спасение, сомнения и целительная сила...

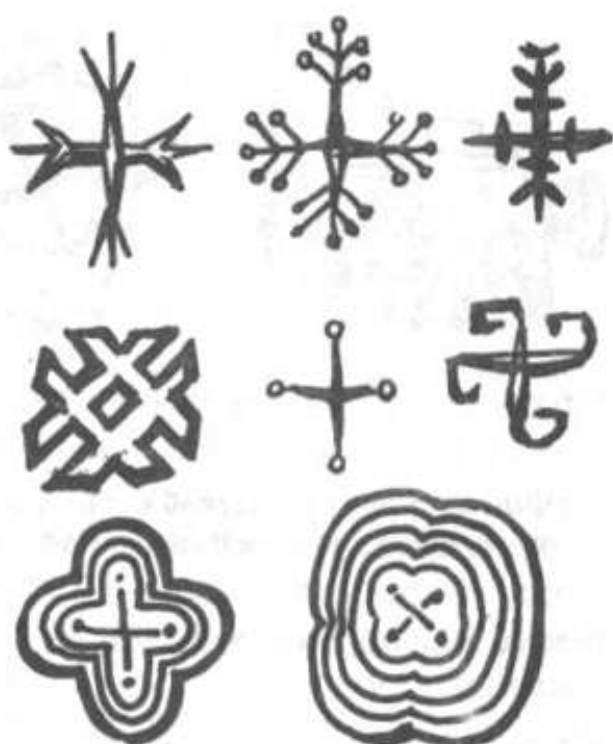
Елена Блаватская („Тайная доктрина”): „Воистину, крест может быть отнесен в самую глубь неисчислимых архаических времен. Его тайна скорее усугубляется, нежели проясняется...”

В таком случае для постижения великой тайны остается, пожалуй, один-единственный путь – путь Гермеса. То есть следует воспользоваться главным кредо герменевтики – искать истину как раз в самой глубине „неисчислимых архаических времен”. Сразу же возникает вопрос: а есть ли единый архетип, первообраз у этого незамысловатого по форме и бездонного по смысловой глубине знака?

Бытует предположение, что крест, то есть пересечение двух линий, – не что иное, как формализованное орудие для добывания огня: два куска дерева, положенные крест-накрест, при трении давали огонь. Сомнительная, прямо скажем, версия. Почему в таком случае крестами метились изображения гонца-толкователя Гермеса, покровителя путников Меркурия, а не бога огня Гефеста или Прометея, наградившего людей

Гравированный крест на известковой плитке из Цонской пещеры. Грузия

Знаки на блюдах центрально-европейской керамики, V–IV тыс. до н. э.

огнем? Как увязать с огнем крестообразные, ориентированные на стороны света насыпные возвышения обитателей трипольских поселений? А крестик, выведенный писцами Хаммурапи в конце клинописных повествований? Как понимать обычай североамериканских племен водружать кресты на обоих концах челнов или ставить их в местах наиболее удачной охоты?..

Традиционная мужская рубашка североамериканских индейцев („черноногих“). Обнаружена в 1900 году

Фрагмент майяского рельефа

Рисунок „плаща“ Виракочи. Именно на нем немецкий ученый Томас Бартель прочитал имя древнеперуанского бога — творца Виракочи

Сикю — многоствольная флейта инков

Клеймо на днище гончарной посуды феодальной эпохи, обнаруженной в Гомельской области

Изразец из белорусских раскопок, XVI—XVII века

*Деталь декоративного пояса Троицкого собора
Троице-Сергиевого монастыря, 1422 год*

Датские монеты эпохи викингов

Капитель Софийского собора в Киеве

Печать игумена Студитского монастыря в Константинополе, X—XI века

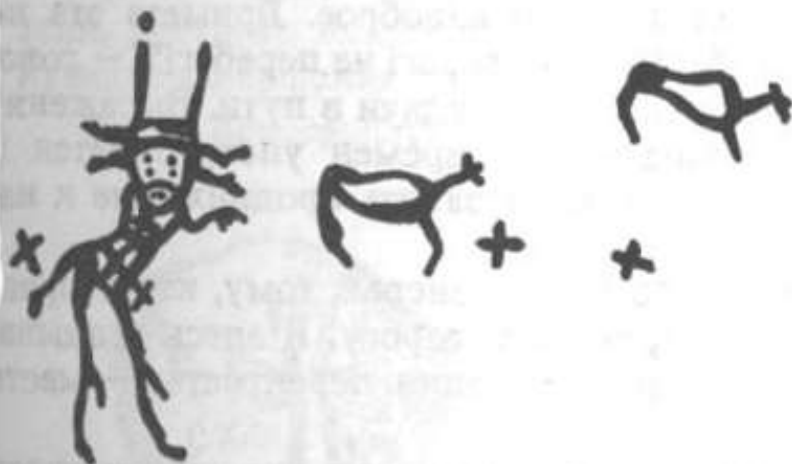
Огонь изначально добывали, между прочим, не только трением, но и пилением, сверлением, высеканием искры кремнем... Огнедобыча – совершенно особый вид деятельности. Заниматься ею человек начал, конечно же, не раньше путепроходства. Не вернее ли будет поэтому искать архетип креста в путевых знаках, атрибутах всякого рода переходов, средствах ориентации?

Признав пересечение неких линий своеобразным путевым знаком, мы не удивимся, обнаружив его на „жезлах” туземных вестовщиков, „переносных изваяниях” хакасов или древнерусских носах. Напрашивается вывод: условные, пиктографические изображения различных перепутий представляют собой знаки архаического алфавита. Это вполне объяснимо, ведь пересечение путей – перекрестки, перепутья до сих пор остаются наиболее значимыми, характерными и запоминающимися ориентирами дорог. Выходит, изображенные крестики между контурами животных на пещерных росписях указывали, сколько пересечений, границ, преград, разбивающих маршрут на участки, надо преодолеть, направляясь, скажем, к водопою.

Каменное изваяние, найденное у хакасского кургана

Наскальное изображение аборигенов Сибири

У африканских племен, поныне ведущих первобытный образ жизни, в ходу особый путевой знак – ветка, положенная поперек тропы. Сотворенный таким образом примитивный крест „доходчиво” сообщал о невозможности дальнейшего продвижения в данном направлении – тупике.

Тысячелетняя эволюция
дорожного знака „пере-
кресток”

У индийского племени хони кто-нибудь из родственников умершего остается после похорон у могилы, чтобы закрыть духу усопшего путь назад в деревню. Для этого углем на дороге рисуются поперечные линии: живые идут одним путем, мертвые – другим. Отсюда такие, казалось бы, неожиданные и, видимо, наиболее древние значения перекрестья: „осторожно”, „запрещено”, „остановись”. Кресты с таким смыслом у сухопутных маршрутов „переняли” водные пути. По белорусским рекам, например, расставлялись меченные крестом Борисовы камни, которыми по велению князя Бориса Полоцкого обозначались „гиблые места” и тем самым указывались безопасные направления.

При приближении к перепутьям, местам наиболее вероятных встреч путнику невольно приходилось настораживаться, опасаясь засады или ловушки. По пути в Киев былинному Илье Муромцу преградил, пересек дорогу коварный враг – Соловей-разбойник. Заметим, случилось это на перекрестке. Даже безобидный зверек, пересекший дорогу, становился недругом, поскольку предвещал что-то недоброе. Примета эта на удивление живуча. „Щобы му заяц дорогі не перебегі”, – говорят в Галиции, если хотят пожелать удачи в пути. Выражение „перейти дорогу” с незапамятных времен употребляется в смысле навредить, сбить с пути, заградить продвижение к намеченной цели.

В связи с этим возникло такое поверье: тому, кто отправляется из дому, нельзя переходить дорогу. И здесь угадываются истоки древнейшего представления: перекрестки – места наиболее опасные.

От поколения к поколению передается: скрещивающиеся линии (графический знак перепутья) обозначают тревожное напряжение, эмоциональное усилие, предчувствие беды... Что, кстати, означает тройное пересечение в эмблеме американского доллара? Именно символ напряжения, опасностей, неожиданностей, которые испытывали переселенцы из Европы на неведомых им путях.

В перекрестье народная традиция символически отразила и расставание и неизбежность утраты. Сохранилось пиктографическое письмо девушки-юкагирки, представительницы малочисленного народа Анадырской тундры. Вырезанное ножом на бересте, оно адресовалось русичу: „Ты уходишь, тылюбишь русскую, которая преграждает тебе дорогу ко мне”. Перекрещивающимися линиями в письме переданы печаль разлуки, другие чувства, свойственные неразделенной любви.

Ограничение, запрещение, завершение – все эти понятия предполагают переход одного действия в другое, если, конечно, иметь в виду некое продвижение в пространстве-времени. В связи с этим и крест, в особенности его Т-образная форма, приобрел значение непреодолимой преграды или конца, последнего рубежа, предела.

Черная магия поучала препятствовать всяческому поезду, наводить порчу на доходное дело следующим образом: на пороге или между дверей насыпать крестом соли, говоря: „Ни пути вам, ни дороги...”

„Поставить крест” – значит прекратить какое-либо действие, завершить дело. По всей вероятности, писари времен правления Хаммурапи, выводя кресты в конце своих творений, обозначали окончание повествования, завершение своего труда. Известный „международный” жест – скрещенные руки говорит об окончании состязаний, работы, движения. Скрещенные кости – своего рода метафора кончины, смертельной опасности. Исстари на подходах к поселению, городищу ставились кресты – олицетворение границы. В начале и в конце торгового пути караванщики воздвигали так называемые обетные (сооружаемые по обещанию, по обету) кресты. Мореплаватели, достигая желанных берегов, водружали кресты, знаменующие завершение плавания.

Крест-ориентир (Валаам) из светло-серого привезенного гранита

Борисов Камень, некогда находившийся в водах Деины

„Конец маршрута” — еще одна возможная интерпретация резных крестиков на „переносных жезлах” австралийских аборигенов. Маяки на острове Валаам, не дающие сбиться с пути, выполнялись в виде деревянного или каменного креста. В художественных произведениях нередко присутствует тема смерти, заимствованная у фольклора: косая чертит кресты как знак своего визита. „А здесь уже белая дома крестами метит” (А. Ахматова). Примерно то же делают в сказках наводчики разбойников: отмечают крестами жилища обреченных. Несомненно, у персонажей былин, легенд и сказаний, сохраненных народным творчеством, были все-таки реальные прототипы.

Так, китайские иероглифы, дошедшие до нас в первозданном виде, сохранили многие древнейшие понятия и архетипы. С помощью иероглифа „ши” (в графическом исполнении это обычный крест) обозначается само перекрестье („шицзы”), а также жест („шоуши”) и десяток („ши”). Здесь просматривается органическая связь с подсчетами в десятичной системе, где завершающий жест с демонстрацией всех пальцев рук (неизменные счета древних) выражал итоговое число „десять”. Кстати, тот же самый, только наклоненный, знак (X) известен нам из так называемых римских цифр. Половина (верхняя) креста (V) соответственно имеет значение „пять”.

В этот ряд сопоставлений надо внести и крестообразную букву угаритского алфавита (+), также десятую по счету.

Китайское „ши” имеет еще одно смысловое значение — передвижение, движение, ходьба... Подтверждается, стало быть, гипотеза об органической связи символа креста с путями-дорогами человека. Здесь необходимо обратиться к теории оккультизма, отстаивающей культурное единение таинственной працивилизации с мифотворчеством и сигнификацией (использованием знаков) человечества, существование загадочного языка непостижимо глубокой, доисторической давности.

Елена Блаватская: „Это язык не есть язык фонетический, но чисто изобразительный и символический. Сейчас он известен в своей полноте лишь весьма немногим, ибо на протяжении более нежели 5000 лет он стал совершенно мертвым языком для широких масс”.

...Каждая буква древних алфавитов имела свой смысл... Число „один” (I) в Александрии означало прямое тело живого человека в стоячем положении, ибо он — единственное животное, имеющее эту привилегию. И путем прибавления к „I” „головы” оно было преображено в „R”, символ отцовства, творящей мощи, тогда как „R” означало „человека в движении”, „следующего своим путем”.

Сам путь, движение, выражался извивающейся линией (S). Завершение пути обозначалось буквой „тау“, или „тет“ (Т – египетский крест). Она закономерно замыкала древнееврейский алфавит. Китайский иероглиф „конец“ (本), очевидно, аналогичного происхождения: иероглиф „дорога“ (人) перечеркнут по ходу движения, причем его название „тоу“ созвучно европейскому „тау“.

В большинстве ближневосточных и европейских алфавитов буква Т следует непосредственно за S, а их сочетание в словах, имеющих тысячелетние корни, воспринимается как результат, итог того или иного действия, процесса, явления, а также как само явление, процесс. Подобные сочетания находим в славянской кириллице: стоп, стандарт, старость, страх, старт, рост...

„Rost“ можно трактовать как движение, развитие живого организма, обязательно имеющего предел. Латинское „сгих“ („крест“) – целенаправленное движение человека (R), завершающееся в определенном пункте, где происходят метаморфозы, постижение чего-либо, приобщение к истине, где давно знакомое переплеталось с неведомым, пройденное с предстоящим еще пройти, реальное с фантастическим...

Само собой разумеется, перепутья наделялись колдовскими силами отнюдь не доброго свойства, если вынуждали путника блуждать, страдать, а нередко и гибнуть. На перепутьях, твердят поверья, верховодит нечистая сила, „водит“, сбивает с пути. Здесь, по всей вероятности, может „попутать бес“, а ведьмы назначают друг дружке свидания. Сюда же, между прочим, гетевский Фауст вызывал дьявола. Только у перекрестков обитала Геката, древнегреческая предводительница колдунов и привидений. Стригои, злые духи романской мифологии, будучи завзятыми драчунами, выясняли отношения на перекрестках дорог...

Удивительные все-таки превращения произошли с символом перекрестка – крестом! Он в представлении народов – олицетворение злых чар и он же – охранительный талисман против них. То есть зловерные перекрестки становились не столь опасными при наличии у путника креста, обобщенного образа носов, путеводных дощечек, узлов. А они, точнее знания, заложенные в них, безотказно служили бесчисленным поколениям. Поэтому понятно, почему нательный крест – символ „дорожной азбуки“ – наделялся способностью отводить беду и невзгоды, а иногда в буквальном смысле – спасать. Когда Сокольник-богатырь, решив отомстить Илье Муромцу за мать, проник ночью в шатер отца и ударил его копьем, то копьё уперлось в полуторапудовый нагрудный крест.

Священные реликвии ви-
кингов

Чудотворные медальон и крест (знамёны). Русь,
XII—XIII века

Обмениваясь крестами, древнерусские богатыри таким образом братались и выражали свое дружелюбие и, что особенно важно, делились силой, то есть знаниями. Эта „благодетельная” сущность креста запечатлена в необыкновенно богатой палитре образов. Причем использовался чудодейственный крест в разных ипостасях. Тараска, фантастическое чудище, пожиравшее странников, согласно французским преданиям, был свергнут при помощи креста. Сатана невольно „благословлял” земли, начертав крест. „Найти крест на дороге” — добрая примета. Творя крестное знамение на перекрестке, путник как бы отпугивал „нечистую силу”, предупреждая ее: он человек сведущий, знает свою дорогу и, следовательно, обладает волшебной силой. Злые чары в таком случае якобы рассеивались. И наоборот, сговор с дьяволом, сатаной, ведьмой сотворялся человеком на перекрестке, куда надо было выйти без креста.

Еще в середине палеолита умерших хоронили со скрещенными руками. И это задолго до того, как этот обычай приняло христианство! Ритуальное скрещивание рук и ног носит охранительный характер: нечто удержать или вернуть. На языке жестов желание сохранить себя перед лицом грозящей опасности всегда выражается позой, при которой руки крест-накрест охватывают туловище, а ноги скрещены в коленях. Нередко суеверные люди скрещивают пальцы, чтобы снискать благосклонность судьбы или получить право нарушить клятву или договор.

Чтобы оградить себя от злых духов, житель Древнего Египта обзаводился амулетом — небольшой скульптурой Бэса, бо-

га-хранителя. Страшились темные силы не столько внешнего уродливого вида самого бога, сколько креста, изображенного в его руке.

Крест зачастую присутствует в так называемых пентаклях Соломона, оригинальных графических амулетах, объявленных белой магией силой, способной приносить удачу во всех добрых начинаниях. Особо выделяются здесь пентакли для благополучных путешествий. В „инструкции” по применению одного из них записано: „Он одаряет свойством сохранять здоровым и невредимым носящих его путешественников. После должного освещения его вешают с левой стороны на шею на шелковом шнурке”.

Невольно напрашивается сравнение Соломоновых талисманов с древнейшими путеводителями-носами. Не обобщенный ли это символ „волшебных палочек” самых ранних путе-проходцев?

Талисман (пентакль), предохранявший от всех опасностей

Талисман для снискания покровительства

Пентакль, обеспечивавший достижение задуманного

Пентакль, с помощью которого, „не имея никаких способностей, можно легко изучить науки”

Талисман, гарантировавший неприступность крепостей

„Добродетельный дух Мориель одаряет этот талисман свойством сохранять здоровыми и невредимыми носящих его путешественников”

Нет счету манипуляциям с крестом, совершавшимся с одной целью: отпугнуть недобрую силу. У славян, к примеру, вошло в правило проводить „священного коня” через вбитые крест-накрест в землю копы: ежели лошадь ступит на этот „перекресток” правой ногой, можно надеяться на удачу в задуманном походе.

В белорусских селах считалось обязательным, чтобы над дверьми, под потолком, рукой дьяка были вырезаны кресты. Как знать, может, и традиционный танец „Крыжачок”, построенный по принципу креста (кое-где он так и называется „Крыж” – крест), когда-то служил магическим обрядом, отпугивающим всякую нечисть? Возможно, чудодейственными считались и „крыжики”, древний вид вышивки крестиком.

Старинный наговор от лихорадки („трясовицы”) гласит: „Кому будет трясца, то напиши на лядвиях челову крестом: „Родился Бог, прославился Бог, крест водрузился, и сатана связался”. В праздник воздвижения креста повторяли как скороговорку: „Крест возносится, и демоны прогоняются” или: „Крест – бесам язва!”

Иоанн Златоуст (византийский церковный деятель): „Если так с верой и упованием изображать крест на лице своем, то ни один из нечистых духов не сможет приблизиться к тебе, видя тот меч, которым он уязвлен”.

Изображение креста на лице – еще одно, пусть и косвенное, подтверждение: татуировки древних – хранительницы важнейшей информации. Бог Митра, чтимый многими народами древности за небесную его мудрость, изображался с крестами на груди и лбу.

У европейцев в средние века крест ассоциировался с победоносным мечом. Причем мистическим значением наделялся не сам клинок, а крестообразная его рукоять, выполняющая охранную функцию на протяжении всего „золотого времени” рыцарства, ставшая предметом ритуального поклонения. „Се крест Господен, которого бегут враги”. Грозное оружие могло быть заменено любыми другими предметами при условии, если они схожи с крестом. Бесов изгоняли „корольковым камнем”: „От него нечистый дух бежит, потому что тот камень крестообразно растет”.

Согласно преданию, император Константин только тогда пошел войной на несметные полчища Максенция, когда увидел на небе знамение – крест и слова: „Сим победиши”. Победа, без преувеличения, была исторической (IV в.), ведь после нее прекратились гонения на христианство, его приверженцы и служители вышли на свет из катакомб.

Магический символ, увенчанный крестом, предохранявший от демона Намброта

Знак Меркурия, используемый практической магией

Знак Солнца

Знак Венеры

Символ, противопоставляемый Астарте, каббалистическому демону

В грузинской мифологии крест („джари“) олицетворяет общее наименование божеств, покровительствующих отдельным общинам, селениям. Крестами, кстати, огораживали свои поселения славяне. Искусно вырезанные на них шифрограммы будто бы отпугивали всякую нечисть: ББББ („бич Божий бьет бесы“), ДДДД („дерево добро досада диаволу“). Как знать, может, именно в память о древнейших носках крест „дерево добро“ испещрялся резной вязью. От количества крестов в представлении христиан зависела доля милости Всевышнего.

Павел Шпилевский (белорусский краевед прошлого столетия): „...взор путешественника при въезде в Несвиж встречает почти на каждом шагу деревянные кресты, крестики и такие же часовни каплички или большие столбы с резными изображениями Божьей матери, Спасителя и Иоанна Предтечи.

Смотря на эти памятники христианской веры, уже заранее составляешь понятие о набожности жителей Несвижского края и можешь назвать его Страной крестов, как именуют свою отчизну жители идиллической Жмуди, соседней с Несвижем”.

На окраине белорусской деревни Крево покоится величавый валун, на котором высечен шестиконечный православный крест. Установлено, что таких камней еще век назад было четыре – по одному на каждой стороне света. Таким способом селяне закрывали дорогу, отгораживались от всякой нечисти.

Благодаря подобным памятникам-ориентирам удастся установить даже место того или иного события. В летописи о нашествии хана Батыя в 1238 году можно прочесть, как „поганые взяли Торжок, перебили всех мужчин и женщин; отсюда погналы татары Селигерским путем до Игнатьевского креста...”.

Верующие в Христа, приступая к какому-нибудь серьезному делу, не забывали перекреститься, осенить себя крестным знамением. Перед сном обязательно крестили само ложе, все углы, входы-выходы. Легким жестом, тремя пальцами, сложенными вместе, люди со времен, по крайней мере, Древней Греции обеспечивали себе защиту от бесовых искушений, приобщались к неким губительным для злых духов знаниям.

Знамение и Знание – родственные слова, истоки которых – в древнем как человек путепроходстве, где утвердилось: мудрость – знание пути; невежество – потеря верного направления, а в более широком смысле – жизненных традиций, накопленных поколениями. Только внимая голосу предков, человек может избежать подобной утраты.

...Едет добрый молодец да во чисто поле,
И увидел добрый молодец да латырь-камешек,
И от камешка лежит три росстани...
... Стоит старенький да издивляется...

Русская былина

Перекресток – своего рода метафора выбора, выбора ответственного, решающего, мучительно трудного: поддаться ли трусости, эгоистическим устремлениям; посвятить ли себя служению бедным и обездоленным; искать ли мелочную для себя выгоду или следовать по неписаным законам Добра и Справедливости.

В мировоззренческой традиции всех народов и культур поступок, достойный именоваться Выбором, имеет нравственное значение решающего шага, а часто и подвига. Это касается жизненного пути, принципов самореализации.

Будда: „Единственно, что имеет значение, – это борьба со страданиями, поиск пути, ведущего к освобождению от страдания...”

Люди издревле прославляли геройство тех, кто становился на путь высокой морали.

„Катха Упанишада”: „Ты же, Начикетас, поразмыслив, отбросил желанья, что приятны или кажутся приятными. Ты не пошел по пути, сопряженному с богатством, на котором завязли все многие люди...”

Кто принимал у алатырь-камня решение двигаться „по дороге, где богатому быть”, а кто – „по дороге, где битому быть”, то есть пострадать за ближнего. Однако у каждого, кого „бес попутал”, однажды возникает желание возвратиться на те росстани, чтобы пойти в ином направлении, иначе говоря, начать что-то заново, сообразуясь с велением совести и долга.

Приходится посочувствовать даже „чудо-богатырю”, оказавшемуся на том месте, откуда дорога расходилась „на все четыре стороны”. Полная свобода выбора не избавляла от страдания, скорее, усугубляла его.

Николай Бердяев (религиозный философ): „Само состояние выбора может давать человеку чувство угнетенности, нерешительности, даже несвободы. Освобождение наступает, когда выбор сделан и когда я иду творческим путем”.

Кого не обуревают сомнения при выборе из нескольких возможных решений единственно правильного? В той или

иной форме перед нами витает гамлетовский вопрос, требующий соизмерять свои желания, потребности с определенными идеалами, взглядами. Тогда-то поступки, действия — выбранный путь — воспринимаются уже как некий долг, обязанность, которые невозможно обойти, оставить без внимания. „Чувство несвободы” (оно сродни внутреннему цензору) позволяет стать на путь, по которому можно идти уверенней, быстрее.

Восточная теология отождествляет „Путь”, „Дао” с духовным началом, сходным в некоторой степени по содержанию с европейским „Логосом”.

Дзэсю Дзюсин (древнебуддийский проповедник):

Совершенный путь не труден,
Он просто презирает отбор и выбор.

Что имеется в виду? В результате всякого отбора и выбора, противопоставления друг другу вещей и явлений (любовь и ненависть, добро и зло, хорошее и дурное) мы неминуемо испытываем сомнения и колебания, мешающие постижению „Пути”. Только с устранением сумятицы исчезают помехи для решающего выбора. Человек становится свободным, просветление избавляет его от сомнения и последующих отборов на пути. „Только освободившись от ненависти и любви, Он раскрывается перед нами как есть. Фактически только потому, что мы выбираем, мы теряем из виду его суть” (постулат дзэн-буддизма).

В любом случае следовать „совершенным” и „нетрудным” путем — удел многознающих и мудрых.

„Дхаммапада” (произведение раннебуддийской литературы): „Я называю Брахманом того, кто достиг высшего блага, кто знает правый путь и ложный путь, мудреца, чьи знания глубоки”.

Карлос Кастанеда: „Человек знания — это тот, кто ступил на трудный путь учения и без спешки и колебаний далеко прошел по нему, открывая тайны знания и силы”.

Успех подобного движения решают все же сугубо человеческие стороны характера и души: сострадание, бескорыстность, готовность к самопожертвованию. Жизнь-дорога проверяет человека на человечность, и происходит это с тех незапамятных времен, когда он, остановившись на перекрестке путей, вынужден был решать, в каком направлении двигаться дальше. Опрометчивый выбор грозил самыми тяжкими последствиями. Не этим ли объясняется „идея выбора”, которой наделен перекресток, и сам крест-иероглиф, символ перепутий? На сказочных алатырь-камнях, да и на реальных их про-

тотипах помимо обычных надписей („налево пойдешь...“) высекался крест, „дорожный знак“ перекрестка. Нередко его вырубали из дерева, на котором была „подписана доска, исподрезана...“.

Вполне естественно, что крест в глубокой древности стал как бы талисманом, эмблемой, принадлежащими мифическим персонажам, покровителям путников и дорог. Одиному, персонажу скандинавской мифологии по прозвищу „водитель“, поклонялись люди как божеству тул, то есть знатоку рун. Восседавая на мифическом древе с руническими знаками-указателями, он поучал путников: „Руны найдешь и постигнешь таки... Умеешь ли резать? Умеешь ли разгадывать?..“

Богатырь Тор, видимо, постиг тайну спасительных знаков, умел резать и разгадывать и прославился тем, что прокладывал дальние маршруты с помощью волшебного посоха, имеющего крестообразную форму. Примечательно, что в латышском языке „идти с крестом“ и „перекресток“ означают одно и то же. Любопытно и другое: „Торовы походы“ были неизменно направлены на восток, в страну великанов. Не исключено, что русские слова „торить“, „торный путь“, „дорога“ непосредственно связаны с именем мифического первопроходца. По крайней мере, Тора можно считать фольклорным прототипом монахов-скитальцев. В иконографии они изображались

Древнейшее изображение (додинастический Египет) божества. В его руках неизменные атрибуты власти — анх и ус

Сиро-палестинский мудрец, запечатленный на тисненой кожаной обивке колесницы Тутмоса

босыми, одетыми в шкуры и непременно с посохом в виде греческой буквы „тау” – разновидность креста. Он-то и предназначался для того, чтобы оберегать странников, будучи знаком-хранителем. „...Не троньте ни одного человека, на котором знак...” (из книги Иезикииля).

Чудодейственный посох был неизменной принадлежностью Иоанна Крестителя, родоначальника отшельничества и скитальчества. По всей видимости, подобными „ключками” обладали и древнерусские инок, „калики переходящие”, ищущие в скитаниях смысл жизни, истину бытия. Крестообразные посохи свидетельствовали об особом чутье, прозрении тех, кто ими обладал. К провидцам тянулись заблудшие „слепцы”. Не зря же в евангелическом писании сказано: „Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму”. Кстати, именно „калики переходящие” вернули утраченную „силушку” Илье Муромцу, позвали его в дорогу.

Всесилие Одина, других мифических и сказочных персонажей объясняется просто: они владели рунами, грамотой вообще, обеспечивающими успешные походы и странствия. Поэтому „видная особа” выделялась среди прочих наличием у нее признаков этих знаний. Так, татуировки у маори, как, впрочем, и у многих племен, – едва ли не главный признак их достоинства, эквивалент высокого общественного положения, дающего право верховодить, повелевать другими.

„Узелковое письмо”, так же как и тексты резных носов, было уделом лишь избранных (жрецов, знати) и относилось к священным письменам. Обладатель заложенных в них сведений получал право вести за собой непосвященных, управлять чем-либо. Так, в древнерусском языке „УЗдачь” – правитель, „УЗдаю” – правлю, распоряжаюсь, в определенном смысле даю необходимые знания, руковожу, наставляю, указываю... Нельзя исключить, что в „узелковом письме” вязаным иероглифом в виде перекрестия обозначался сам Дажбог, божество, почитаемое славянами, дарующее им земные блага, и, подобно своему индоевропейскому прототипу – богу Аполлону, постоянно странствующее по небу в качестве возницы Солнца. Интересно бы узнать, какая метафора преобладает в плетеном знаке-кресте: Солнца или Небесного пути, позволяющего Дажбогу приближаться к людям или, не плутая, удаляться от них?

Разве можно обойти вниманием тот факт, что все небесные властелины, обладающие безошибочным опытом выбора, поиска путей к истине, отмечались крестом? Мудрейший египетский бог Тот, почитавшийся как основатель письменности и счета, изображался с особым „знаком отличия” – крестом. (Да и само имя его состоит из двух крестов – букв „тау”.)

В равной степени магией креста владела жена Тота, богиня истины и порядка Маат. Следует обратить внимание: словом „маат” в Египте выражались также понятия „справедливость”, „истина”. Маат, мама, мать. Не общий ли у этих слов корень?

Трехконечные кресты обнаружены на барельефах старинного индейского города Паленке. Один крест-иероглиф высечен под сидящей фигурой, что подчеркивает, конечно же, ее неординарность.

Трезубцы, которыми в древности так охотно наделяли небожителей, по сути, — метафора того же креста, превратившегося в орудие для устрашения неправедных. Ламаиские храмы по сей день венчают железные черепа с трезубцами на темени, отпугивающие злых духов. Здесь же, под храмовой крышей, — самобытные молитвенные цилиндры, наполненные листами с заклинаниями. И трезубец и, естественно, свитки — олицетворение сакральных знаний — удела посвященных лам. На буддийской святыне, так называемых „отпечатках ног Будды”, крест, надо полагать, — выражение беспредельной мудрости и чистейшей совести его владельца.

Иначе и быть не могло, ведь такие качества личности, как познания и совесть, очевидно, отождествлялись в архаическую пору. Подтверждение этому находим во многих современных языках. Так, немецкое *Gewissen* (совесть) происходит от *wissen* (знать). По-английски совесть — *conscience* (*con* — заучивать наизусть; *science* — отрасль знания, наука). В основе русского „совесть” также заложен древнерусский корень „ведь” (вести, знание), берущий в свою очередь начало от санскритского „веды” (знания).

Эти корни слышатся в именах мифических персонажей, отличающихся прежде всего своей премудростью. Джайнское мифотворчество прославляло, в частности, Видьядеви — шестнадцать богинь магических знаний. Видьядхара („держатель знаний”) фигурирует в индуистской мифологии. В старинных представлениях европейцев это — ведьмы (ведуньи), обладательницы сакральных знаний, благодаря которым они проникали куда им вздумается, осуществляли ведовство (колдовство).

Ведать, вести, видеть, советовать, сознавать, знать — все это общие понятия, отражающие возможность и право мудрейших наставлять на путь истинный. Такие личности исстари почитались как праВедники (знатоки правды), от которых ждали только спраВедливости (верного решения), доброго соВета (совести). Именно совесть, „представляющая собой внутреннее восприятие недопустимости известных имеющихся у нас

желаний" (З. Фрейд), помогает посредством знания, предвидения пагубных последствий удерживать от порочных блужданий на жизненном пути. Совесть – квинтэссенция наших представлений о мире, определяющих Выбор.

Поэтому крест издревле служил одновременно признаком и глубоких знаний и чистой совести, честности, праведности. Носившему крест больше доверяли. Клятва, скрепленная крестным знаменем, считалась нерушимой. Естественно, что в первую очередь крестом осеялось божье слово, священное писание, изображение Всевышнего.

Если боги покровительствовали путникам, то крест вообще становился их неотъемлемым атрибутом. Например, Гермес (в Древней Греции) или Меркурий (в Риме) обязательно „награждались” крестами. Без них немыслимы были изваяния Дианы Тривии (античной богини перепутий), которые водружались на перекрестках. Чем именитее была особа, тем больше крестов изображали художники на ее „портретах”. В итоге кресты превратились в своеобразные атрибуты власти. Первый в „табели о рангах” бог американских индейцев Катцаль – Коатль изображался даже с целой связкой крестиков. А как же иначе, если, по преданию, он создал культуру, покровительствовал жречеству и науке, обучил, как надо искать драгоценные камни?

Тот с головой ибиса. Работа древнеегипетского художника

Римская монета с портретом Меркурия

На стенах одного из храмов древнеегипетского города Фивы запечатлен священный бык Апис, шкуру которого в знак особой божественности этого животного покрывает россыпь крестиков. Одежды жрецов могущественного Гора также испещрены крестообразными знаками.

На древнейшем изображении одного из жрецов города Мемфиса насчитывается восемь крестиков, размещенных у

него на груди. „Портрет” могущественного царя Ассирии Шамши-Адада украшен всего одним, зато огромным крестом, вполне соответствующим рангу „отца народа”. Не с этим ли фактом связано выражение „крестный отец” (духовный наставник)?

Ассирийский царь Шамши-Адад

Шапка Мономаха

Важнейшие явления в жизни людей, основные культы обозначались лишь одним-двумя крестами, зато размещены они были впереди других символов. Так, языческий праздник в честь Ивана Купалы (день летнего солнцеворота) в ритуальном сосуде-календаре восточнославянского происхождения (IV в.) был отмечен двумя крестами, а уж затем шел громовой знак — день Перуна, символа жатвы.

Ответственность выбора на всевозможных перепутьях вынуждала древних искать помощи усверхъестественных сил. Поэтому в божественном пантеоне кому-либо отводилась роль непосредственного попечителя путников, наставника.

Ригведа: Под вашим руководством, о Митра — Варуна,
Я хотел бы объехать трудности, как ямы
Не различаю я ни справа, ни слева,
Ни спереди, ни сзади, о Адитьи.
И в неразумении, и в мудрости, о хорошие,
Пусть достигну я надежного света, ведомый вами.

Манабозо, культурный герой в мифах алгонкинов. Ему приписывается создание ремесел, искусства, пиктографического письма. Был посвящен в тайны знахарских заклинаний, которые затем передал людям

Образы великих вождей и божеств в исполнении аборигенов Сибири

Отдельные гимны посвящались Пушану – хранителю дорог, уберегающему от ложных путей:

Ригведа:

Мы хотим заручиться твоей помощью,
О Пушан, удивительный, многомудрый.
Проведи нас через преследования!
Создай нам хорошие, легкопроходимые пути!
Отведи на хорошее пастбище.
Да не (нападет) новая лихорадка в дороге!
О Пушан, добудь нам силу духа.

Минули тысячелетия – и звезда Пушана начала тускнеть, терять в сознании людей свое величие. Можно предположить, произошло это естественным образом: люди набирались опыта, осваивали навигацию, картографию, иначе говоря, взяли на себя большую долю ответственности за выбор путей, не переставая, однако, взывать о помощи к силам небесным.

Образ учителя, наставника, ведавшего „путь истинный”, присущ всевозможным верованиям.

У православных славян был свой небесный покровитель и поводырь, к которому они обращались всякий раз, когда

Некое почитаемое существо,
нарисованное на саамских
бубнах шаманов

Всемогущее
божество хакасов

Знак, которым предположительно обозначался Дажьбог на плетеных узорах

не было надежды на собственные силы и навыки, о чем свидетельствует „Слово о полку Игореве”.

Игореву князю богъ путь кажетъ
Изъ земли Половецкой
На землю Рускую,
Къ отню злату столу.

„Открой пред нами путь славный, прекрасный путь!” — так индейцы взывали в Гимнах к Хуракану, Богу-наставнику.

Кришна (индуистский Бог): „Чтобы освободить праведников и уничтожить злодеев, а также восстановить религиозные принципы, Я Сам спускаюсь на землю из века в век”.

Однако наиболее полно эта тема воплотилась в образе Иисуса Христа, „царя иудейского”. В нем последовательно отражены черты как путника, так и наставника, обладающего собственным выбором и побуждающего к нему людей. Примечательно, что в раннем христианстве Мессия изображается не

Раннехристианское изображение Христа в виде агнца. Роспись катакомб

Лабарум (государственное знамя Рима, появившееся при Константине I), увенчанный монограммой Иисуса Христа. Изображение на монетах

распятым мучеником, а уверенным в себе правителем, как бы регулирующим движение, раскинув руки на фоне креста. Или другой распространенный сюжет: Христос в образе агнца, держащего крест или знамя с распятием. Иоанн Креститель указывает перстом на Христа: „Вот Агнец Божий”.

Изначально распятие на кресте вовсе не было казнью. Подобным образом осуществлялся обряд причащения к сонму мудрецов, божьих избранников, посвященных в тайны бытия. Адепта, успешно выдержавшего необходимые испытания, привязывали к ложу в форме креста. В Египте был Т-образный крест, в Индии – четырехконечный.

У древних перуанцев был особый крестообразный символ принадлежности к сонму посвященных в тайны, недоступные простым смертным: скрещенные на груди руки. Персонаж именно с таким жестом запечатлен на расписной керамике доколумбовых индейцев. Хотя он встречается довольно редко, но зато в таких обстоятельствах, которые предполагают высокую значимость знака „распятие” в сфере культуры и космогонии аборигенов Нового Света.

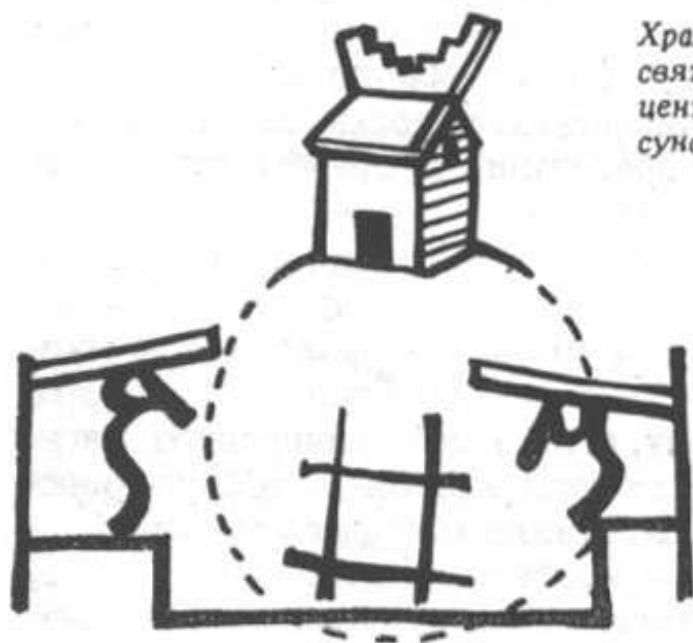
В долине древнего Нила обряд посвящения с крестом выглядел и вовсе идилически. Эта сцена встречается на египетских барельефах: небесные правители во главе с богом мудрости и оккультного знания Тотом льют на голову кандидата в мудрецы с двух сторон воду, естественно, священную, магическую. При этом струи пересекаются крестом, а вокруг происходящего – опять-таки кресты, правда, меньшего размера.

По знаку креста адепты и неофиты узнавали друг друга, называя себя *chrests* (изменение – *chrestos*). И снова многозна-

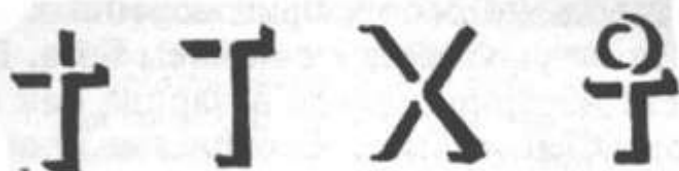
чительное „ST”, выражающее здесь идею окончательного выбора посвящаемых, сделанного после долгих раздумий. Стало быть, распятие как ритуальная форма посвящения в основе своей не предполагало никаких физических страданий. Заплечных дел мастера прокуратора Иудеи Понтия Пилата на Голгофе использовали лишь внешнюю атрибутику древнейшего обряда – перехода человека из одного качества в другое, от мирского суетного существования до жизни, полной озарения, приближенной к богу. А вообще-то как вид казни крестное распятие появилось задолго до рождения Христова. Когда именно и где – вопрос пока открытый. Согласно греческой мифологии, превращение креста в орудие жестокой пытки – на совести пресловутого Прокруста. Прокрустово ложе имело Т-образную форму, а в имени мифического палача содержится латинское „cruis”, или „cruis” („орудие пытки и казни”).

В некоторых древнеперуанских селениях посреди квадратной площади устанавливались шесты с перекладиной наверху, своим видом напоминая корабельные мачты с реями. Во время священного обряда, призванного помочь соплеменникам обрести уверенность в правильной пространственной ориентации, к „рее” привязывали жертву, которую затем убивали стрелами.

В ходу у индейцев было и ритуальное распятие на квадратной раме, устанавливаемой напротив входа в святилище, как правило, по его главной оси. Такие „моменты” олицетворяли собой мироздание или некую ограниченную территорию. По крайней мере, до середины нашего века у кечуа сохранялись элементы обряда жертвоприношений с символом распятия, с атрибутами ориентации в космосе.

Храмовый комплекс – центральное святилище и боковые строения. В центре – рама для распинания. Рисунок на сосуде культуры мочика

Наиболее распространенные разновидности креста: латинский; Т-образный („тау“), или антониевский; андреевский; анх (сгux ап- sata), крест в круге, гамированный (сгux gammata), или свастика; греческий

Вернемся, однако, на земли Старого Света к канонам христианства.

Лишь после XII столетия Иисус Христос в сознании верующих становится Христом-страдальцем, Христом Голгофы и страстей господних. Распятие, изображавшееся все более реалистично, сохраняло, безусловно, символическое звучание: богом данный поводырь. И одновременно оно обогатилось новым значением: распятый мученик. Здесь прослеживается связь с образом ветхозаветного Адама, на черепе которого (Голгофе) якобы и был установлен крест для Христа, а также с легендой о том, что святой крест был сооружен из дерева, росшего на могиле Адама. Таким образом, крест, символ триумфа (таковым он был для крестоносцев XI века), переродился в символ смирения, символ страдания, свойственных идущим по тернистому пути.

Янка Купала (белорусский поэт):

...Крест пред глазами стоит,
Терном отмщенья обвит.
Пропать под ним и окрест
Крест пред глазами стоит.
Крест, крест...

Марко Поло столкнулся с неприятием культа креста при дворе монгольского хана: „Он ни за что не позволяет, чтобы перед ним несли крест, потому что на нем страдал и умер столь великий человек, как Христос”.

Христианские еретики с отвращением относились даже к деревянному кресту. В их понимании он был не больше и не

меньше как орудие казни рабов, приговоренных к позорной смерти, и уж никак не увязывался с именем Бога. Долгое время казнь на кресте воспринималась в народе как нарушение традиционных норм благочестия, оскорбление, унижение Мессии в буквальном смысле.

Благоверные иудеи „не жалуют почтением” крест уже по сугубо религиозным мотивам, „так как он стал предметом поклонения христиан. Следует запретить его употребление. Если же, однако, его носят как украшение, не придавая ему религиозного значения, употребление его разрешено евреям” („Еврейская энциклопедия”).

Как бы там ни было, принято считать, что наш „крест” образован от зловещего „сгх”, в древнерусском языке слово это встречается в тексте договора князя Игоря с греками (911 г.). Впрочем, Тертуллиан в „Апологии” показывает несколько иное восприятие в Древнем Риме символики креста: „...у римлян религиозный закон предписывает воинам почитать воинские знаки и присягать им, а предметы, которые украшают знамена легионов, не что иное, как кресты”. С какой стати легионеры стали надеяться на успех в битве, осеняя себя „крестным знаменем”, если крест в их понимании — орудие казни?

Большой знаток славянской древности А. Афанасьев трактует слово „крест” в значении „жизнь”, „движение”. В связи с этим необходимо вспомнить еще один символ инициации (посвящения, перехода человека в новое состояние). Тем более, что подобные обряды практикуются до сих пор. Например, у африканских племен посвящение подростков — неофитов (мальчиков и девочек) происходит следующим образом. Их собирают под длинным навесом — тземби. Старший наставник роет там мотыгой канавку, обязательно в форме креста. Затем втыкает в землю вдоль обеих сторон канавки тростинки. Таким образом, дети как бы возносятся над имитированным перекрестком дорог, обсаженных деревьями. Посвященные молча внимают его таинствам, ощущая, возможно, мистику Выбора. Разыгрывается глубоко психологическое действо, на удивление схожее с тем, что начертано царем Соломоном: „Поставлю тебя на распутье и сделаю тебя молчащим и недвижимым. И перед тобой пойдут знаки событий. Так умеришь человеческое любопытство. Так заглянешь в сужденное течение потока, ибо поверх человеческого несется мысль мира”.

...Очисти дом мой для обходящих
его, и стоящих, и кланяющихся
с преклонением. И возвести сре-
ди людей о хадже: они придут
к тебе пешком... и пусть обойдут
кругом древнего дома.

Коран

Координатная ось, разметка территорий, риска прицела... что, казалось бы, общего между ними? Суть всех этих линий – фиксация, выделение одной-единственной точки, а именно точки отсчета, цели. В ней-то и сосредоточена идея встречного движения, следы траектории которого выражены перекрещивающимися линиями. Не будь этой безразмерной „нулевой точки“, не имеющей никакого самостоятельного смыслового значения, исчезнет крест, многосложный символ.

Андрей Вознесенский (современный поэт. „Из жизни крестиков“): „Летели две палки. Одна – на Север, другая – на Запад. На асфальте их тени совместились. Получился крестик. – Палки, не разлетайтесь, пожалуйста, а то я исчезну!”

Ирония, однако, не может умалить идею креста, эту предельно лаконичную модель человеческого бытия и, быть может, всего мироздания, основанного на всеобщем взаимодействии, взаимопритяжении, движении вокруг некоего срединного ядра, центра.

Так и точка пересечения дорог, реальных и символических, олицетворяет центростремительность, единение. Путевая практика древних навсегда закреплена в „коллективном бессознательном“, в архетипе: перекрестки всевозможных маршрутов – сосредоточение жизненной активности, наиболее вероятное место общения. Логически оправдано размещение здесь всевозможных святынь: жертвенников, алтарей, очагов, а также совершение ритуальных действий. Не отсюда ли отождествление креста с огнем, перекрестка с местом „огневого“ священнодействия?

Крест – Огонь. У этой аллегии существует своя логика. Движение в потемках в нашем сознании сопряжено с непредвиденными трудностями, опасными заблуждениями. „Ходящий во тьме не знает, куда идет“ (Библия). Темнота – метафора покоя, неподвижности, смерти даже.

С обилием света связано представление о целенаправленном движении, о деятельности, активности вообще. Стремление к свету с незапамятных времен воспринимается как жизнеутверждающая аллегория расцвета, прогресса, разума. В ми-

фологических памятниках в основном свет борется с тьмой, все живое рвется к свету.

„Бхагавадгита”: „...когда человека озаряет знание, разрушающее неведение, оно открывает ему все, подобно тому, как днем все освещается солнцем”.

Поэтому небесные покровители человека предстают в мифах непревзойденными путепроходцами, прокладывающими, освещающими, подобно Данко, путь людям. Все разнообразие реальных или вымышленных явлений воспринималось нашими предками как две противоборствующие силы – света и тьмы, добра и зла. У белорусов это выразилось в поклонениях Белбогу и Чернобогу. Предание хранит память о Белуне, белобородом старце-страннике, облаченном в белую одежду, не расстающемся с посохом, неотъемлемым атрибутом всякого передвижения.

Белун предстал перед заблудившимися, потерявшими дорогу путниками, чтобы выручить их. „Целина ў лесе без Белуна”, – говорили в народе, подчеркивая тем самым, что все блуждания идут от лукавого, а именно с воцарения темных сил. Легко вообразить, какими почестями одаривали Белуна обитатели земель, сплошь покрытых лесными дебрями и болотами. Не оказало ли в таком случае определенное влияние имя „Белун” на название края, к которому он был так благосклонен, – Белая Русь?..

В ту достопамятную пору, когда человек пользовался „огнем с неба”, не умея добывать его самостоятельно, очаг неизбежно становился средством единения людей одной орды. Более того, бесценный огонь, взятый, скажем, при стихийном пожаре, возникшем от грозовой молнии, способствовал сближению человеческих групп: к нему тянулись издали, передавая факел буквально из рук в руки. Ритуал эстафеты олимпийского огня – живое напоминание о древнейшей жизненной потребности – доставить „огненный цветок” к родному очагу. Поиск огня, передача его формировали целую сеть путей для налаживания контактов между племенами. Места необходимых встреч отмечались на древнейших картах крестообразными засечками или зарубками такого примерно содержания: „Лсди! Огонь!” Крестообразные зарубки на деревянных носках австралийских бушменов интерпретируются еще определеннее: „место сбора”, „сходка”.

Итак, разгадка еще одной символики креста – идеи центра, середины, надо полагать, содержится все в том же архетипе – перекрестке, схождении обычных земных путей. Подтверждение тому находим в большинстве мифологических

Символ звезды Сириус у западноафриканских дагонов — олицетворение центра мироздания

систем, а они провозглашали наличие некой главенствующей точки мироздания, „пупа” земли, откуда разворачивается пространство посредством центробежных путей, которые упорядочивают, организуют материальный мир, „нанизанный” на них.

То же происходит и с духовным миром, причем по мере отдаления от этого „пупа” и, значит, приближения к периферии усиливается влияние хаоса, сумбура, темных, злых сил. Путь же к центру — путь последовательного совершенствования. Достигнув центра, главной цели, мифический герой облагораживается, завершается формирование его положительных качеств, то есть происходит переход его в новое качество, вступление на последующий виток совершенствования.

Таким образом, движение по сходящимся дорогам приобрело конкретную этическую окраску: направленность к центру сулила преобразование положительного свойства, удаление от Середины — пагубное воздействие на душу.

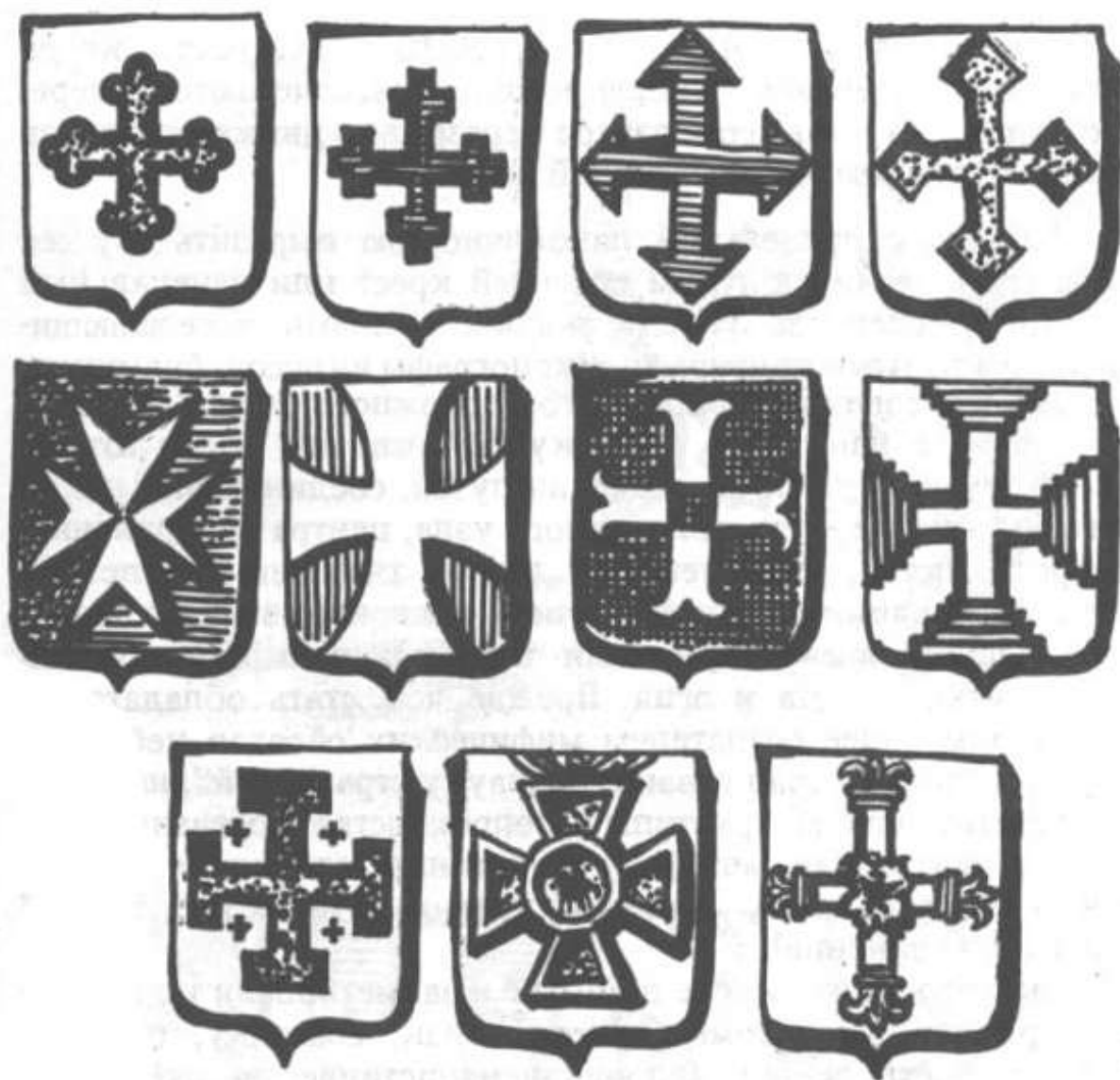

Каменные печати из раннеземледельческого комплекса Чатал-Хююк

Идея центра, выраженная в росписях месопотамской керамики. Самаррская культура, VI тыс. до н. э.

Авва Дорофей (христианский богослужитель, VIII в.): „...представьте себе круг. Середину его – центр – и из центра исходящие радиусы, лучи. Эти радиусы, чем дальше идут от центра, тем больше расходятся и удаляются друг от друга; напротив, чем больше подходят к центру, тем больше сближаются между собой. Положите теперь, что круг сей есть мир; самая середина круга – Бог, а прямые линии (радиусы), идущие от центра к окружности или от окружности к центру, суть пути жизни людей. И тут тоже – насколько святые входят внутрь круга к середине оного, желая приблизиться к Богу, настолько по мере вхождения они становятся к Богу и друг к другу... Так разумеите и об удалении...”

Геральдическая интерпретация темы сосредоточения центра основана на изображении крестов различного вида: трилистный, перекрещенный, стрельчатый, ромбический, восьмилучевой, лапчатый, якоревидный, ступенчатый, иерусалимский, георгиевский, немецкий

Когда Л. Н. Толстому (а он не скрывал своего скептического отношения к мистике) прочитали эти строки, он, восторженный, нашел у себя письмо с изображенным на нем треугольником и текстом, выражающим эту же идею центра: люди – точки в углах; сходясь к центру, они приближаются к Богу и тем самым становятся ближе друг к другу.

Феномен перекрестка, его непреходящая социальная символика не перестают будоражить наше воображение. С. Эйзенштейн уникальным типом „гармоничного контрапункта” считал „пересечение внутриобщественных путей”, а условиями, определяющими наступление гармоничности, – целеустремленность „каждой единицы” внутри общества, знание его, своего „самостоятельного пути”, подчиненного в то же время разрешению общей задачи.

Сергей Эйзенштейн: „Великое событие наступает, „когда эти пути скрещиваются и перекрещиваются, сочетаются и переплетаются, – а все вместе взятое неразрывно движется вперед к осуществлению раз намеченной цели”.

Пытаясь с предельной лаконичностью выразить эту же идею графически, получим обычный крест или изначальный его вид – крест с загнутыми овально концами, завершающимися замкнутыми контурами. Иконографы индусов, браминов, буддистов изогнули концы этого „дорожного знака” и получили хорошо известную свастику. Так что она – все тот же ориентирующий знак пересечения путей, соединяющих некие объекты, она же – символ важного узла, центра определенного пространства, вожделенного „пункта тяготения”, заветной цели. Ассоциация свастики с огнем, солярным знаком правомочна лишь при утверждении взаимозависимости образов перекрестка, креста и огня. Прежде чем стать обладателем огня и тем более создателем мифических образов небесных светил, человек начал усваивать „науку странствий”, накопив соответствующие ей архетипы путепроходства, постигнув символику центра как метафору сближения, сплочения, единения. К слову сказать, „фашизм” идет от латинского „Fachio” (связь, объединение).

Как раз в этом смысле в Европе и заимствовали у древних индоарийцев этот геометрический знак, свастику, ставший позже олицетворением человеконенавистничества, жестокости, мракобесия. А всего несколько поколений назад в свастике усматривалась довольно оригинальная интерпретация движения – в виде шагов по кругу. „Свастика – символический крестообразный знак, состоящий как бы из четырех букв Г греческого алфавита, соединенных между собой их основания-

Архаическое изображение
свастики

Культовые знаки викингов

Свастика как символ дви-
жения, путешествия

Древние резные изображе-
ния, напоминающие иеро-
глифы. Осколок каменного
блока с Мальдивских
островов

Вариация на тему „свастика” в геральдических эмблемах

ми, или четырех человеческих ног, исходящих из одного общего центра. Этот знак с незапамятных времен употреблялся браминистами и буддистами Индии, Китая и Японии в орнаменте и в письме, выражал собою привет, пожелание благополучия... Христианство придавало ему значение, подобное тому, какое он имел на Востоке, то есть выражало им ниспослание благодати и спасение" (Энциклопедия Брокгауза и Ефрона).

Последующая мифологическая разработка креста-свастики завершилась глубоко символичным знаком – мандалой, древнейшей метафизической моделью мироздания. В ее основе – неизменное перекрестье оккультных, неисповедимых путей. Иначе говоря, мандала – это художественная интерпретация креста, вписанного в круг, или так называемого астрономического креста (Cruz Ansata). И тот и другой, что немаловажно, выражали „суперцентр“, акцентированное: сосредоточение наиболее сакральной субстанции, первоистины. Этой идее близки верования древних: Всевышний создал мир подобно зародышу. Зародыш начинается с пупа, с него же начал миротворение и Бог, распространяя затем мир во все стороны.

В Ригведе Вселенная простирается тоже от некоего центра... А что же современные учения? Многие склонны признать наличие центра мироздания и возможность вселенского „первовзрыва“ причиной всеобъемлющего расширения. А вообще-то мы имеем дело с подтверждением древнейших традиций, провозглашавших в качестве Начала Начал Мировой центр, Первородную Точку.

Популярный символ в искусстве Индокитая: декоративный вариант мандалы, выражающий принцип Гермесовой Скрижали: „Как вверху, так внизу...“

Тэйн – творческий принцип Востока. От этого изображения происходит одно из названий Творца: „Тэйн – великолепно креста свет!“

Золотая бляха, созданная в Микенах

Деталь украшения знатных инков

Центральный фрагмент ацтекского Камня Солнца, символа мироздания, мифологической истории Древней Мексики

Сакральный диск индейцев

Магические знаки на саамских ритуальных бубнах — шаманская интерпретация мандалы

Каббала: „Когда Сокрытое Сокрытого пожелало раскрыть Себя, Оно прежде всего создало первую точку: Бесконечность была совершенно неизвестной и не рассеивала никакого света, пока эта точка с силой не прорвалась в состояние проявленного”.

Религии, естественно, приписывают все это деятельности Всевышнего, Логоса, Слова, Мирового разума. „Бог есть круг, центр которого везде”, — утверждал некогда Паскаль, интерпретируя, по сути, давным-давно сложившееся понятие: „космический круг”, „астрономический крест”, Бог — синонимы. Размышляя над мистическими свойствами бессмертного символа, Платон пришел к заключению: этимологически слово „Theos” (Бог) происходит от глагола „двигаться”.

Древнеегипетский иероглиф „город” — своеобразный вариант мандалы (санскрит — „центр”)

Кой-Крылган-Каха — укрепленное поселение в песках Кызыл-Кума, IV в. до н. э. (археологические раскопки)

Древнесирийский город Гекаса. Главная площадь — перекресток основных улиц

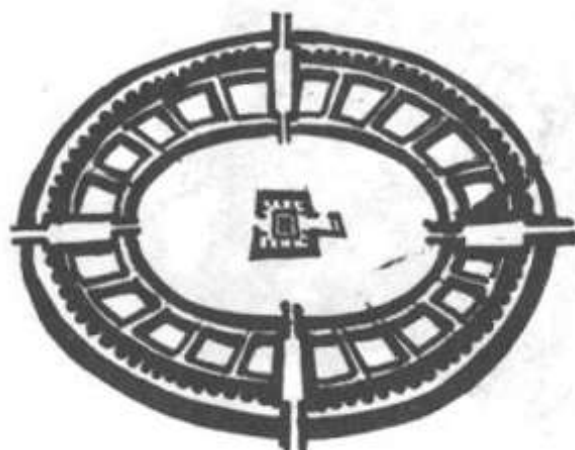
Королевская крепость Треллеборг, лагерь викингов

Чтобы проследить ход рассуждений философа, полезно опять-таки взглянуть на мандалу, напоминающую схематичный план воображаемого поселения или храмового комплекса. На „схеме” присутствует явно священный „центр”, откуда крестообразно расходятся дороги. Там, где они пересекаются с окружностью- „оградой”, четко выделены Т-образные ворота, за которыми — даль без конца и края. Нетрудно угадать в мандале пути движения, тем более, что зачастую вдоль них недвусмысленно изображены аллеи деревьев, неизменные, извечные спутники дороги.

Нередко концы мандального креста раскрашивались в цвета, соответствующие четырем аспектам мудрости: белый —

План Багдада, основанного халифом Мансуром в 762 году. В центре города — дворец с мечетью. За кольцом стен — кварталы различного назначения, окруженные крепостной стеной с четырьмя воротами

План идеального города „Сфорцинды” (1460 г.) Антонио Аверлино

путь мудрости, подобный зеркалу; желтый — путь мудрости равенства; красный — путь мудрости различия; зеленый — путь мудрости свершения. Всюду — путь, путь, путь... Случайно ли? И еще. Древнеегипетский иероглиф, обозначающий поселение, имел очертание астрономического креста, креста в круге. И это неудивительно, поскольку выявление центра, тяготение к нему свойственно явлениям общечеловеческого значения.

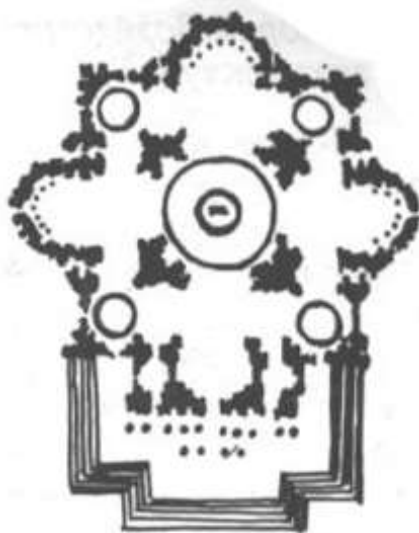
У древнего египтянина, к примеру, центром вселенной была его страна — Та-Мери („любимая земля”). В соответствии с этим она становилась центром астрономического креста, и при ориентации в пространстве тамерийцы за основу брали не восток, откуда приходит Ра, Бог солнца, а юг, где начинается Нил, река жизни. Туда и следовало обращать лицо при определении частей света. Отсюда „юг” и „лицо” у египтян назывались одинаково, а слово, обозначающее север, родственно слову „затылок”. „Левая сторона” и „восток” — „правая сторона” и „запад” также были синонимами.

В протяжении, а также пересечении экваториальных и полярных путей-диаметров древние узрели богом данный образец градостроительства. На нем, к примеру, основаны принципы создания сада Эдема, Ноева ковчега, храма Соломона...

Распространение архитектурной идеи центра не ограничивалось, естественно, небесными „постройками”. С точки зрения архитектурной герменевтики, „центр” — главенствующий архетип, на основе которого возник главный композиционный принцип зачества: акцентирование ядра, „вместилища свято-

Ротвейль. Средневековый немецкий город, перекрёсток главных улиц которого имел не только функциональное, но и символическое значение

Планировка буддистского храма Паган кубъяунге. Бирма, XIII век

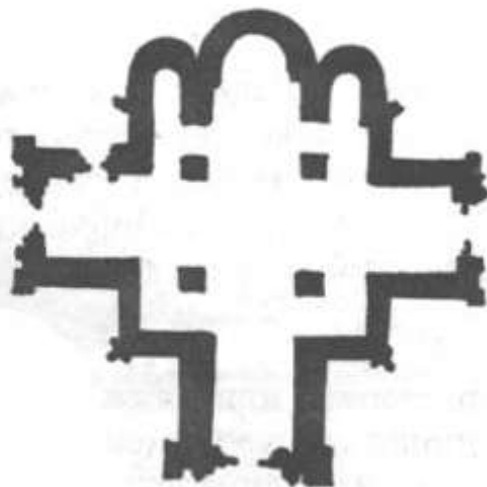
План собора Святого Петра в Риме

го духа". Практически во всех памятниках культовой архитектуры и градостроительства легко обнаруживается тема центрального пересечения путей, проходов, осей. Крестообразная (центростремительная) символика в совершенстве выражена в средневековой архитектуре, точнее, в главных типах церковных зданий – круглых и крестообразных. Они олицетворяли микрокосмос, земное воплощение вселенского принципа. Православные славяне, например, традиционно канонизировали крест в планировке храмов.

Владимир Даль (писатель, этнограф, XIX в.): „Церковь у нас строится крестом... т. е. в виде креста”.

План Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, XIII век

Троицкий собор в Пскове, XVI век

Андрей Вознесенский: „Казанский собор – крестовый паук архитектуры”.

Перекрытия внутрихрамовых проходов строго ориентированы на стороны света. А в месте их пересечения под взметнувшимся куполом или шатром как бы сходятся все проселки, большаки, тракты местной округи и всего христианского мира. Их устремленность к этому центру напоминает о высшей степени всечеловеческой духовности, общении с Богом. Путь к нему – глубокое внутреннее преображение, предполагающее и терзания, и муки, и озарения, которые венчает выбор. В конце пути – покаяние и просветление, благодаря которым совершается духовный „переход” от мирского к священному, от профанного к эзотерическому, от тленного и обыденного к вечному и сакраментальному...

Талмуд: „Существует десять степеней святости: земля Израиля святее всех земель...

Города, огражденные стеной, святее ее (остальной Палестины), ибо из них выгоняют прокаженных, в них носят мертвеца, куда угодно, но раз вынесли за пределы города, то назад не вносят...

Пространство внутри стены Иерусалимской святее их [городов]... Храмовая гора святее их... Святая святых (сакральное место божественного откровения в храме) святее их всех, ибо туда вступает только первосвященник в День Очищения”.

Подобного рода метапсихозы – психические превращения связаны в нашем сознании с „дорогой к Храму”. Само это понятие многообразно воплощено в мифологии и искусстве. Это и извилистые проходы в храме, как в Боробудуре, и полные приключений „экспедиции” за золотым руно, золотыми яблоками, травой жизни, живой водой. Античный храм (пришло время осознать это) обладает неослабевающей аурой, влекущей, пленяющей поколения за поколениями. Что за сила заключена в нем?

Мартин Хайдеггер: „Греческий храм впервые связывает и одновременно собирает вокруг себя цельное единство тех путей и отношений, следуя которым рождение и смерть, беда и благодать, победа и позор достигают сплочения в творческий образ и создают движение человеческого существа в его судьбе”.

Паломничество буддийских пилигримов или хадж, поход мусульман к своим святыням предполагают непременно мученичество, в результате которого и должны снизойти божест-

Постройка — фетиш африканцев, архаический прототип храмового строительства

Капелла в Роншане. Франция, 1954.

венная благодать, просветление, нирвана. Чтобы попасть в „зону” и достичь „комнаты счастья”, герои фильма А. Тарковского терпят муки и страх, петляя окружным незнакомым опасным путем, хотя до „счастья” была как будто прямая недолгая дорога.

Нужда в „дороге к храму” ощущается сильнее в кризисные, переломные моменты, когда утрачиваются вдруг путеводные ориентиры, попираются привычные идеалы. Отсюда и афористичность вопроса, прозвучавшего в картине Т. Абуладзе „Покаяние”: „Зачем нужна эта дорога, если она не ведет к храму?”

Назвать место, время зарождения архетипа центра с его сакральными свойствами невозможно, как невозможно датировать возникновение абстрактного мышления, появление мифических образов, осознание социальных ценностей. Сравнительно недавно приматологи, исследующие пространствен-

Священное место „храм” аборигенов Новой Гвинеи и путь к нему, проложенный над водой.

ную схему иерархических отношений в обезьяньем мире, обнаружили зачатки особого отношения приматов к центру и периферии своей территории. Протосоциальное поведение самок и детенышей выражается в их центральном положении, в занимаемом пространстве.

Структура поселений племени бороро формировалась на иной традиции – превосходстве потенциальных отцов. В центре находится „мужской дом“, жилище для холостяков, место их сборищ. Вокруг – полоса необработанной земли. Дальше – заросли кустарника, сквозь которые проложены тропы к семейным хижинам, окраинам. Здесь мы имеем дело с осознанной концентрической структурой, где отношение между центром и периферией выражено противопоставлением мужского и женского начала, священного (сакрального) и обычного (профанного).

Государства с явно выраженной центральной властью строятся исключительно по „центростремительному“ принципу. Тогда наиболее отдаленные и незначительные пути сливаются друг с другом, а в итоге – в имперские магистрали, „царские дороги“, устремленные к центру, стольному граду, чтобы соединиться у резиденции повелителя или, скажем, главного религиозного храма. От центра державы и „до самых до окраин“ путешествующие могли воочию убедиться, где „пуп“ земли, пристанище „сильных мира сего“.

Все дороги Римской империи действительно вели в Рим, а точнее – к Капитолийскому холму. Превосходные шоссе инков, преодолевая огромные просторы сельвы, скрещивались на главной площади столицы Куско. Блуждая в джунглях, дороги Кхмерской империи обязательно выходили к Ангкорам, столичным храмовым комплексам, имеющим в плане четко выраженный крест.

Вполне приемлемый принцип – начинать счет километрам страны от главной столичной почты мог и нарушаться по воле правителя. „Нулевой километр“ бывшего СССР, находившийся долгое время у главпочтамта Москвы на Мясницкой, перекочевал к Мавзолею, идеологическому центру державы...

Другая крайность – отсутствие или потеря самой идеи центра крупнейшими городами-агломерациями. Человека удручает их хаотичность, разобщающая людей, препятствующая их духовному единению. Не отсюда ли, в частности, всевозрастающая преступность, падение нравов супергородов? Надо надеяться, что когда-нибудь мы найдем все же символические средства, сближающие людей. Не исключено, что одним из них является обращение к традициям древних. У одного из коренных племен Северной Америки был обычай – при ре-

шении какой-нибудь важной проблемы, когда требовалось всеобщее единение и согласие, перед началом „совещания” воздвигали крест — временный центр бытия, к которому ритуально собиралось все племя, а каждый из старейшин при этом держал в руках такой же крест, только меньшего размера.

А впрочем, центробежное движение также естественно, хотя и является антиподом движения к центру. Они обуславливают, предваряют одно другое: вдох — выдох. Вот и элементы креста-перекрестка, преодолев тяготение, устремляются к четырем сторонам, концам света, теряясь в бесконечности.

Иоганн Гете („Фауст”):

... и вижу, символ мира разбирая,
Вселенную от края и до края.

Вращающийся крест — центрифуга пространства. Совокупность же перекрестков единой сетью опутывает ойкумену, обжитое человеком пространство. Не случайно ведь выражение „на всех перекрестках...” в старину означало „по всему миру”. Схематично иллюстрируется это сеткой меридианов и параллелей.

Издревле люди поклонялись как центру, так и безбрежности, бесконечности, манящей и пугающей одновременно. Чтобы хоть как-то „вместить” в своем сознании обширное, неподвластное пространство, человек разделил его на четыре сегмента, или стороны, относительно своего тела (спереди, сзади, слева, справа) и, соответственно, движения солнца (юг, север, восток, запад).

...В 1851 году научный мир всколыхнул найденный на Руси так называемый Свентовитов идол с четырьмя ликами, обращенными в разные стороны. На перекрестке каких дорог выставлено было изваяние-компас, предстоит еще выяснить. Очевидно одно: обнаружен славянский вариант многоликого буддийского божества Авалокитешвара, „бога взгляда”, постигающего тайны вселенной благодаря многим своим ликам, позволяющим охватывать взором все стороны мира. В Древней Индии поклонялись четырехлепестковому цветку Лотоса, растительному эквиваленту креста. То же самое наблюдалось в Древнем Египте.

Уильям Блейк (английский поэт, художник, XVIII — XIX вв.):

И каждая часть города имеет четыре стороны,
И каждая обитель тоже,

И каждый горшок, и сосуд, и одежда, и утварь домов,
И каждый дом — четырехстенный.

Сознание пещерного жителя не могло не будоражить поразительное явление: поворачивается человек — и с ним поворачивается мир: то, что было, допустим, спереди, оказывается позади, на другой стороне или сбоку. Укротить в себе раздражение, вызванное пространственными превращениями, значило „примириться” с непостижимым, подчиниться ему, воедино слиться с Космосом. Обряд — привязывать к кресту-распятию — и должен был образно служить этому единению, а также выражению веры: человек есть центр, Середина субъективного мира, микрокосмоса, Совокупность индивидуальных Середин — общечеловеческая Середина, среда нашего обитания, вмещающая несчетные пути-перепутья.

Я слышал о двух путях от предков:
Путь богов и путь смертных.
На этих двух путях сходится
Все то, что способно двигаться.

„Ригведа

СТОИТ

На „Изумрудной скрижали” Гермеса начертано было якобы такое изречение: „Восходи от Земли к небу, а затем снова сойди на Землю”. Не в этих ли словах заключается двоякая тайна креста: символизации человеческого бессмертия, восхождения в иное, потустороннее бытие и возвращения из него? В мифах многократно упоминается о некогда существовавшем райском веке, когда можно было легко возноситься в небеса и поддерживать дружественные отношения с богами: „Древен символ прямого восхождения” („Агни Йога”). Не менее архаично и аллегорическое значение креста – переплетение человеческих и божеских путей-судеб.

В апокрифических „Деяниях апостола Андрея” крест прославляется такими словами: „Ты простираешься до неба и вещаешь о Высшем Слове. Ты распростерся вправо и влево и изгоняешь темные силы и собираешь рассеянное. В земле укреплен ты и соединяешь земное с небесным...”

„Укрепленный в земле” крест выражает идею вечности, нескончаемости жизненного пути, общения человека с всевышним. Новозаветная заповедь о мученическом умирании на кресте сулит благочестивому „крестное восхождение” духа, воскрешение. Однако и в добиблейские времена „эмблемой бессмертия был тот же крест (древнеегипетский анх) с кольцом наверху. Т-образная его часть может рассматриваться в качестве графического символа земного бытия, пути, имеющего свой рубеж, за которым – жизнь иная. Кольцо на перекладине – не что иное, как образ бесконечности существования вечного начала. Надо учесть, что самая ранняя форма анха – простая петля – совмещала и крест и круг, выражая именно ограниченность земного пути, но бесконечность бытия в целом.

В „Тайной доктрине” Е. Блаватской находим очень близкую по смыслу интерпретацию креста-анха. Кольцеобразная верхушка его ассоциируется с иероглифом ☩, который, будучи водруженным над крестом – тау, означает дверь, врата, место вхождения, другими словами, ту же границу между двумя формами существования человеческой жизни, земной и загробной.

Символ Осириса — столб „Джед” и анх, поддерживающий восходящее солнце

Осирис на смертном ложе, опирающемся на анхи и символические посохи, усы

Так или иначе, анх почитался древними египтянами и, подобно незаменимому в дороге носу, служил путеводителем по потустороннему миру. Чтобы почивший в бозе „фараон мог найти дорогу к богам, а затем обратный путь к мирянам, его полагалось снабжать анхом. Кроме того, стены гробниц расписывали огромными изображениями крестов. Что это, если не формализованная память о временах жизни в пещерах, стены которых покрывались путеводными знаками?

Такая „пещера” обнаружена в Храме надписей майяского города Паленке. Потайная лестница ведет на большую глубину вниз, в склеп, где установлен саркофаг с каменной крышкой,

Изида и Осирис, „вооруженные” анхами и усами

Древнеегипетский портрет богини Нут

Маат одаривает фараона Сети I всемогущим анхом. Изображение в гробнице около 1300 г. до н. э.

Статуэтка Бэса, XXVIII династия

украшенной выразительным барельефом. В его центре изображен молодой мужчина, взор которого устремлен вверх — на витиеватый крест. Интерпретация символики барельефа самая различная.

Эрих фон Дэникен (современный исследователь тайн древности): „На рельефе мы видим мужскую фигуру, поза которой напоминает позу пилота. Его транспортное средство каждый ребенок определит сегодня как ракету... Наклонившись, пилот обеими руками манипулирует рядом непонятных устройств управления... Вплотную к лицу висит какое-то устройство, на которое он пристально смотрит”.

Вацлав Шольц (коллега Дэникена): „Если взглянуть на резную фигуру вертикально (в высоту), то обнаружится, что она находится в классической позе жертвы на алтаре”.

Большинство ученых склоняются ко второй версии: в саркофаге покоится не погибший астронавт, а одна из выдающихся особ царства майя. Возможно, это был правитель Пацал, живший в XII веке, которому люди приписывали божественный дар и верили, будто он может вымолить у бога продолжение рода человеческого и его благоденствие. Крест, „вырастающий“ из фигуры на изображении, является символом основной сельскохозяйственной культуры майя – кукурузы. Он отражает майяское понимание мира: человек умирает, уходит в землю, но лишь для того, чтобы однажды подобно зернышку кукурузы ожить и вновь вернуться на этот свет.

С концепцией вечного обновления, „круговорота“ жизни, пожалуй, можно согласиться. А вот отождествление креста с кукурузой вызывает сомнение: он больше напоминает египетский анх и, видимо, является самобытной стилизацией именно устремленного ввысь креста, общечеловеческого символа бесконечности бытия, перехода его из одного состояния в другое по вертикали мироздания.

Не из этого ли произошло отождествление понятий „умереть на кресте“ и „умереть с крестом“? Не этим ли объясняется сходство монограммы Иисуса Христа, окончательно сложившейся к середине IV столетия, с анхом египтян?

Впрочем, анх – неизменный атрибут и индусского божества Шивы. Четверорукий Шива держит его особым образом: пальцы одной руки изображают крест, увенчанный веревочной

Анх в исполнении Будды

Легендарный рельеф из Паленке

Сакральный символ, который вместе с держащей его рукой образует анх, популярный в древнеазиатском искусстве. На сирийском каменном изваянии его, например, изображают в качестве божественного дара, приносимого святой птицей

Вавилонский бог Шамаш, судья, хранитель справедливости истины, носитель оракулов, о чем говорит его жест в виде анха. Фрагмент месопотамского рельефа

петлей. Символ под названием „паша” (веревка) неизменно в правой задней руке божества. Почему, спрашивается? Руки Шивы, властителя вселенной, олицетворяют четыре конца света. Та рука, что справа и сзади, в мифологической традиции ассоциируется как раз со смертью и метаморфозами возрождения.

Привязывая человека к кресту, ему желали именно возрождения, и прежде всего духовного. Вознесение духа, приобщение к сверхмудрости, истине — все это стало связываться с образом распятия на кресте. Сам же крест на рубеже двух эпох приобрел значение „пограничного столба” в эволюции общения человека с Богом.

В раннем средневековье замкнутый, закрытый, по существу, христианский мир предельно расширяется в сторону... неба. Не существует никаких преград, границ между земными и небесными мирами. И космография и мистическая аскеза провозглашали закономерность выбора столь длительного и мучительного пути к Богу — „паломничество души”.

Мусульманский мир вначале утверждал, что Мухаммед — человек, посланный Аллахом, отвергал приписываемые ему способности творить чудеса, как Иисус Христос. Однако позже мусульманами была создана легенда о хождении пророка в Иерусалим, его вознесении на небо. В его честь был утвержден праздник, названный по-арабски „Ночь путешествия и восхождения”. В условиях жаркого аравийского климата ночь была наиболее подходящим временем для передвижений.

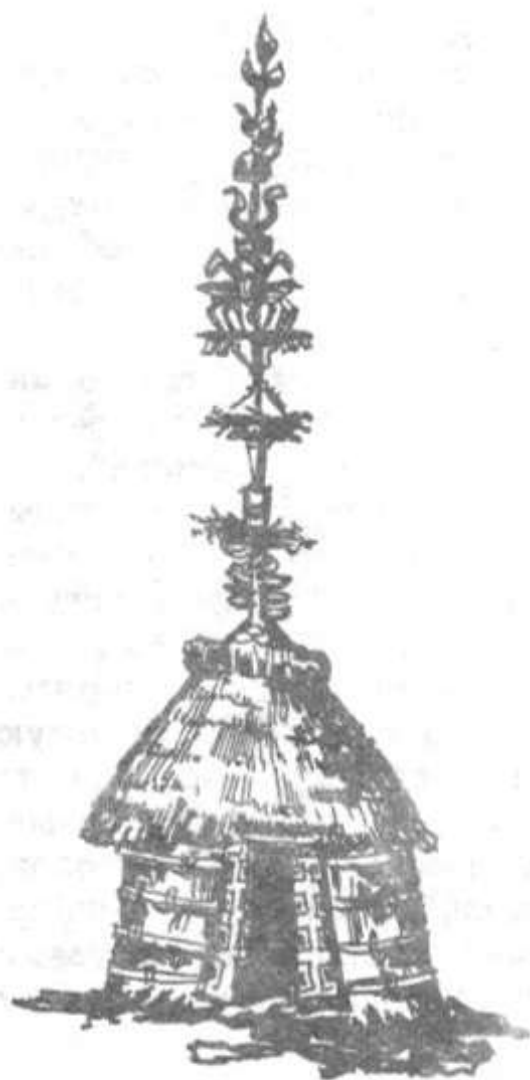
Все мистерии пронизаны идеей перехода из одной космической области в другую, „прорыва уровней”. Для непосредственного сообщения с небом шаман использует „Ось мира”, или „Мировой столб”. Он изображался действительным столбом, подпирающим жилище, и выражал идею центра. Возле него совершались жертвоприношения, чтобы он открыл дорогу к Верховному Существо — Небожителю. Где-то на небесах она, по логике вещей, должна также фиксироваться, „привязываться” к „столбу”. Выбор пал на Полярную звезду, сияющую посреди неба. Она как бы подпирает небосвод, вместо шести поддерживает „небесный шатер”. Так, например, тюркоязычные алтайцы представляют себе это небесное тело. У монголов, калмыков, бурят — это „Золотой столб”, у киргизов, башкир, сибирских татар — „Железный столб”. Скандинавские саами заимствовали это понятие у древних, назвав Полярную звезду „Небесным столпом” или „Мировым столпом”.

Мир со столпом в середине в представлении Дагонов

На земле „Мировой столп” не всегда водружался в жилищах, но обязательно в „центре” определенных территорий. Ханты нарекли свои ритуальные столбы „Могучими стволами центра города”. Возможно, с образа священного столпа, концентрирующего всю ойкумену и соединяющего ее духовной, божественной силой, начиналась архитектура, материализованное мировосприятие.

Луис Салливен (американский архитектор): „Столб как форма или явление — простейший из архитектурных элементов. Он находится в равновесии — в кажущемся покое. Он как

Новокаледонская священная хижина

Деревянные резные столбы Нань-сун, покровители корейских деревень

будто устремлен вверх и в то же время прочно закреплен внизу. Он кажется нам неподвижным, статичным, вечным. Хотя форма столба выглядит, на наш взгляд, простой, она тем не менее сложна, потому что является полем действия двух одновременно действующих сил — направленной вниз и направленной вверх; однако она настолько близка к пределу простоты в практике физической реальности, насколько мы способны ее достичь”.

Столб, вертикаль, устремленная ввысь, и вдруг — преграда — перекладина, как некий итог, предел определенных исканий, блужданий, связанных с преодолением всякого рода тяжестей, физического или духовного характера.

Луис Салливен: „В природе такое явление прямо противоположно катастрофе или скоропостижной смерти – это внезапное, сиюминутное рождение!.. Эти простые элементы – столб и перекладина – ваши. Ни внешне, ни внутренне они не принадлежат ни к какому периоду времени, ни какому-то народу, ни какой-то расе...”

Завершение столпов, „сиюминутное рождение”, застывшее в камне, издревле именовалось венцом. Так, по крайней мере, называлась верхняя часть, или капитель, двух столбов, поставленных царем Соломоном у притвора выстроенного им храма. Венцом в первобытном обществе мог быть обычный камень. Мегалистические святыни венчались как раз необработанной каменной глыбой, горизонтально положенной на такие же камни, поставленные вертикально. У тувинцев центральный шест в шатре выступает над верхушкой юрты, а конец его украшается разнообразными лоскутами, праздничными знаками прорыва ввысь, достижения контакта с богами. И все это – формальные разновидности одного и того же символа креста, выражающего суть бытия, смену ипостасей при перехождении в мир высших, неординарных, надобыденных явлений и ценностей.

Прославленная железная колонна в Дели. Индия. IV–VI века

Колонна Траяна в Риме, памятник походов римского императора и мавзолей, где в золотой урне покоится прах триумфатора

Абсолютная простота изображения креста и неисчерпаемая смысловая глубина его вызывают сомнение: а имеет ли человечество непосредственное отношение к его происхождению?

Елена Блаватская: „Изначальная система, двойной глиф, заключающийся в идее креста, не есть „человеческое изобретение“, ибо Космическая Мыслеоснова и духовное представление Божественного Его — человека, лежат в основании Его”.

Андрей Вознесенский:

Человек произошел от обезьяны,
От кого произошли крестики?
Из человека. Если покойника посадить
в землю, вырастает крестик.
Но многие считают, что они
внеземного происхождения.

И все-таки... Никуда не уйти от констатации рациональных истоков происхождения креста. Признавая глубочайшую его символику, идейную многомерность, мы вынуждены признать и то, что он из ряда, так сказать, международных символов, которые выражали очевидные, естественные истины, касающиеся непосредственно психологических и даже физиологических основ. Абстрактное мышление и появление креста, можно считать, — результат синхронной эволюции. Крест, его семантическое многообразие — зеркальное отражение развития самосознания, мировосприятия, творчества человека. Находка археологов — галька с примитивным изображением на ней крестика — свидетельство того, что человек уже тогда начал видеть мир объемно.

Трехмерность пространства — всего лишь геометрическая условность, опосредованная использованием прямого угла в качестве единицы — модуля пространства. Трехмерность мировосприятия, возникшая эволюционным путем, потребовала своего осмысления. Евклидова геометрия как раз результат этого процесса. Евклидово пространство своими корнями еще крепко связано с двумерным пространством и описывалось оно аксиомами, основные понятия которых — точка, линия, плоскость.

Павел Флоренский (богослов начала XX века): „Геометрия Евклида есть одна из бесчисленных геометрий, и сказать, что физическое пространство, пространство физических процессов, есть пространство именно евклидовское — мы оснований не имеем. Это — лишь постулат, требование так мыслить о мире и сообразовывать с этим требованием все прочие представления”.

Декартова система координат — новый шаг к аналитической геометрии трехмерного пространства. Пересечение векторов, координатные оси теперь уже широко применялись в „объемном” видении мира. Он стал описываться в общем-то так же, как это делалось в священных писаниях — с помощью четырехконечного креста: „широты и долготы, глубины и высоты”.

Нынешняя геометрия учит: линия состоит из точек, плоскость — из линий, а пространство — из плоскостей. Усвоив декартову систему координат, мы видим мир, грубо говоря, ящиком, вместившем трехмерных тел, хотя имманентно, интуитивно чувствуем: мироздание никак не может уместиться на прокрустовом ложе известной нам координатной системы. Оно неизмеримо сложнее! Современные космогонические модели и гипотезы исходят как раз из признания многомерности Вселенной, где координаты пространства взаимосвязаны с координатами... времени. Правда, далеко не каждому доступно понимание нелинейного, однонаправленного течения времени — из прошлого в будущее. Сказывается узость нашего мировосприятия, не позволяющая увидеть, осознать всю многомерность бытия, того вселенского перекрестья, где сходятся координаты пространства-времени.

Карлос Кастанеда: „Между двумя мирами... есть щель: она находится там, где два этих мира частично перекрывают друг друга. ...Чтобы найти ее, человек должен воспитать в себе волю, то есть непреклонное желание и полную самоотдачу, и сделать это самостоятельно, без помощи какой-либо силы или другого человека. Идти можно в любом направлении; продолжительность пути зависит только от силы воли. Человек с сильной волей проходит свой путь быстро!..”

Заглянуть в далекое грядущее способны лишь натуры вдохновенные, волевые, сделавшие решительный выбор и ставшие на восходящий путь совершенства.

„Агни Йога”: „Замечено в астральном мире, что обладающие средним сознанием не стремятся в высоту. Среднее состояние избавляет их от мучений...”

Удел первопроходцев, первооткрывателей никогда не был легок, ведь они должны нести тяжелый крест — учить остальных видеть, мыслить по-новому.

Андрей Тарковский (кинорежиссер): „Мы распяты в одной плоскости, а мир многомерен. Мы это чувствуем и страдаем от невозможности познать истину”.

Путь наших ощущений, чувств, понятий от „плоскостного перекрестья” к объемной многомерности лежит через вертикаль духовного восхождения, интуицию, глобальное мышление. В определенной мере все это вбирает в себя высокое Искусство.

Петр Успенский (мыслитель начала XX в.): „...ни в чем, на настоящей ступени нашего развития, мы не обладаем таким сильным средством для познания мира причин, как в искусстве... Высшее (к обыденным словам) мы видим в искусстве: в художественных символах и аллегориях, в образах и пр. ...В искусстве мы уже имеем первые опыты языка будущего... Художник должен быть ясновидцем, он должен видеть то, чего не видят другие. И он должен быть магом, должен обладать даром заставить видеть других то, чего они сами не видят и что видит он”.

Выразить, передать увиденное, прочувствованное истинный художник может, как это ни странно звучит, только архетипами. И крест здесь вне конкуренции.

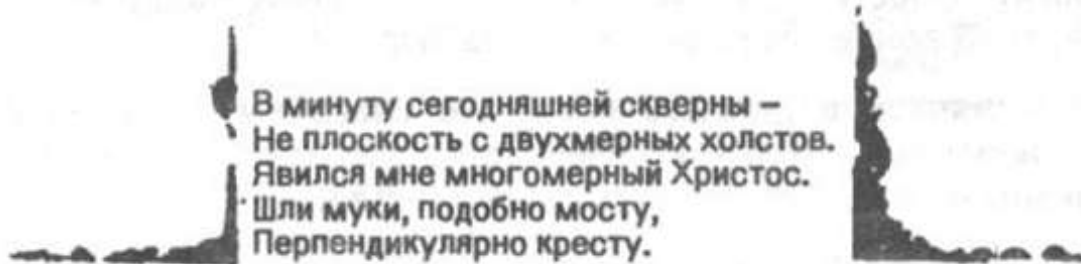
Андрей Вознесенский:

...Силу слышу, что центростремительно жива.

Крестовиною четверостиший мне из тьмы сползаются Слова.

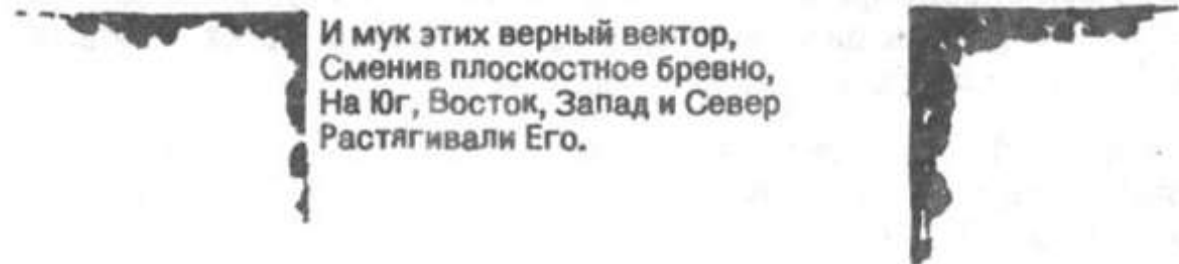
Переплетение стиха с прозой, формальных построений с сюжетными символами, личного видения с общечеловеческими ценностями – все вмещается в архетипе.

Андрей Вознесенский:

*В минуту сегодняшней скверны –
Не плоскость с двухмерных холстов.
Явился мне многомерный Христос.
Шли муки, подобно мосту,
Перпендикулярно кресту.*

*Распинали Его не в одной плоскости. Тело его было
раздираемо во все стороны, как стрелки указателя на
перекрестке дорог. Или тесовая крестовина, в которую
вставляют рождественскую елку. Так Его видели с неба.*

*И мук этих верный вектор,
Сменив плоскостное бревно,
На Юг, Восток, Запад и Север
Растягивали Его.*

Художники никогда не изображали распятие в профиль, иначе бы им пришлось давать поперечное сечение, где „ребра, как новые руки, стояли креста поперек, указывающие муки не понятых нами дорог”.

Эрнст Неизвестный (скульптор): „У меня была мечта сделать распятие как некую форму мемориала. То есть я представляю себе поле, которое уставлено такого вида крестами, где, скажем, умирающий распятый человек умирает как бы не один. Будто умирает целая человеческая ветвь... Умирает человек — и умирает в нем все прошлое, настоящее и будущее. Это как бы лес разномасштабных распятий...”

Распятие, видимо, — та метафора, которая свидетельствует о нашем постижении многомерности мироздания. Понять его внутреннюю суть — мыслить пространственно-временными категориями, преодолеть „притяжение” трехмерного видения.

Ле Корбюзье: „Четвертое измерение — это отрыв от временного преходящего, вызванный исключительной гармонией использованных пластических средств... Независимо от того, получают ли они воплощение или нет, эти устремления всегда существуют и уходят своими корнями в интуицию — удивительный катализатор изобретенной, усвоенной и даже забытой мудрости...”

Связь с мудростью древних, пусть во многом и забытой, не терпит разрыва. Приверженцы разных стилистических подходов и творческих направлений, опровергая друг друга, все же не в состоянии выйти за пределы архетипического мышления.

Тотемный столб американских аборигенов. Самобытное выражение пространства-времени: указатель заповедной территории и символ исторической преемственности поколений

Эрнст Неизвестный: „...взять вертикаль, которая представляет эзотерические, философские проблемы, и взять горизонталь, которая представляет сегодняшние, сиюминутные проблемы, и найти новое качество – сплав в центре этого креста”.

Что же в итоге? Все движется одновременно во многих измерениях, подчиняясь извечным законам метаистории: времена неразрывны, человеческое восхождение непрерывно, архетипы и футуротипы (образы прошлого и будущего) генетически едины.

Невозможно, чтобы две вещи
совершенным образом соедини-
лись без третьей, так как между
ними должна появиться связь,
которая скрепляла бы их.

Платон

Особенность человеческого мировосприятия такова, что мы обычно выделяем лишь два противоположных явления. В психологии они называются бинарными оппозициями: верх – низ, лево – право, вперед – назад, свет – тьма, добро – зло...

„Кибалион” Гермеса: „Все двойственно, все имеет полюса, все имеет свой антипод, свою противоположность. Всегда существует действие и противодействие, продвижение и отход, подъем и спуск...”

В действительности же мир трехчастен в том плане, что нами всегда подразумевается третья часть, связывающая и разделяющая одновременно пары оппозиции. Трехчленную классификацию мира можно представить знакомой картиной: перекресток и путник на нем. Между возможными противоположными направлениями он, путник, – „третья вещь”, о которой говорил Платон как об обязательной соединительной субстанции.

Задумаемся: не является ли древнейший перекресток, который формализовался в крестообразную модель мироздания, ключом к пониманию магических свойств числа 3 (а также 7, 9, 13)?

На перепутьях человек из трех принципиальных направлений выбирал одно, следуя прямо, влево или вправо. Каждый раз остановка на развилке дорог как бы делила путь на три части: „до” – „здесь” – „после”. Выходит, что пройденный путь, место остановки и путь предстоящий противостояли один другому. Короче, рано или поздно тройная альтернатива, или число 3, не могла не стать сакральной.

У некоторых полудиких племен сохранился обряд посвящения в совершеннолетие девушек. Их ведут к развилке дорог, где одна из участниц ритуала, наклоняясь к тропе, проводит на ней три линии, что должно способствовать половой зрелости.

Божественные лица в Ригведе всецело зависят от магической тройственности. Ашвины, братья-близнецы, объезжали в течение дня вселенную на трехместной „повозке”,

то есть трехчастной. Один из высших богов индуистского пантеона Вишну („проникающий во все“), „трижды запечатлел... свой след, в трех широких шагах которого обитают все существа“.

Создатели „Ригведы“ трактовали мироздание, состоящее как бы из двух уровней: „Через небо и землю — через оба мира“. Потому-то количество путей-альтернатив удваивалось, составляя число 6: „Три неба покоятся... три земли, находящиеся ниже, составляющие шестерки“.

Живущие во Вьетнаме мыонги верят, что мир состоит из трех слоев, средний из которых — Мыонг Пуа, то есть „равнинная земля“, людская обитель. Близки по смыслу убеждения и коренных жителей острова Калимантан, даяков: они якобы живут в центральной сфере мироздания, его срединном уровне.

Трилока („три мира“) — вселенная в древнеиндийской космологии и мифологии. Триглав — в мифологии балтийских славян — трехглавое божество, властвующее над тремя царствами. В южнославянском фольклоре Троян в некоторых случаях также трехглавый, что символизирует его связь с тремя космическими зонами. Вследствие „расширения“ вселенной до трех сфер (небо — земля — преисподняя) потребовалось создание соответствующего символа. Им стал опять-таки крест, только направленный теперь уже вертикально.

Горизонтальная его перекладина указывала на жизнь земную, нижний и верхний концы — соответственно в преисподнюю, тартар, и к небесам, райским кушам. Христианам это таинство стало доступно благодаря апостолу Петру. Когда его, приближенного к Мессии, римляне приговорили к „кресту“, он попросил распять его вниз головой, дабы не осквернить имя Учителя своего. Потом он исповедал народу такую истину; крест обращенный (перевернутый) — символ Адамова грехопадения, извратившего божественный строй; прямостоящий крест — символ восстановленного Христом порядка. Ствол „крестного дерева“ в свой черед символизирует логос, слово,

Загадочные знаки в виде
трехконечного креста на
древнеегипетском рельефе
„Умерший, сидящий перед
жертвенным столом“

*Китайский символ, выражающий
взаимосвязь „небо — человек —
земля”*

божественное в божь-человеке, горизонтальная перекладина — человеческую природу в нем.

Подобная интерпретация креста содержится в эзотерических канонах, в частности в „Восьмом Архиве Летописей Учителей”. В форме обращения к путнику здесь изложено сакральное понимание многомерности Креста-Пути:

„—...Что ты видишь, странник? Подними глаза свои и скажи, что ты замечаешь?

— Я вижу лестницу, поднимающуюся в лазурные небеса... Еще выше, за пределом области полного мрака, я снова вижу поднимающуюся лучезарную лестницу, пылающую в верхней части.

— Чем различаются эти части, описываемые тобой как разделенные?

*Трехчастный древний крест —
образное воплощение космо-
логических представлений в бал-
тийской мифологии. Литва*

*Трехчастное деление мира. Ри-
сунок на саамском бубне ша-
мана*

Древнемексиканская схема мироздания — крест с четырьмя деревьями, указывающими центр, основные направления и четыре промежуточные направления, сходящиеся в центральной точке. Каменный рельеф

Рисунок архаичного изразца из Месопотамии. Своеобразная копия древнеиндейского рельефа

— Перед глазами всякий раз появляется пробел, который по приближении превращается в Крест.

— Как образуется этот Крест? Каким образом превращается Крест в Путь?

— Перекладина Креста становится разделительной чертой между низшим и высшим... Внутренняя жизнь освобождается от оболочки, поднимаясь по прямому столбу Креста, который превращается в мост, переброшенный через пробел.

— Какова твоя роль, Странник, стоящий на Пути?

— Я исполняю свою роль ревностно и с непреклонной решительностью... тружусь, служу, пожинаю плоды своих усилий... Я есмь Крест, Я есмь Путь..."

В учении мистиков-христиан средневековья центром, перекрестком духовной жизни называлась Троица. Аскеза трактовалась как совершенно особый путь, двигаясь которым можно вновь обрести божий образ, утраченный в результате первородного грехопадения. Лики Троицы соответствуют трем путям, средствам духовного очищения, сам процесс которого, однако, един. Бог-отец ведет дорогой памяти, Бог-сын — доро-

Японская эмблема слияния противоположностей в единство, „Три томоэ“

Трехликое божество. Галло-римский рельеф

Брахма

гой разума, Бог-дух Святой – дорогой любви. Выходит, образ Троицы – трехкратное увеличение альтернатив, распутья ($3 \times 3 = 9$). „Тридевятое царство” поэтому – недостижимая, „абсолютная” даль.

Образ святой Троицы широко распространен в культуре Востока. Здесь он „спрессован” в форму краткого восклицания индусов и буддистов „АУМ”. Оно образовано из звуков, олицетворяющих верховную триаду божественного пантеона – Брахмана („Творца”), Вишну („Хранителя”), Шиву („Разрушителя”).

Святая триада вбирает в себя как пространственные, так и временные координаты, как материальные, так и духовные ипостаси бытия. „АУМ! Это звук – все это. Вот его разъяснение: Прошедшее, Настоящее, Будущее... Когда три части связаны... произнесены связно друг с другом и неразделены, то мудрый не колеблется и в должным образом исполненных делах – внешних, внутренних и средних” (Упанишады).

Все уровни мироздания мыслились, естественно, подобными один другому. На каждом из них существовали свои перекрестки, указывающие на все четыре стороны света. Тогда полнообъемная модель мира (три целых перекрестка) выражалась числом 12 (3×4), тоже не лишенным магических свойств. В связи с этим православный „тройной крест”, состоящий как бы из проекции трех слившихся перекрестков, может интерпретироваться в качестве христианской плоскостной модели вселенной.

Двенадцать новозаветных апостолов („посланников”),

можно сказать, охватывали своим влиянием все возможные направления, по которым могла распространяться вера. После самоубийства Иуды Искарота круг посланников тут же восполняется появлением Матфея. Таким образом подчеркивается незыблемость магического числа двенадцать, его сакраментальное значение. Двенадцать сыновей Иакова, двенадцать верховных правителей в Греции и Риме, двенадцать так называемых „малых” ветхозаветных пророков... В легендах о Граале также фигурируют двенадцать рыцарей Круглого стола. „Екклесиаст” тоже состоит из двенадцати глав. А как же иначе, если мудрейший Соломон, писавший его, вел человека сквозь три сферы бытия: „И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, который дал его”.

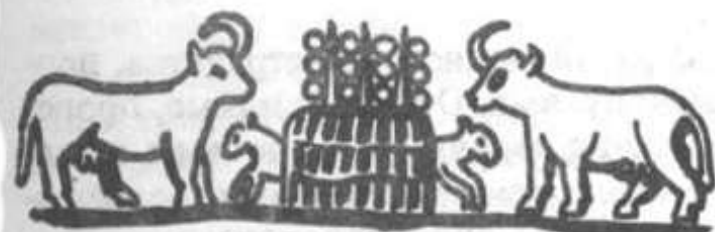
Неразрывную связь числа 12 с тремя сферами жизни, цикличности движения по ним обнаружил православный теолог Александр Мень. Пытаясь проникнуть в самое сокровенное учение Гаутамы Будды, он обнаружил формулу, опосредующую угодное Богу страдание и мировую судьбу, детерминизм, под названием Бхавачакра („колесо бытия”). В ее составе двенадцать сцепленных звеньев – орудий всемирного страдания.

Александр Мень (современный православный теолог): „Эти 12 звеньев цепи возникают одно в зависимости от другого. Их связь навсегда осталась бы для нас загадкой, если бы не было установлено, что эта странная последовательность охватывает три индивидуальные жизни”.

Древние иудеи в числе 12 также усматривали символ мироздания. Двенадцать „простых букв” алфавита ассоциировались с делением некоего воображаемого вселенского глобуса.

Рельефное изображение священного загона с тремя столбами, украшенными 12 кольцами, – своеобразная модель мира. Месопотамия, IV–III тыс. до н. э.

Могильный крест, содержащий популярный шестилепестковый знак, метафору „компаса” бытия. Восточные Карпаты

Каббала: „Эти двенадцать простых букв соответствуют двенадцати направлениям: восточная высота, северо-восток, восточная глубина; южная высота, юго-восток, южная глубина...”

Двенадцать подвигов, совершенных Гераклом, позволим себе трактовать как стадии развития духа, ступени к постижению смысла бытия. Перед последней, наиболее трудной, героя посвящают в Элевсинские мистерии и ему открывается потаенный путь в преисподнюю – к мифическому Церберу, фантастическому псу.

Валерий Брюсов (поэт. „Числа”):

Мечтатели, сибиллы и пророки
Дорогами, запретными для мысли
Проникли – вне сознания –
Далеко
Туда, где светят царственные
Числа.

Наиболее плотной завесой мистицизма, суеверий окутаны, конечно же, числа 7 и 13. Согласуются ли они с концепцией движения по вселенским перекресткам? В кетской мифологии приняты шесть иерархических уровней – путей жизни (3 + 3). Существует и седьмой уровень, седьмая „форма земли”. Он – для обладателей божественной, сверхчеловеческой Премудрости, так что одолевали его только всевышние.

Ригведа: „Мы знаем оба твоих пространства земли. Ты, бог Вишну, знаешь высшее... Оттуда пусть придут к нам на помощь боги, оттуда зашагал Вишну через семь форм земли”.

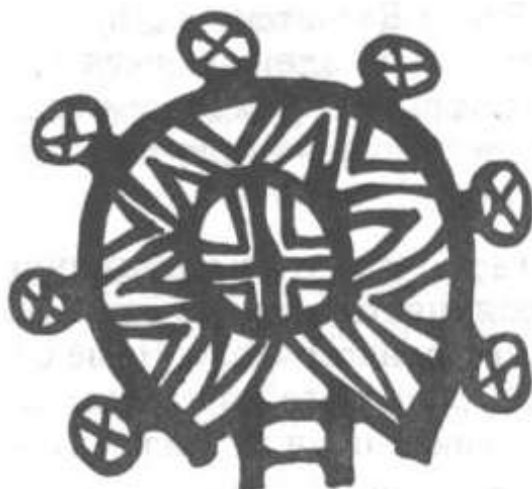
Намек на семь частей пространства находим в древнеегипетском мифе о магических путешествиях богини Исида.

Исида: „И когда я вышла в вечернее время, вышли за мной и семь скорпионов, и они были вокруг меня: Тефен и Бефен позади меня, Местет и Местетеф под моим ложем, Нетет, Четет и Матет охраняли мне дорогу”.

Священные столпы-пути шаманов ритуально делились также на семь частей, уровней: „На семь частей разделен большой Человек (Столп)”.

Надо полагать, это образ расчлененного пространства, пронизанного всеми возможными путями. Отсюда, видимо, происходит и обряд жертвоприношения деревянным идолам с семью лицами. Зачастую идолов метили семью зарубками, подобными первобытным рунам, атрибутам сверхчеловеческого зна-

Бронзовое навершие штандартов и дышл повозок, содержащее кресты и семь выступающих деталей. Нижнемесопотамская цивилизация, III-II тыс. до н. э.

ния. Постичь смысл седьмой зарубки, „тайны за семью печатями“, было во власти лишь провидцев, колдунов, иначе говоря, избранных особ.

В шумеро-аккадской мифологии „Семерка“ – особая категория демонов. В некоторых заклинаниях под семью добрыми демонами подразумеваются, видимо, дети Энмешары (господина всех древних богов), мудрейшего из мудрецов. В судный день легендарные древнегреческие Плеяды (семь сестер, семь дочерей Атланта) были вознесены Зевсом на небо. И теперь там мерцает созвездие Плеяд („Большая Медведица“). Шесть звезд сияют, а седьмая, Мерона, мерцает едва приметно. Ей стыдно, что вышла замуж за простолюдина, в то время как остальные сестры сочетались браком с божествами. Таинственная Мерона, заметим, находится в центре созвездия, как бы разделяя его пополам – по три звезды в каждой половине.

Мифы Древнего Востока неизменно обращаются к божественным таинствам семи звезд, которые называются „Риши“ (олицетворение семи мудрецов).

Елена Блаватская: „Именно эти семь Риши отмечают время и продолжительность событий в нашем семиричном Жизнецикле. Они также таинственные, как и их предполагаемые жены Плеяды, из которых только одна – та, которая прячется, – оказалась добродетельной... Следовательно, в звездных символах Оккультной Философии именно этот круг со звездным крестом на его плоскости играет наиболее выдающуюся роль”.

Спору нет, в глубокой древности числа содержали в себе яркий образ жизни, бесконечности движения и всего, что с ним связано. Обладая сугубо рациональным мышлением, постичь все это нелегко. Другое дело – мифопоэтическое, образное восприятие мира, которое свойственно тем, прямо скажем, немногим, чье мировосприятие предполагает оккультные знания.

Елена Блаватская: „Прежде материалистических чисел существуют самодвижущиеся числа, прежде явных цифр — живые цифры и, прежде чем создать материальные миры, которые движутся по кругу, Мощь Творящая создала невидимые круги”.

Рассуждая о самодвижении, точнее, времени, где только и проявляется всякое движение, трудно представить его во множественном числе. Наше сознание в плену у „прямолинейного”, „плоского” времени, которое для нас везде одно и то же. Современная же физика и метафизика утверждают как раз обратное: время движется в разных направлениях, меняет скорость, останавливается...

Наука только-только приближается к пониманию и, следовательно, признанию мифологического отношения к движению, смысл которого в общих чертах таков: тело и мысль находятся одновременно во многих местах и временах. Один только миг — и все — как будто прошедшее Безвозвратно — начинается сначала. В каждом мгновении прошлого есть элемент настоящего и будущего. Прошлое — предвосхищение будущего. Нет событий необратимых, нет преобразований окончательных. Начало каждого пути — это конец предыдущего и наоборот. Время, так же как и пространство, имеет три измерения: Прежде, Теперь, После. В суммированных шести измерениях пространства-времени осуществляется все реальное бытие.

Графически это выразили древние шестиконечной „звездой Давида” — два наложенных друг на друга треугольника. „Треугольник” времени накладывается на трехмерное пространство, что означает, что шкала мироздания доступна нам, имеет шесть измерений, не более. Седьмое внесло бы сумятицу в шкалу, что абсолютно недопустимо, ибо седьмой путь — путь в никуда, в несуществующем направлении. Только нечто чрезвычайное, сверхъестественное, мистическое выражается семеркой. Есть в ветхозаветном мифе любопытная на этот счет аллегория: явление Бога со священной горы: „Покрывало ее облако шесть дней, а в седьмой день Господь воззвал к Моисею...” Вероятно, такая же символика заложена в традиционных семи ступенях древнейших храмов, зиккуратов. На седьмую, последнюю, и, значит, самую близкую (в прямом и переносном смысле) к священным небесам вправе был ступить, наверное, разве что наместник Бога.

„Книга Творения” („Сефер-Ецира”) древних иудеев связывает появление алфавита с Первотворцом, почитателем числа 7.

„Сефер- Ецира”: „Он создал, сформировал, очистил, взвесил, синтезировал семь двойных букв и образовал из них семь планет в нашей вселенной, семь дней, семь чувств человека — семь путей ощутить мир вокруг человека. Из этих семи букв он создал семь небес, семь земель, семь суббот. Поэтому Его самое любимое число — семь.

Семь двойных букв определяют шесть измерений — высоту, глубину, восток, запад, север, юг и в центре святой Храм, который их всех поддерживает.

Двойных букв всего семь! Не шесть и не восемь, именно семь — в этом скрытая тайна”.

Култ букв (изначально путевых знаков) и числа 7 помогает понять символику Меноры, священного светильника, детально описанного в Библии. Это был семисвечник в виде симметричного растения, в центре которого находился „стебель”. Особую роль в храмовых ритуалах играл, конечно же, седьмой, срединный светильник („Нер-Элогим”). Горел он весь день, вечером в него подливали масла, которого хватало до следующего вечера. От „Нер-Элогима” зажигали всю Менору.

В алхимических концепциях находим образ лестницы, по которой люди с завязанными глазами восходят к „вершине бытия”. На последней, опять-таки седьмой, ступени они уже без повязки на глазах оказывались перед закрытой дверью...

Не исключено, что алхимики переняли у Востока не только естественнонаучные познания, а и его мистику. Индусы, скажем, восхваляли высшее Начало таким образом: „Семь дыханий происходит от него, семь огней, семь языков. Семь этих

Менора. Рельеф на
древнеримской арке
Тита

миров, в которых движутся дыхания, скрыты по семи в тайнике". В „Изумрудной скрижали" Гермеса также находим семь Великих Принципов.

...В Древнем Китае поклонялись девятке, веруя в сотворение мира как постепенное отделение неба от земли. В какой-то период на небо еще можно было взобраться по специальной лестнице. В более поздние времена верховный правитель Чжуаньсюй повелел своим внукам Ли и Чуну перерезать „смычку" между небом и землей. Ли поднял небо еще выше, Чун опустил землю ниже. Таким образом, сложив все возможные пути-направления, перекрестки Земли и Неба, получим число 8 (4+4).

„Дхаммапада”:

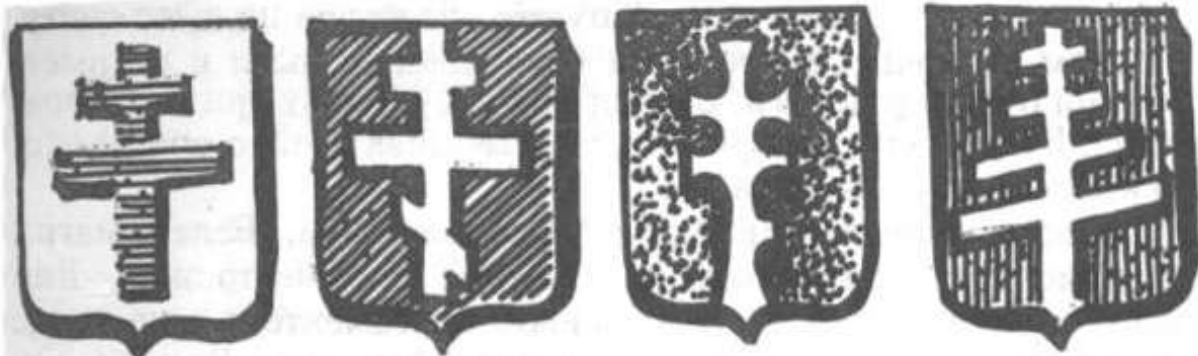
Есть только восьмеричный путь
И истины четыре слова...

„Девять" относилось к чему-то сверхъестественному, неисповедимому, подвластному разве что богам. Отсюда Дзютянь („девять небес") – своего рода образ некогда существовавшей лестницы, соединяющей людей и богов. Отсюда и таинственный ореол у числа 9 в каббалистических доктринах, где оно – ключ к просвещению, проникновению в непознанное. Видимо, не случайно и то, что девятой по счету буквой в древнееврейском и древнейшем финикийском алфавитах стоит буква „тет" в виде астрономического креста, схематичного варианта мандалы – символа мироздания.

В христианской символике выделяются двенадцать возможных путей: четыре в преисподнюю, четыре – в „белый свет" и четыре – в небеса. Все они были доступны людям, правда, грешникам отводились совсем иные пути, нежели праведникам. А вот тринадцатый оставался нереальным, непостижимым, мистическим. Одолеть, выдержать его могло лишь существо, наделенное сатанинскими, бесовскими качествами. 13 – чертова дюжина.

7, 9, 13 – числа разные, но в мифологии их задача одна и та же, а именно: „очертить" грань человеческого бытия, обозначить порог, за которым начинаются иррациональное, данность, постичь которые умом чрезвычайно сложно. Требуется необычайное напряжение подсознания, да и, как говорится, нужен дар божий. В мифотворчестве постичь это, надо признать, удавалось.

Поздние мифологические структуры переняли от архаических магические числа, естественно, в различных комбинациях и переплетениях. Скажем, Ульгень, верховное трехликое

Магические числа, зашифрованные в геральдических крестах: лотарингский, патриарший, семиконечный, косой (десятиконечный)

божество алтайцев, демиург, вознесен на верхний, девятый, ярус неба, где имел семь сыновей и девять дочерей. Согласно учению ацтекских жрецов, вселенная подразделяется на девять нижних и тринадцать верхних миров. Предки живущих на крайнем северо-востоке Азии коряков считали: вселенная устроена из пяти ярусов плюс два подземных этажа земного мира (в сумме 7) и два небесных (итого 9). Два верхних и два нижних яруса могли объединяться, и тогда мироздание выглядело трехслойным.

Пифагорейцы, изучавшие связь, отношения между Богом и числами с помощью особой науки – арифмомании, оперировали все теми же числами. Душа содержит число 4, которое движется само по себе. Духовный и физический человек есть число 3. Совершенный человек был четвертичностью и троичностью, иначе говоря, состоял из четырех материальных компонентов и трех нематериальных, всего – семь.

Троичность, то есть объединение былого, настоящего и грядущего, можно воспринять как аллегория всего сущего – духа, жизни человеческой. Показательно в этом плане старорусское сказание о могучем Анике-воине, похвалявшемся силушкой своей, разорявшем торги и базары, обижавшем весь честной народ. Когда злодей отправился на разрушение церквей „Ерусалим-града“, в чистом поле его встретила Смерть. Испугался Аника и взмолился: „Дай мне сроку хоть на три дня...“ По существу, в просьбе было выражено желание – остаться в живых.

Жизнь, бессмертие духа в древности утверждались тремя днями и тремя ночами, проведенными адептом на кресте. Будучи распятым на этот срок, он проходил обряд, посвящение, беседовал с богами. А наша традиция поминать умерших на девятый день? А „заговор на ссору“, которым пользуются практикующие маги, желая навредить кому-либо? Здесь все

та же „троица“, „перекрестье“ путей: „Чтобы он не имел свету ни днем ни ночью, и чтобы он был забыт людьми и не имел себе ни пути, ни дороги. Ставлю три свечи, зову три силы вражи... Возьми его, заведи его, за злые дела его, со спины его, со креста его, и с живота его“.

Чтобы путешествие было благополучным, Белая магия предписывает заручиться поддержкой особой троицы. Для этого надо „написать на девственном пергаменте, в день и час Меркурия, имена трех магов: Каспор, Мельхиор, Ватасар, положить в левый сапог и, отправляясь в путь, сделать первый шаг левой ногой, произнося те же имена“.

...Герменевты, безусловно, не перестанут искать скрытый пока еще от нас смысл символов, нуменов, архетипов... того же креста, вопрошая у него:

– Крестик, где выход?

– Вон там!

А. Вознесенский

„Вон там“ – это значит на перекрестке, древнейшем символе истории человечества.

И произрастил Господь Бог из
земли всякое дерево... и дерево
жизни посреди рая, и дерево по-
знания добра и зла.

— Библия

Мировое древо, Древо жизни, Древо смерти, Древо желаний, Древо милосердия, Древо познания... Сколько же различных интерпретаций этого архаического образа накоплено мифотворчеством! И что же предопределило мифологизацию древесных исполинов, заставило поклоняться им?

Из века в век деревья служили надежными ориентирами, живыми, по-существу, маяками, потеря которых не сулила путнику ничего хорошего. Из боязни этого и родилось в народе суеверие о происках лешего, сбивающего людей с пути именно перемещением приметных деревьев с места на место. Или взять сюжет многих русских сказок. Отправляется добрый молодец на поиски счастья-удачи, и сведущие странники указывают ему верный ориентир: дерево-великан. Здесь конец пути или, говоря аллегорически, — смерть вражеская, таящаяся в ветвях „маяка“.

Одной из самых распространенных мифологических тем является следующая: под сакральным деревом находится сокровище (материальное или духовное), которое должен найти истинный герой и тем самым открыть для себя нечто потаенное, доселе скрытое от остальных. В описании запутанного обычно маршрута непременно фигурирует конечная цель, вожделенный ориентир — Древо удачи.

...При встрече с Микулой Селяниновичем Святогор спросил у него: кто скажет ему „судьбу божью“? И получил ответ: надобно найти и спросить вешего коваля, кузница которого находится под великим деревом, что у далеких гор. Если бы Микула желал гибели богатырю, то ответ был бы другой: „Иди туда, не знаю куда...“ В русских былинах это звучит своеобразной присказкой, аллегорией бесцельного и бесполезного хождения.

„...У лукоморья дуб зеленый...“ Что это, как не подражание народному эпосу, где важнейшие места помечались „дубом зеленым“? В данном случае мы узнаем место действия поэмы, находящееся среди „неведомых дорожек“. Белорусская поговорка „Вялікае дрэва здалёку відаць“ содержит элемент особого почитания этого самого великана, помогающего избежать блужданий.

Жрецы у Мирового дре-
ва. Каменная табличка
четырёхтысячелетней
давности

В дорожных заметках европейского путешественника, изучавшего стародавнюю Русь, записано: „На пути (из Старгорода в Любек) мы заехали в рошу, единственную в том краю, потому что весь он – голая равнина. Там между старыми деревьями увидели мы и дубы, посвященные богу той страны – Проне (Перуну). Они были окружены двором и деревянной, тщательно отделанной оградой с двумя воротами... Это место было святилищем для всей страны, имело своего жреца, свои праздники и разные обряды при жертвоприношениях”.

Христианские миссионеры-просветители подобные рощи предавали сожжению, считая их языческим прибежищем, а обряды под их сенью – богохульством. На самом же деле они боролись с древнейшими общечеловеческими традициями, что отражены даже в Ветхом завете, в мистериях ранних христиан. Примечательно, в преданиях, легендах, мифах древности священное дерево упоминается в связи с конкретным культовым местом, указателем которого и служит ветвистый исполин.

Библия: „...и сказал Господь Аврааму: „Пойди из земли твоей... и иди в землю, которую Я укажу тебе...” И пошел Авраам по земле сей по длине ее до места Сихема, до дубравы Море”.

Библия многократно обращается к величественному дереву (дубраве, роще) как фиксатору сакральных мест и важнейших событий. Под величавым дубом находили временное пристанище святые пилигримы. Там же Иаков зарыл идолы и серьги в знак отречения от язычества. Тела умерших – пророчицы Деворы, царя Саула, его сыновей погребены под живым памятником – дубом. Становясь своего рода монументом, дерево

награждалось эпитетом „царское”. Один из таких „царских дубов”, согласно повериям, находился на границе Асирова удела и почитался как хранитель редчайших тайн царской жизни.

Неизмеримо дорог поклонникам Библии Мамврийский дуб, под сенью которого Авраам удостоился встречи с Господом Богом. По свидетельству Иеронима, это дерево многие столетия указывало благоговейным паломникам святое место. А оно, свидетельствует „Библейская энциклопедия” прошлого века, принадлежало Русской иерусалимской миссии.

В русском фольклоре образ дерева зачастую олицетворяет встречу. Так, вишня считалась местом любовных свиданий,

Один из вариантов древнеегипетского образа Древа мира

Галбурвас, священное древо монгольской мифологии. Рисунок на гадательной карте

под липами происходили собрания, суды. Народные предания знают дуб, под которым бывали сборища духов. Дубу, надо сказать, в мифических сюжетах отводится роль особая. Более того, слово „дуб” первоначально заключало в себе общее понятие „дерево”, поэтому дубина, дубинка, дубец (палка) не означали, „что они” дубовые.

Культ дуба объяснить довольно легко. Живет он до 1000 лет и более, а когда стареет и засыхает, то из-под корня появляются молодые поросли, так что это дерево можно назвать вечно растущим. Вследствие этого дубы палестинские и упоминаются в священных писаниях для обозначения и указания известных местностей.

Для странника долговечность путевых ориентиров и указателей играла большую роль, ибо сведения передаются из по-

колени в поколение. У мусульман Турции, сохранивших пережитки культа деревьев, на первом месте стоит чинара, живущая сотни лет, и, что немаловажно, достигающая большой высоты. Чем заметнее ориентир, тем больше к нему доверия.

О Васанской стране в Священном писании упоминается как о местности, изобиловавшей опять-таки величавыми дубами. Дуб издревле затмевал на Древнем Востоке все древесные породы. Он возвышался как заколдованный богатырь среди низкорослых „собратьев”. В древности цветущая, плодородная долина Сихема была центром древопочитания.

Эвенский образ Древа включает в себя священную лестницу или крестообразный знак

Древо жизни и познания. В середине ствола — колесо, источник и хранитель всего нового. Индийская бронза, XIV—XVI века

Дубы как будто были созданы природой служить человеку в пути. Одна их разновидность обладает крупными плодами-желудями густого красновато-бурого цвета с блестящей поверхностью. Обилие их делает дерево примечательным, очень заметным на самых дальних подходах. Дубы другой породы, облюбовавшие открытые просторы Палестины, взмывают ввысь до 10 метров, образуя крону, похожую издали на тучу.

На дереве-ориентире, чтобы выделить его из других, делали зарубки, отметины, надписи. Очевидно, с тех давних времен берет свое начало так называемое „бортное знамя”, бортный знак — своеобразное клеймо на деревьях, которым белорусы обозначали дупла диких пчел. Их так же, как и руны, высекали на стволе дерева на уровне глаз, да и очертанием они очень походили на руническое письмо. Аналогичные зна-

ки вырезались для межевания земель, лугов, лесов, озер, чтобы каждый знал (отсюда – „знамя”), где чьи владения. Кстати сказать, эти знаки в XV – XVII столетиях служили вместо печатей-подписей на постановлениях крестьянских судов, распоряжениях старост. На пятисотлетнем дубе Минтус, что возле деревни Рашитники, до нашего времени сохранилось „знамя” наших предков.

Видимо, с той целью (дополнительно выделить) на дерево вешали яркие лоскуты, обвязывали ими ствол. Не отсюда ли традиция украшать деревья, объявленные священными, а иногда даже и те, которые растут вдалеке от святых мест – могил, часовен. У каноника Тристана есть упоминание о „матери лоскутов” – терпантине, находящемся „в преддверии” пустыни и разукрашенном его почитателями. В Древнем Китае деревья, стоящие при дороге, что вела к императорскому дворцу, богато украшались шелком. Тем самым явно выделялся „святой маршрут”. Мусульмане, боготворящие чинару, и теперь по особым праздникам наряжают ее, словно христианскую новогоднюю елку.

А впрочем, и рождественская елка имеет свой мифический прототип – живое дерево, увенчанное звездой, знаменующей рождение Иисуса Христа. В купальских обрядах украинцев центром, вокруг которого совершались основные действия, служило дерево, срубленное накануне праздника. Его обильно украшали венками из цветов, разноцветными ленточками, горящими свечами. В таком виде оно спасало якобы от бесов. Можно предположить, что и в этом случае архетипом служило архаическое дерево-ориентир, дававшее путешественникам определенную гарантию удачи. Отсюда, видимо, и белорусская традиция развешивать на деревянных крестах так называемые „аброчныя тканіны”, ставить кресты на обочинах и тем более перекрестках дорог. Так крестьяне защищали себя от несчастия – эпидемий, войны, а лоскутки на „древе” служили своего рода апотропеями (от греческого *apotropaios* – „то, что отводит беду”).

*Кресты с аброчными тканями. Им традиционно доверялись безопасность и спокойствие селян.
Беларусь*

Туземцы племени ндембу метят облюбленные деревья белой краской, затем ею же проводят от деревьев полосы на земле, налаживая тем самым контакт с духами предков. В их честь, собственно, и высаживались деревья, чтобы заручиться милостью усопших в поиске благодатных путей.

Религиозные обряды, шаманские ритуалы, связанные с поклонением избранному дереву, выделением его из общей массы, – естественное тяготение человека к разнообразию, надежной ориентации в пространственно-временной среде. Разнообразие (смена одних предметов или явлений другими) – функциональная первооснова всякого разумного поведения. Кстати, природа разнообразия не менее загадочна, чем суть библейского Слова, Логоса.

Монотонность, однообразие – признак неподвижности, отсутствия жизни. Энтропия, „тепловая смерть” (прекращение всякого движения) – одинаково неприемлема для всех физических тел, включая живые организмы, а значит, и мысль.

Вселенское разнообразие – суть сложнейшего, в определенном смысле мистического, феномена красоты, по Канту, „формы целесообразности предмета”. Удовольствие, испытываемое от многообразия, заключенного в вещи, философ связал с ее „внутренней целью”, или „возможностью”. Действительно, вряд ли найдется более общая категория целесообразности, чем разнообразие, смысл которого в самом его существовании.

С точки зрения Галилея, идеал красоты состоит в изменчивости, которая возникает, развивается, а затем исчезает, как и все живое. „Мельчайшая пылинка живого драгоценнее всех драгоценных камней”. Не странно ли поэтому, что „буддийский рай”, Абхирати („наслаждение”), основан на полном уравнивании всего и вся: все деревья одинаковы по высоте, а люди одинаково счастливы от полного единообразия, своего и окружающего?

Владимир Соловьев (мыслитель-теолог нашего столетия): „Красота не зависит от наших субъективных представлений, а связана с действительными свойствами, присущими видимому нам мировому пространству. ...Ни в серый дождливый день, ни в черную беззвездную ночь небо никакой красоты не имеет”.

Все, что беспрестанно движется, – звезды, облака, морская или огненная стихия – завораживает беспредельным разнообразием. Благодаря ему человек научился различать тончайшие нюансы цвета и формы, чувствовать скорость, осознавать направление своего движения. В безбрежной стихийной

россыпи небесных светил он увидел гармонию, опозитизировал созвездия и туманности. Окружающее нас разнообразие настолько естественно, что воспринимается без каких бы то ни было напряжений. То есть мы имеем дело со „свободной красотой”, свойственной самой природе.

Иммануил Кант: „...тюльпан считается красивым: так как мы воспринимаем в нем некую целесообразность, которую мы в своем суждении о нем не соотносим ни с какой целью”.

Наше движение, жизнь вообще в действительности не самоцель, а возможность самореализации, поэтому принципиально важным является не столько само понятие (продукт мышления), сколько „свободная” от него красота, предполагающая прежде всего всевозможные формы разнообразия: индивидуальность, самобытность, неординарность. „Свободная” красота предмета позволяет нам распознать его, облечь понятием, одушевить, наконец, именем. Человеку красота такого рода является в особом, отдельном, так сказать, виде. Она, скрываясь под тысячью имен и названий, остается, однако, неизменной.

Наделенный этими объективными качествами предмет, в данном случае „простое дерево”, становится знаком более общего, широкого смысла. Береза, скажем, у восточноевропейских славян стала символом родного края, родины вообще. Сто лет назад Чайковский включил старинную мелодию на слова „Во поле березонька стояла” в Четвертую симфонию, а наш современник Шнитке — в одно из наиболее ярких своих произведений, оперу „Жизнь с идиотом”. Для композиторов важен был не просто народный напев, а образ „русского” дерева, без которого беднеет и образ Руси.

Шарль Бодлер (французский поэт, XX в.):

Природа — некий храм, где от
живых колонн
Обрывки смутных фраз исходят
временами,
Как в чаще символов, мы бродим
в этом храме...

Деревья-исполины и поныне — всечеловеческие символы. Место их произрастания наделяется зачастую святой, притягательной силой, знаменующей известные пути в поднебесье. В алтайских мифах „благостное место” обозначено возвышающимся там семиколенным тополем с золотыми и серебряными листьями — Вечным деревом.

В верованиях якутов „золотой пуп земли” представляет Ал лук мас („центр Сибири”, непоколебимая сердцевина мироздания), иначе говоря, исполинское дерево с восемью ветвями, олицетворяющее первобытный рай. Вряд ли столь радужный образ рожден среди бедной природы Якутии. По всей вероятности, у него есть прототипы – мифические образы Древнего Востока, например, или Индии, где Яма, „первочеловек”, живет с богами именно у чудесного дерева. Библейское сотворение мира также не обошлось без дерева, в центре Рая.

Древние скандинавы поклонялись космическому ясеню Иггдрасиль, подпиравшему небо. Три его корня простирались

Изображение на кетской наддверной дощечке. Считается знаком Мирового дерева, хотя больше напоминает символическую схему какого-то маршрута

Кетский образ Древа мира содержит солнце с семью и месяц с шестью лучами

в разные сферы: в небо, в средний мир, в преисподнюю. У подножия Мирового дерева блистал великолепный храм – обитель богинь, ведающих человеческими судьбами, куда сходились на совет боги, вершители мировых дел.

Космический ясень – „мелиа” осенял, так сказать, древних греков. У Вергилия читаем, что его ветви простирались по всему воздушному пространству, а корни уходили во мрак Аида. В мифах индийцев Мировое древо Ашваттха растет в центре вселенной.

Такой же центр мироздания рожден воображением людей племени майя: на Первом дереве мира покоится вселенная. Есть, правда, дополнительные опоры – четыре священных дерева, расположенных по четырем углам мира. Главное, естественно, „дерево-центр”, ориентир для богов, собиравшихся сюда для решения важных дел. Алтарю жертвоприношения майя придавали форму пня, подразумевая под ним основание Дре-

Святое древо доколумбовых индейцев

ва, связывающего все миры вселенной и позволяющего жертве взойти на небо.

Мировое древо, таким образом, по горизонтали моделирует пространство, населенное людьми и ориентированное на стороны света, а по вертикали осуществляет взаимосвязь миров бытия.

В представлении древних китайцев „космическое дерево” росло где-то на востоке. По нему можно было подняться на небеса, опуститься в подземный мир. С помощью примерно такого же дерева попадают в небесное царство герои русских сказок. Чаше, правда, удастся это отдавшим богу душу. „Смотреть в дуб” – так в народе говорят о том, кто на смертном одре, подразумевая скорое перемещение „отходящего” по мифическому дереву на небо, к предкам.

Николай Гоголь (писатель прошлого столетия): „Есть где-то в какой-то далекой земле такое дерево, которое шумит вершиною в самом небе, и бог сходит по нему на землю ночью перед светлым праздником”.

Шаманская картина мира всецело построена на образе Древа, перемещении по нему из одного мира в другой. Приводя себя в состояние священного экстаза, шаман привлекал тем самым к себе в союзники духов – „проводников”. С ними и добирался он по древесным стволам на ту сторону мира. Так, по крайней мере, утверждают служители языческого культа.

У многих народов дерево и вовсе отождествляется с дорогой. В китайской, например, мифологии это Цзяньму. В языке тунгу (Маньчжурия) „дерево” и „дорога” – понятия совершенно тождественные.

Мифопоэтическое творчество запечатлело образ дерева, одарив его способностью указывать, направлять, предугадывать. Особо ярко это воплощено в учении о Мани, святом духе, просветителе. Культ его восходит к зороастризму, где он отождествляется с Мировым деревом, указателем пути к добру, праведности.

Святой Кшитигарбха (в буддийской мифологии) стремится оградить от беды живые существа, защитить путников и прежде всего ребенка, стоящего на пороге жизненного пути. Поэтому изображен Кшитигарбха с лотосом в руках и обязательно со стилизованным деревом.

Античные боги Зевс и Юпитер предсказывали... с помощью шелеста листвы дуба. У турок-османов символическое дерево имеет миллион листьев, на каждом из них нанесена судьба отдельного человека. Ханты, например, знают, что одна из их богинь записывает все, что будет с человеком. А делает она это сразу же после его рождения на дереве с семью магическими ветвями.

Мотив библейской притчи о древе знания можно встретить в самых неожиданных вариациях. Это и легендарная яблоня,

Искушение Евы. Зерцало человеческого спасения. Книжная иллюстрация. Аугсбург, 1470 год

На руническом камне с острова Мэн изображено Мировое древо. Оно же — покрытый узорами крест, вдоль которого в направлении к центру движутся животные. Великобритания, X век

послужившая великому открытию Ньютона, и дерево Бодхи („мудрость Будды“), под которым Будда Гаутама достиг просветления: существование всего и вся подчиняется закону взаимозависимого возникновения.

Нельзя не заметить: многосложный образ Мирового древа и образ Креста, их темы, символика исключительно близки; а кое в чем и идентичны. Оба архетипа зачастую выступают синонимами, заменяющими один другого в зависимости от характера повествования, выражаемых идей. Метаморфоза этих символов достаточно изучена. Смысловая связь креста с райским деревом отражена, например, в эфиопском эпосе „Тринадцать крестных страданий“, где повествуется о превращении „восьми срубленных деревьев“ в чудотворный крест. Нередко „казнь на дереве“ означала „казнь на кресте“ и наоборот. Примечательно, что древнейший китайский иероглиф, обозначающий дерево, появился от совмещения иероглифов „дорога“ и „крест“.

Тысячелетиями закрепилось право древних обозначать деревьями дорогу, предел, конец некоего пути или отрезок его. Иероглифы „дерево“, кстати, и „конец“ также схожи по своему начертанию. Стилизованные декоративные или геральдические произведения изобилуют изображениями дерева-креста или креста-дерева, что в общем-то одно и то же.

Символика Мирового древа столь же многосложна и неистощима, как и образ креста. Мы имеем дело не только со вселенскими атрибутами обычных путей-дорог, но и с метафорой исхода человеческого бытия — через земное пребывание в иные измерения. Как раз этому посвящено философское эссе М. Хайдеггера „Проселок“, под которым подразумевается

земное бытие. Как бы ни петлял он в превратностях судьбы, однако не обойтись ему без жизненного ориентира, кладезя человеческой мудрости, олицетворением которого служит придорожный дуб.

Мартин Хайдеггер: „...с годами он все чаще уводит к воспоминаниям детских игр и первых попыток выбора... Сам же дуб говорил о том, что единственно на таком росте зиждется все долговечное и плодотворное, о том, что расти означает раскрываться навстречу широте небес, а вместе корениться в непроглядной темени земли; он говорил о том, что самородно-подлинное родится лишь тогда, когда человек одинаково и по-настоящему готов исполнить веления превышних небес и хоронится под защитой несущей его на себе земли. И дуб продолжает по-прежнему говорить это проселку, который, не ведая сомнений в своем пути, проходит мимо него...”

Во многих художественных произведениях дерево при дороге играет роль эквивалента душевного состояния персонажа.

Иоганн Гете:

...Да ведь это липы те же!
Как счастлив их найти
В вековой их мощи свежей
После стольких лет пути!

Лев Толстой (писатель, мыслитель. „Война и мир“): „... это был огромный, в два обхвата дуб, с обломанными, давно, видно, суками... С огромными своими неуклюжими, несимметрично растопыренными, корявыми руками и пальцами, он старым, сердитым и презрительным иродом стоял между улыбающимися березами”.

„Крестные” деревья. Средневековая Европа

Так передает писатель душевную опустошенность, апатию своего героя. Тот же придорожный дуб, только расцветающий, — и уже другой образ, наполненный пробуждением, оптимизмом.

Выражая свою мировоззренческую концепцию, скульптор Э. Неизвестный тоже не нашел символа, значительнее древнейшего архетипа — „Древа жизни”.

Эрнст Неизвестный: „...семь дорог сходятся лучами к центру монумента”. Это и есть „образ внутреннего мира человека, утверждающий неотъемлемость духовного начала от математического и чисто логического, от науки... „Древо Жизни” манифестирует симбиоз Веры и Знания, которые в единстве обогащают друг друга и тем самым придают целенаправленность одухотворенной Вселенной”.

И будет в последние дни, гора дома
Господня будет поставлена во главу
гор и возвысится над холмами, и поте-
кут к ней все народы. И пойдут многие
народы и скажут: „Придите и взойдем
на гору Господню, в дом Бога Иаков-
лева, и научит Он нас Своим путям и
будем ходить по стезям Его...

Книга пророка Исаии

Меру, Парнас, Фудзияма, Арарат, Хараберецаити, Химинбьерг, Амэ-но, Кугуямо, Тайшань – далеко не полный перечень возведенных мифотворчеством в ранг священных вершин. Легенды и предания, связанные с ними, раскрывают целый мир духовных исканий, прежде всего у подножия горных вершин.

...Бог Солнца филиппинских туземцев Кабуниан, проспорив людям, вынужден был возвести гряды гор – таково было желание выигравших пари, ибо они нуждались в надежных ориентирах. Поэтому горы, скалы, утесы, холмы в фольклорных памятниках встречаются очень часто. Иными словами, мы имеем дело с наиболее древним архетипом – доминирующей на местности высотой, точкой отсчета всех возможных движений, „осью мира”, вокруг которой протекала жизнь племени или общины. Ось мира, пуп земли, центр обитания... Именно в этом смысле нужно интерпретировать многочисленные изображения вершин, высот на неолитической керамике, сделанные человеческой рукой еще до возникновения первых великих цивилизаций.

Вполне закономерно поэтому, что вместо Мировой горы в творчестве древних зачастую фигурирует Мировое дерево, ибо функция у них одна и та же – фиксировать некую границу, пункт назначения, окончание того или иного маршрута. На древних путевых носках возвышенности рельефа отмечали особым знаком, а в описаниях маршрутов прежде всего выделяли горы.

Библия (Ветхий Завет): „...когда введет тебя Господь, Бог твой в ту землю, в которую ты идешь, чтоб овладеть ею, тогда произнеси благословения на горе Гаризим и проклятия на горе Гевол: вот они за Иорданом, по дороге к захождению Солнца, в земле хананеев, живущих на равнине против горы Гайгала...”

Адрес, как видим, вполне точный. А где в таком случае произошло воскресение Господа? На это место указывает приметный маяк-ориентир: „...на горе, называемой Елеон, которая находится вблизи Иерусалима в расстоянии субботнего пути”.

Подъем на вершину, неважно какой горы, вселял в путника уверенность в успешном преодолении избранного маршрута. С высоты открывались невидимые доселе дали, элементы ландшафта, важнейшие ориентиры дальнейшего следования и, конечно же, все многообразие природы. В зороастрийском сочинении „Бунда Хишн” сказано: „С горы Харбурз открывается все, что творится в мире...”

Своеобразной аллегоричностью (обозрение мира с высоты) насыщено сказание о семерых братьях-близнецах – Симионах (Семенах). Один из них, ловкий кузнец, ковал железный столб (считай, гору) от земли до неба. Тот Симион, что слыл наиболее зорким, взбирался на эту „вершину” и видел все, что творится на белом свете.

Возможность наблюдать за всем, что происходит окрест, а значит, и контролировать происходящее считалась привилегией избранных, способных обладать властью. Возвышаясь над местностью, владея господствующей там высотой, человек получал определенное превосходство над теми, кто оставался внизу, взирая на них буквально сверху вниз. Ставя человека на колени, его исстари унижали в прямом и переносном смысле. „Быть на высоте” – метафора успеха, уверенности, власти.

„Дхаммапада”: „Мудрый поднимается на вершины мудрости и с них смотрит на безумцев; спокойно смотрит на их суетливую толпу, подобно тому, как, поднявшись на гору, смотрит на пребывающих на равнине”.

Александр Пушкин (поэт прошлого столетия):

И гордый холм возвысился и царь
Мог с вышины с весельем озирать
И дол, покрытый белыми шатрами,
И море, где бежали корабли

.....

Так я,

.....

Вознес мой холм и с высоты его
Могу взирать на все, что мне подвластно.
Что не подвластно мне?

Нередко „царская власть” и „гора” становились просто тождественными понятиями. Вековые иерархические ступени буквально ведут в гору, наверх. Выражение „пошел в гору” близко по смыслу выражению „стоит на трибуне” или „сидит в высоком кресле, на троне”. Царский трон вообще невозможно представить без какого бы то ни было возвышения. Величина постаментов – явный признак культа, свойственного прототипу памятника. В пьедестале почета откровенно вы-

ражена идея: сильнейший тот, кто „располагается” выше других, и наоборот.

Люди, наделенные харизмой, талантливые или гениальные, как бы поднимаются все время на недоступную остальным высоту, возносятся „выше Александрийского столпа”. Восхищаясь произведением художника, открытием ученого, мы признаем их подъем над обыденным, банальным, усредненным, отдаем должное тем усилиям, что затрачены при восхождении на вершину совершенства. Говоря о такой вершине, мы и не подозреваем, что находимся в плену у одного из архетипов — естественной горы.

Мировая гора в мифологии иранцев

*Космическая гора Меру.
Раннесредневековое изображение*

...У каждого народа своя Гора. У алтайцев, в частности, — это мифическая Ак-Тошон-Алтай-Сыны. На ее вершине плещется молочное озеро, излюбленное место отдыха шаманов, направляющихся в небесный мир. Здесь последний привал перед решающим восхождением. Передышку делает сильный, слабый же, отчаявшись, возвращается вниз.

Верховный творец Олельбис (в легенде калифорнийского племени винтун) решает облагодетельствовать людей, сделать жизнь их безмятежной, чтобы не было места ни смертям, ни рождениям. Для этого благодетель поручает двум братьям проложить каменную дорогу на небо, чтобы состарившиеся могли уходить туда купаться в животворном источнике и молодеть. Пока шла стройка, явился Седит, недруг Олельбиса, и убедил работников: будет лучше, если в мире останутся бра-

ки, рождения, смерти, даже тяжкий труд. И разрушилась почти готовая дорога.

В легенде много общего с библейской притчей о Вавилонской башне. Она тоже возводилась как своего рода дорога на небо, к божьей благодати. Реальные башни Месопотамии также всецело ассоциировались с горами, дорогами к небесам. Сами названия сооружений свидетельствуют об этом: „Гора Дома”, „Дом Горы всех земель”, „Гора Бурь”, „Связь неба с Землей”...

В соответствии с верованиями Двуречья центральная гора соединяет Небо и Землю, а главное божество пантеона – Эн-лиль контролирует всю Поднебесную, получив прозвища „Ве-

Вариации на тему Мировой горы, обнаруженные на неолитической керамике Средиземноморья

ликая Гора”, „Могучий утес” и соответствующие титулы: „Владыка всех стран”, „Господин, определяющий судьбы”, „Повелитель, чьи слова неизменны”. Собственно говоря, зиккурат, традиционный храм Древнего Междуречья – это Мировая гора, символический образ космоса. Для зодчих важно было не точное следование прототипу, а схематизация принципиальных его особенностей. Отсюда и формализация гор в мифах. Гора Меру нередко изображалась буддистами в виде колоссального цилиндра, устремленного в заоблачную высь, или пестика божественного лотоса. Наиболее устойчивым, однако, было представление о Меру как о круглой или четырехгранной пирамиде, сужающейся к вершине. Одним словом, архитекторы древних храмов, усыпальниц, пирамид возводили именно „Горы”.

„Восхождение на гору” и „продвижение к храму” для древних фактически имело один и тот же смысл. „Храм на горе” становился чуть ли не квинтэссенцией святости, выражающей эволюцию человечества, духовное его возвышение.

Анни Безант (английская исследовательница религий):
„... мы видим в пространстве Большую гору, а кругом горы до

Афонская гора — одна из самых великих святынь для всякого православного человека. По преданию, в раннюю пору христианства она была избрана Пресвятой Богородицей местом уединения и великих подвигов для святителей и иноков. Греция

самой вершины вьющуюся тропу... Дорога поднимается все выше и выше, до самой вершины, где стоит Храм из белого мрамора. Этот Храм — цель пути”.

Минут столетия, и человек, осознавая свое кровное родство с ушедшими поколениями, представит точно такую же картину, уверовав: восхождение бесконечно, и суть его — в нем самом. „Конечный результат” сиюминутен и никогда не будет удовлетворять, хотя бы уже потому, что факт его достижения тут же остается в прошлом. „Путь, который можно пройти — не истинный Путь”; „Радость странствий в том, что наслаждаешься отсутствием старого”. Провозглашая эти принципы, древние стремились воплотить их в творения своих рук. Храм Боробудур, построенный в форме горы, — самый наглядный *imago mundi* (образ мира). Есть примеры искусственных гор в Индии. Встречаются они у монголов и в Юго-Восточной Азии. Впрочем, не вдаваясь в подробности, можно утверждать, что все древние храмы: зиккуриты, пагоды, ступы, пирамиды — метафоры гор, созданных Всевышним, первых клочков суши, вокруг которых впоследствии и образовалось все земное.

Древние жрецы Египта утверждали: в момент миротворения из хаотических водных стихий появился холм. Им вторили мифотворцы Японских островов: первобоги Идзанаки и Идзанами насыпали первоостров, превратив его затем в срединный столб Вселенной. У его подножия и был заключен братский союз двух божеств, церемониально ходящих вокруг столба и признающих в любви.

В Древнем Египте распространен был ритуал Сет – хождение вокруг пирамид, у христиан – крестный ход вокруг собора. Кроме внешнего сходства, эти ритуалы связаны еще и общей идеей. Видимо, обход как символ движения, жизни вообще, совершаемый при наличии центра-святыни, должен был внушать участникам действия чувство уверенности и, конечно, духовного родства, единения.

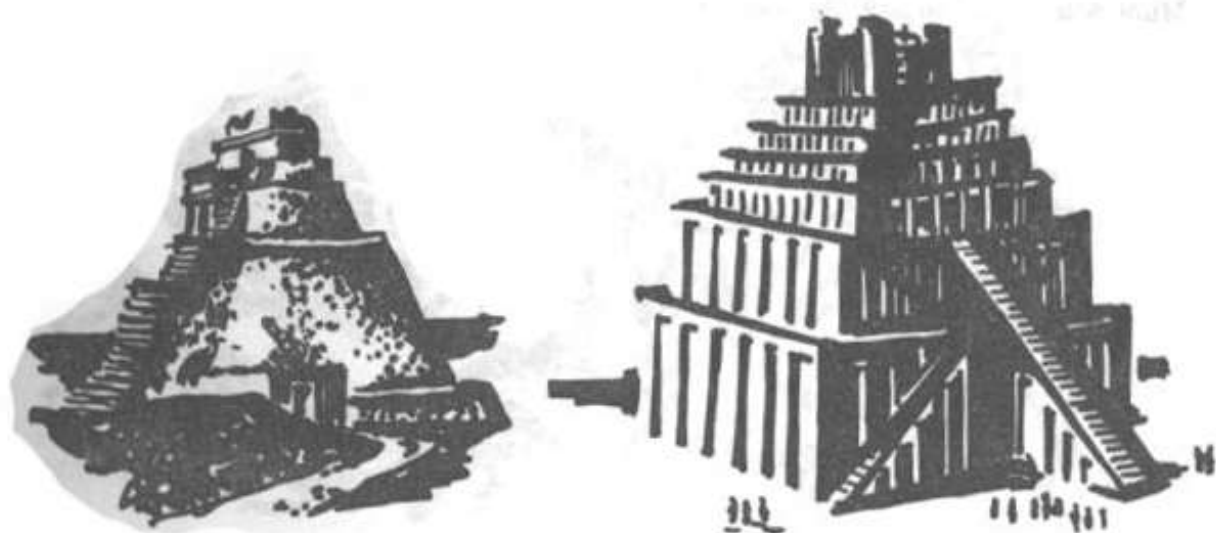
В Библии неоднократно упоминается священная гора, обитель бога – Сион. Она, а также гора Синай, согласно ветхозаветной версии, были для евреев, „исходящих” из египетского рабства, своего рода святыми маяками. Они же служили символом единения народа, перенесшего название горы на целое учение – сионизм.

Ничем особенно не приметная вершина горы Мориа в окрестностях Иерусалима становится тем не менее олицетворением сурового нравственного испытания. Именно на нее взбирается ветхозаветный Авраам с жертвенным ножом для заклания своего сына Исаака. Тысячелетия живет эта библейская легенда, не переставая напоминать о чувстве долга, ответственности, богопослушании и всяческих спекуляциях вокруг этих нетривиальных понятий.

Сёрен Кьеркегор: „Что, если одинокий человек, взобравшийся на гору Мориа, чья вершина вздымается в небо над равнинами Аули, что, если этот человек – не лунатик, который уверенно ступает по земле, в то время как другой, стоящий у подножия горы и дрожащий от страха при виде его, от ужаса и почтения не осмеливается его позвать, что, если он сам заплутался, что, если он сам обманул себя!”

„Пирамида Волшебника” в майяском городе Ушмале, IX век

Вавилонская башня. Реконструкция

Афинский Акро-
поль — выдающийся
памятник антич-
ности

Ступа Паган — традиционный
буддистский храм — метафора
Мировой горы. Бирма, XII век

Минарет ал-Мальвия. Его ар-
хитектурная форма напомина-
ет зиккураты Двуречья. Са-
марра, IX век

Храм Боробудур.
Индонезия

Гораздо загадочнее, а стало быть, и любопытнее происхождение слова „Тора” (так древние иудеи называли первые книги Библии, Пятикнижие).

Адин Штайнзальц (иерусалимский толкователь Талмуда): „Тора — непереводаемо ни на один из других языков. Тора — путь жизни; она указывает человеку цель, к которой он должен стремиться в своем духовном и физическом существовании в мире”.

Итак, Тора — своеобразный указатель, ориентир, наставление на путь истинный. Но у „Торы” тот же корень, что и у „гораа” (учение, указание). Заманчиво предположить: славянское „торить” (прокладывать путь) и „гора” (верный ориентир) рождены „торой”. Правда, образ горы у славян свой, особый. Их равнинные просторы не побуждали, казалось бы, к поклонению вымышленным исполинам, созданию гигантских сооружений. Откуда же тогда сказание о Святогоре, святых горах? Как ни удивительно — из мифов, принесенных индоевропейскими народами с общей их прародины, изобиловавшей каменными исполинами.

Известно предание: Андрей Первозванный, один из двенадцати апостолов, направился со своими проповедями в Скифию и дальше — к Киеву, где на его горах водрузил крест, пророчествуя: „Видите ли эти горы? Поверьте мне, на них воссияет благодать Божия”.

В стародавних записках путешествующих по равнинной Беларуси краеведов читаем: „Дорога от Койданова до самого Минска необыкновенно гористая... То и дело, что взбираешься на гору и через несколько шагов спускаешься вниз в долину.

Апостол Андрей воздвигает крест на Киевских горах. Миниатюра Радзивиловской летописи, XV век

Чем ближе подъезжаешь к Минску по тракту Несвижскому, тем выше и обрывистее становятся горы и закрывают своими хребтами большой город”.

Выходит, даже мало-мальское возвышение народная фантазия человека способна выдать за горы, закрепляя в образах, языке. Слово „гора” значило „вверх к небу”, „пойти в гору” — добиваться высокого положения в обществе, по службе. „Солнце колесом в гору идет” — так белорусы говорят о подъеме ввысь светила. Не исключено, что происхождение слова „гора” связано с именем древнеегипетского божества, воплощенного в соколе, — Гор („высота”, „небо”).

Так или иначе славяне тоже могли созерцать горы, причем свои: „красные”, „черные”, „поклонные”... На „святых горах”, естественно, закладывались православные храмы или монастыри. Зачастую предварительно приходилось низвергать с них языческих идолов, как это было с киевским Перуном при крещении Руси.

О происхождении названия Поклонная гора существует версия: в 1508 году царь Василий Иванович возвращался после успешного похода в престольный град. Восторженные горожане устремились ему навстречу с крестами и хоругвиями. В пяти верстах от тогдашней Москвы, на возвышении, откуда являлась взору Белокаменная во всем великолепии храмов божьих, они, коленопреклонясь, ожидали победителя.

Лысая гора. А что же за этим названием? Считалось, на ней совершались колдовские шабаши. В глухие ночи, чаще перед религиозными праздниками, на гору на метлах, хворостинах, черных котах взбирались ведьмы, упыри, оборотни и начинались дьявольские оргии, словно на перекрестках. Впрочем, Лысая гора зачастую становилась именно перекрестком путей и дорог, так как была ориентиром на местности.

Подъем на высокую гору вызывает противоречивые чувства. Это и врожденная боязнь высоты, и восприятие вертикали (она кажется длиннее такой же по размеру горизонтали). Здесь же и восторженная радость отрыва от обыденного, приземленного. Чувство страха борется с жаждой самоутверждения, познания. Отсюда вполне понятный восторг от открывающихся с вершины перспектив, прикосновения к небесам бесконечности.

Древнекитайское предание: „Кто с Куньялуня поднимется на вдвое большую высоту, достигнет горы, прохладного ветра и обретет бессмертие; кто поднимется еще вдвое выше, достигнет висячей площадки и обретет чудесные способности, научившись управлять ветром и дождем; кто поднимется еще

вдвое выше, достигнет неба, обиталища Тай-ди и верховных владык и станет духом”.

Разумеется, скальные уступы, ступени, выдолбленные на пути к горным пикам, приобретали аллегорический смысл жизненных этапов, нравственных уровней, духовного подъема. „Лестница в небо” – общечеловеческий символ, присутствующий в мифологических структурах всех народов.

Древнеегипетская „Книга мертвых”: „Установлена для меня лестница, чтобы встретиться с богами... Боги ему дают лестницу, чтобы с ее помощью он поднялся на небо...”

Лестницу (climax) с семью ступенями мы находим в мистериях во славу Митры. Библейскому Иакову приснилась лестница, верхний конец которой достигает неба, так что „ангелы Божии восходят и нисходят по ней”. Исламский Магомет видел, как от Иерусалимского храма устремилась в небо лестница с ангелами, по которой поднимались души праведников. Данте узрел лестницу на головокружительной высоте последней, небесной, сферы, населенной душами блаженных.

Христианская теология широко использует образ небесной лестницы для объяснения различных фаз духовного восхождения. Исламская традиция указывает на семь ее ступеней: раскаяние, воздержание, отречение, бедность, терпение, вера в бога, удовлетворение. Путь к вечной Истине Гаутмана Будда разделил на восемь частей, преодолев которые человек освобождается от земного бытия, а следовательно, от страдания, порожденного невежеством. Тогда-то и наступает Нирвана, „качество вмещения всех действий, насыщенность объемлемости”, когда „трепетом озаренности притекают истинные знания”.

В китайской (буддийской) мифологии на пути прозрения „слепцу” нужно преодолеть Эр-ши-ба-тень („двадцать восемь небес”), иначе говоря, ступеней. Только тогда можно вырваться из круговорота жизни и смерти, страданий и духовных заблуждений, то есть достичь конечного вхождения в Нирвану.

У Иисуса Христа была своя лестница в небеса – крест. Так, по крайней мере, утверждают некоторые толкователи восточноевропейских легенд. Этот крест-лестница служит для того, чтобы Господь спускался на землю, а человеческие души поднимались к нему. Древняя традиция ставить крест на возвышенности как раз и выражает эту глубокую духовную идею восхождения, символического акта сближения, общения со Всевышним, Космосом, мирозданием.

Ш

Шань (гора). Элемент китайского декора

„Кибалион” Гермеса: „Существует много планов Бытия — множество подпланов жизни — множество уровней существования во Вселенной, и все зависит от продвижения существ по шкале, низшей точкой которой является грубейшая материя... и высшая отделяется тончайшей границей от Духа Всего. И все движется вперед и вверх вдоль этой „шкалы Жизни”, все находится в пути, конец которого — Все”.

Николай Бердяев: „Два движения есть в человеческом пути; движение по линии восходящей и движение по линии нисходящей. Человек поднимается на высоту, восходит к Богу. На этом пути он приобретает духовную силу, он творит ценность. Но он вспоминает об оставшихся внизу, о духовно слабых, о лишенных возможности пользоваться высшими ценностями. И начинается путь нисхожденья, чтобы помочь братьям своим, поделиться с ними духовными богатствами и ценностями, помочь их восхождению...”

„Благодать снисходит от Бога”. У самых разных народов понятие „снизойти” выражает примерно одно и то же: проявить бескорыстие, милосердие, сострадание, терпение. „Снисходите к нуждам ближнего, принимая их к сердцу. Снисходи к слабостям людским, прощай их” — такова заповедь христианства.

„Лестница в небо” — сокровенная тема древнеперуанских зодчих. Рукотворные ступени-платформы Мачу-Пикчу

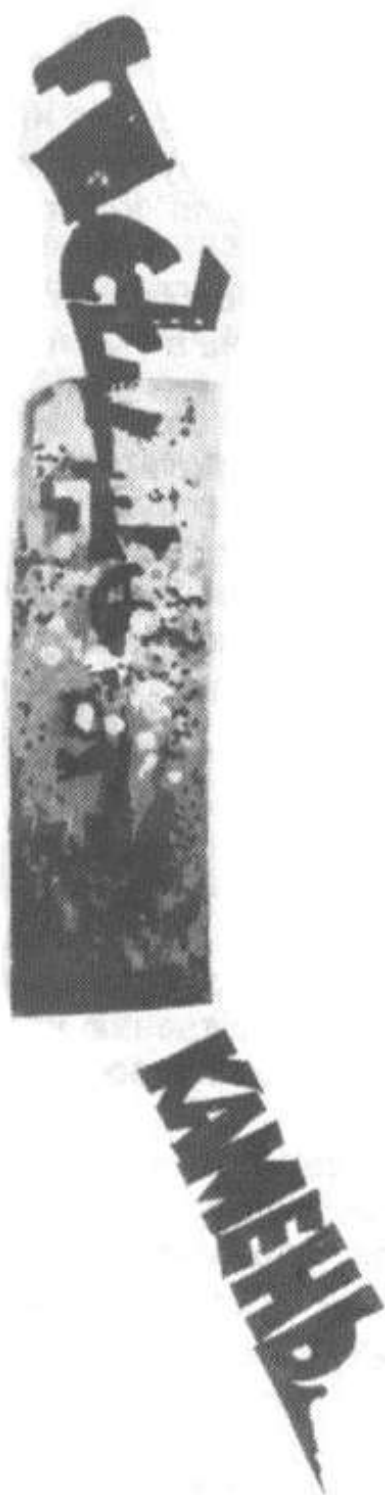

Человек психологически ощущает подъем, путь наверх — к открытому простору, свету как некоему освобождению, облегчению. Широко распространенный образ света в конце тоннеля, по сути, является архетипом, равнозначным Восхождению.

Когда пещерный житель „всходил” из гнетущего мрака на солнечный простор, то не мог не испытывать чувство восторга, надежды на нескончаемость торжества Света. Восхождение и поныне символически связывается с удачей, избавлением от мучений и невзгод и, конечно же, — с Подъемом на воображаемую духовную Возвышенность: „...придите и взойдите на гору Господню”.

...Побеждающему дам вкушать
сокровенную манну и дам ему
белый камень и на камне напи-
санное новое имя, которого никто
не знает, кроме того, кто полу-
чает.

Евангелие от Иоанна

Камень — гора в миниатюре, а если он еще и внушительных размеров, выразительной формы, то вполне может выполнять те же магические функции, что и горные вершины. Подтверждение тому — следовики — гранитные глыбы с глубокими метками в виде отпечатка человеческой ступни. У белорусов они выполняли роль гор для нисхождения святых с неба. В народе толкуют даже, будто зарубки на камнях — следы небесных пришельцев, для которых камни служили приступками, ступенями.

Таким образом, камень — метафора горы. В нем воображением человека сконцентрирована в уменьшенном объеме волшебная сила.

Аркадий Гайдар (детский писатель. „Горячий камень“): „...Этот камень был, как уголь, горячий, и на плоской поверхности его проступали закрытые глиной буквы... Ниже стояла печать, но не простая, а похитрее: два креста, три хвоста, дырка с палочкой и четыре запятые...”

Без всякого сомнения, в образе горячего камня Аркадий Гайдар использовал персонаж многих старинных мифов и легенд. Одна из них гласит: в незапамятные времена святой камень был доставлен на землю ангелами в качестве „посланца” дальних миров, дара Ориона. Чувство „магического камня” испытывают главным образом люди, наделенные харизмой, высокой духовностью. Они способны хранить дух реликвии и, принося свет, вести к восхождению человечество. В магии камня была заложена идея: он ниспослан тому, кто заслужил благословение.

Предание гласит, что святым камнем обладал некогда царь Соломон. Известно, в частности, что он повелел отколоть от камня маленький кусок, оправить его в серебро и начертать знак мудрости. Благодаря чудотворной силе этого знака удалось пленить демона Асмодея.

С волшебным камнем связывали судьбу самые разные мифические герои.

Легендарному герою восточных сказаний Гэсэр-хану в странствиях освещал дорогу сияющий чудо-камень.

Кухулин, наиболее почитаемый персонаж ирландских саг, пронзенный в праведном бою вражьи́м копьём, умер стоя, привязав себя к священному камню.

Лумимуут, богиня западноиндонезийского пантеона, прародительница всех других богов, своим рождением обязана величественному камню, ставшему ее плотью.

Душара, древнеарабский творец, устроитель мировой гармонии и вселенского порядка, рожден девой-камнем. Идолом Душара служил черный четырехугольный необработанный камень, которому приносили жертвы.

Ла („жизненная сила“) в тибетской мифологии отождествляется с душой целого народа. Живет она только в камне-бирюзе. Чтобы победить ее, надо разрушить камень.

Альвис („всезнайка“), мифологический карлик, пожелал заполучить в жены Труд, дочь Тора. Тот перехитрил ненавистного жениха, заставив дожидаться гибельного для цвергов (карликов) рассвета, превратившего его в камни.

От воли маахисов, „жителей земли“ (в финских преданиях), зависело благополучие путника. Заблудившись в лесных дебрях не без помощи коварных маахисов, он должен был задобрить их — оставить подношение на тропе у священного камня.

Деревянные идо́лы Бога грома у саамов Айеке изображены с осколком камня в голове.

Вакан („великая тайна“) в мифах племени сиу — животворная сила, мистические стороны света. Персонифицируется чаще всего в облике Иньяна („камня“).

На Меланезийских островах боготворят Квата за то, что тот выведывает у духов секреты ремесел, собирательства, охоты. Рожден он был матерью-камнем.

Мифологическое божество Нденгеи (острова Фиджи) тоже „вышел из камня“ и живет в горной пещере, устанавливая всеобщий порядок.

Менгиры

*Таинственные идолы острова
Пасхи*

*Ритуальное каменное из-
ваяние. Гавайские острова*

В мифах Экон Обаси-оса (бог неба, демиург) создал мир и вручил первой паре людей семь камней, с помощью которых земляне получили окружающий мир.

Греческий миф повествует о том, как Ватт — мессенский пастух стал невольным свидетелем похищения Гермесом божьего стада. Ватт поклялся молчать, заверив похитителя: скорее камень выдаст Гермеса, нежели он, Ватт. Однако клятву не сдержал, за вознаграждение указал богам, куда угнаны животные. Гермес превратил доносчика в скалу, которая стала называться Указницей.

...Какому бы народу ни принадлежали мифы и притчи, чудодейственный камень в них — определенный источник мудрости, кладезь потаенного. Он — ключ, открывающий пути-дороги во всех их назначениях — от места к месту, от настоящего к будущему, от неведения к познанию, благодаря чему растерянность уступает место уверенности, сомнение — верному выбору. Камень наделяет даром ясновидения, способностью угадывать единственно нужное направление в любых странствиях.

Из языческих культов образ камня-путеводителя перекочевал во все мировые религии и прежде всего в ислам. Гранитный куб (Кааба) в центре Мекки на протяжении столетий не знает достойного себе соперника. Паломничество к мусульманской святыне считается исполнением наиважнейшего долга перед Аллахом. Где бы ни находился правоверный во время молитвы, он поворачивается лицом в сторону каменной святы-

ни. Будучи даже невидимой, она все равно остается как бы духовным ориентиром.

Различные вариации на тему священного камня широко распространились по всему Востоку.

Николай Рерих (художник, востоковед): „В прекрасных символах старины путник расскажет вам, как в незапамятные времена из других миров упал чудесный камень – Чин-тамани индусов или Норбу Римпоче тибетцев и монголов...

Не похож ли этот камень на упомянутый в легендах Кришны чудесный драгоценный камень Сьямантак, который Сатраджит получает от бсга солнца Сурьи за долгие и многотрудные подвиги в его честь, где якобы обитало счастье и богатство?”

Тема драгоценных камней буддийских верований пронизывает древнерусское творчество. В „Сказе о Варлааме и Иосафе” рассказывается о святом отшельнике Варлааме, принесшем из дальнего странствия по пустыне пресловутый камень и подарившем его царевичу Иосафу (европейский вариант буддийского святого). Волшебные свойства каменного дара затмевают самые фантастические благодеяния. Он способен приумножить духовную силу, озарить заблудших светом истины, возратить глухим слух, немым – голос, слепым – зрение, безумным – разум.

Лучезарный камень в коронах и перстнях наделяет их владельцев способностью к озарению. У былинных богатырей седло „обсажено драгоценным камнем”, благодаря чему угадывается путь и в непогоду, и в темноту. Подобными „компасами” обзаводились и вечные странники, „калики переходящие”.

В былинах Руси присутствует образ хоть и сияющего, но довольно зловещего камня, покоящегося на Сионской горе, в Палестине. Он, в частности, решил судьбу новгородского богатыря Василия Буслаева. Вожак необузданных озорников, баянов, бунтовщиков, одушевленный символ стихийности, на склоне лет испытывает душевный надлом, тоску, печаль от всего содеянного и отправляется на покаяние к горам Иерусалима. Но прежние пороки остались при нем и погубили его. Паломник не внял предостережению „вещего камня” не переступать через него и сорвался в бездну.

Следует заметить: участь самого Новгорода тоже определилась карающим камнем, принадлежащим городу. Новгородцы, подобно Буслаеву, вели праздную, лишенную высокой духовности жизнь. И камень покинул их, а вместе с ним пропало и бывшее могущество Новгорода.

В русских былинах особняком стоит опаляющий Алатырь, камень белого цвета, „всем камням отец”. В этом образе переплелись буддийские верования – „Камень Света” и христианские – „Камень Божоявления”.

Библия: „Посему так говорит Господь Бог: „Вот Я полагаю в основание на Сионе камень – камень испытанный, краеугольный, драгоценный, крепко утвержденный. Под камнем этим скрыта могучая сила, и сила эта не имеет предела”.

Воображение древних, абсолютно лишенных представления о библейской мудрости, создавало образ краеугольного, драгоценного камня. Индейцы в своих преданиях доколумбовой Мезоамерики, славя своих творцов, не обошли похвальным словом и Большой камень: „Они своим могуществом и мудростью создали и установили огромный камень, а на нем они построили очень пышные дворцы, сооруженные с большим мастерством. И они стали их местонахождением...”

Иисус Христос, как известно, был наречен Скалой, Камнем. В этом смысле сила Духа, которую он проявлял, и есть Краеугольный Камень духовных ценностей, указатель пути к спасению. Ближайшего своего ученика – подвижника Симона Христос нарек Петром (скалой, камнем): „Ты Петр, и на сем камне я создам церковь мою, и врата ада не одолеют ее”. Подтекст здесь примерно такой: „Предстоит тебе, Петр, многотрудная миссия – указывать, как скала в голой пустыне, истинный путь заблудшим, и ничто не должно сбить их с праведного пути. Иди к жаждущим истины странникам, служи им путеводной звездой”. Библия свидетельствует, что Петр действительно неустанно учительствовал, врачевал, постоянно скитаясь. Отсюда и древний атрибут Петра – пастырский посох с крестом.

Правомерно ли сопоставлять явления сугубо духовного порядка с примитивным, казалось бы, образом придорожного камня-указателя? Здесь следует помнить: религиозные сюжеты в сравнении с мифологическими архетипами в историческом плане выглядят в лучшем случае новорожденными младенцами. Традиция обозначать камнем направление движения столь архаична, что не поддается никакому „хронометражу”. Понять архетипическую метаморфозу, проникшую в доисторическую эпоху, помогают в какой-то мере сохранившиеся дикие племена с их навыками, поверьями, образом жизни. Так, на островах Самоа племя, отправляясь на поиски пищи, совершает жертвоприношение священному камню, положенному посреди деревни. Жертвами могут быть животные, растения. Пребывающие якобы в камне божества помогают отыскать

путь к удаче, выводят людей на богатые пастбища и уголья.

Перед нами типичная картина языческого почитания камня (скалы, горы, утеса), направляющего на верную дорогу. Естественно, волшебная сила камня находилась в прямой зависимости от расстояния, с которого могли его видеть, поэтому и ставили его вертикально, горой. Библейское предание рисует именно таким образом водруженный рядом с алтарем камень, столп. Это на него набрел в ночи ветхозаветный Иаков, преклонился перед ним. Затем, заснув, он увидел чудесное видение, обещающее божие благословение. И на века становится Иаков памятным знаком общения с Богом. Пророк Осия толковал смысл камня-столпа, представляя его не иначе, как неотъемлемую часть священного места поклонения Яхве. Правда, позже иудаизм заклеил камни-памятники как языческий пережиток, подлежащий уничтожению.

Древнему путнику трудно было запоминать, различать нередко очень схожие внешне камни-ориентиры. Требовались поэтому неповторимые, а значит, рукотворные, с характерными признаками. Отсюда и всевозможные засечки-отметины. Случалось, камни метили липкими жидкостями. В центральной части Мадагаскара встречаются огромные камни, вымазанные жиром или облитые маслом, натертые салом, т. е. тем, что способно долго сохраняться.

Жители племени тода, в горах Южной Индии, ритуально поливают камни молоком, таким образом обозначая пастбище буйволов. Норвежский обычай кропить камни маслом напоминает предание о том, как Иаков „умаслил” гранитную глыбу, поставленную им в память о чудотворном видении.

В Дельфах, у храма Аполлона, покоится скромных размеров камень, подлежащий ежедневной „смазке”. Некогда он якобы служил ориентиром для двух орлов, выпущенных Зевсом. Над ним птицы должны были слететься, чтобы превратиться в одну двуглавую. Подобное отношение к камню связано, возможно, с обычаем возлияния масла на алтарь святилища. Но совершенно бесспорно то, что за тысячелетия до появления подобных обрядов „масляные камни” служили метками

Омфал

на маршрутах людей. В ритуал восточноафриканского племени акамба и теперь еще входит натирание маслом и салом скалы, чтобы обозначить в горах место прогона скота.

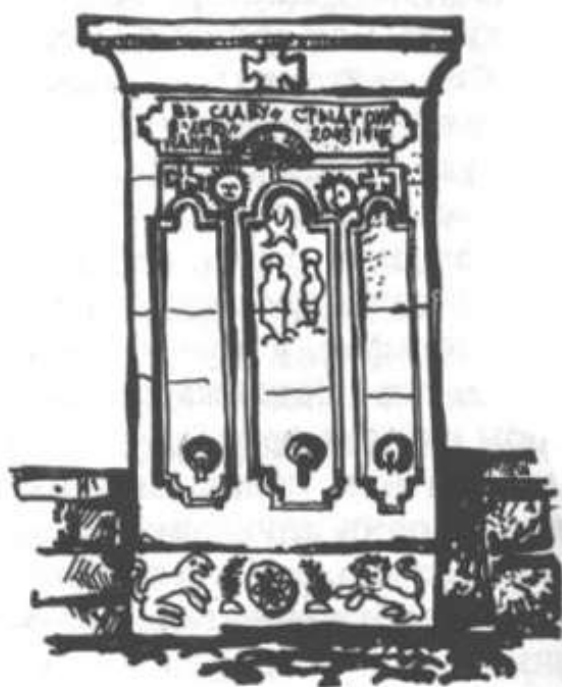
Как знать, не от обычая ли древних — мазать камни-ориентиры возникли эпитеты, которыми наделялись великие путники, поводыри и спасители страждущих, — Христос (по-древнегречески „служащий для натирания“) и Мессия (от арамейского и еврейского „помазанник“)?

Древнегреческий философ Геофраст пытался понять, что заставляет его соотечественников при встрече с гладким, необычного вида камнем поливать его маслом, а потом становиться на колени и молиться. Догадался ли мыслитель, что наблюдает явные отголоски архаических навыков первопроходцев?

В равнинных, пустынных местностях гора заменялась нередко грудой собранных камней. В Древней Греции такие нагромождения назывались гермами — в честь бога Гермеса, подсказавшего людям, как использовать камни для разметки путей. В Риме придорожные кучи камней именовались милиариями, их насыпали в основном через милю.

Герм

Чешма, старинный болгарский дорожный знак, питьевой источник

В белорусских землях роль герм, милиарий выполняли волотки, иначе говоря, загадочные земляные „капцы“, насыпи, устраиваемые в густых лесах, на болотах. Впрочем, не так уж и трудно раскрывается загадка славянских язычников, имев-

Камень-охранитель (Збероч-камень) — памятник белорусской культуры

Стод-крыж. Вилейский район Беларуси

ших обыкновение размещать и капища в настоящей глухомани. Так называемый Степ-камень, к примеру, был положен в непроходимых лесных дебрях. Изучение местности дает ответ: каменная святыня — пограничный „столб“ обозначает границу водораздела между двумя важнейшими территориями Балтийско-Черноморского района. Надо полагать, им прежде всего отмечался один из волоков, сухопутных связей между акваториями рек. Так что „заброшенный“ камень не что иное, как важный указатель на маршруте „из варяг в греки“.

Древние валуны служили нашим предкам надежными ориентирами. Неудивительно поэтому, что на географической карте так много названий урочищ, поселений, идущих от каменного указателя: Каменный Бор, Каменный Лог, Каменец или просто Камень. Метки на камнях-следовиках позволяют определять, угадывать направления древнейших путей, границ территорий, принадлежащих некогда разным племенам. Отсюда былинный образ Алатырь-камня на перепутье, пророка и предсказателя. Отсюда и легенда о гранитном исполине по имени Дед, что по сей день лежит на берегу Свислочи, в центре Минска. Кто донесет камень до ближайшего перекрестка, гласит легенда, быть тому богатым, счастливым. Сколько веков будет ждать еще своего „носильщика“ минский валун, эта языческая святыня — никто не знает.

До середины нашего столетия на Беларуси, близ старой дороги от Друцка к Орше, возвышался Рогволодов камень. На его верхней грани был высечен шестиконечный крест, такой же, как и на гербе „Погоня“, и надпись: „В лето 6679 мая в 7 день доспен крест сий. Господи, помози рабу своему Василию в крещении именем Рогволоду сыну Борисову“. Остается только гадать, какие разворачивались события вокруг этого валуна-громадины.

...Вспоминая поездки по Тибету, Н. Рерих приводит разговор с туземкой о каком-то священном камне. Рассказчица наотрез отказалась показать его.

Николай Рерих: „Камень этот движается и появляется около священных и замечательных мест... Но не потревожьте камень, который появляется то там, то здесь. Ведь он может оказаться на вашем пути”.

Перемещающийся камень — естественный результат мифологического его одушевления. В японских мифах камни одушевлены в такой степени, что имеют своих божеств — Исигами („боги камня”). Круглые камни —местилище души, камни причудливой формы — воплощение бога, „тело божества”. Культ камней в японской традиции и мировосприятие, философия островитян просто неразделимы.

„Сад камней”, „Философский сад”, „Сад Реандзи”, в городе Киото — поистине общечеловеческое сокровище. Минули столетия с той поры, когда монах Соами дал пятнадцати камням, разложенным на белом песке, свое толкование. Основная особенность: посетитель Сада все время не может досчитать одного камня. Его неизменно загораживает от взора один из четырнадцати остальных. При движении по галерее посетителю „Философского сада” открывается все новая и новая композиция из пятнадцати камней, из которых один — невидимка.

Вот и в жизни есть нечто реальное и есть потенциально существующее, но мы не замечаем этого, не осознаем невидимое, хотя, может быть, и предчувствуем: оно с нами. Узреть новое, постичь неведомое невозможно без движения. Только путь, целенаправленное перемещение — залог развития всего и вся. Путь этот долог, поскольку все открыть, всего достичь в одночасье невозможно. А в принципе это — бесконечный процесс: поиск „пятнадцатого камня” на путях бытия.

В библейской легенде Лаван и Иаков, помирившись после распрей, договорились установить в определенном месте громадный камень, насыпать вокруг него груды камней поменьше и объявить сооружение межой, через которую никто не посмел бы переступить с враждебными намерениями. Более того, камень-столп должен был свидетельствовать о злых или добрых намерениях „сторон”. Это ясно из слов Лавана, обращенных к Иакову: „...хотя нет человека между нами, но, смотри, бог свидетель между мною и между тобою”. Здесь имелась в виду созданная ими гора, которую так и нарекли „Холм, свидетельства”.

Древнейший обычай — привлекать камни в качестве свидетелей не исчез. В Сирии храм Аарона, на вершине горы Ор,

где могила пророка, постоянно полон паломниками-богомольцами, которые пришли просить у святых исцеления для своих родных и близких. При этом просители складывают кучи из камней. Они – свидетели тех обетов, что дают ходоки в обмен на божью милость.

„Время разбрасывать камни, время собирать камни”, – читаем в „Екклесиасте”. Смысл изречения такой: за смутой, беспорядком, хаосом должно наступить время согласия, гармонии, достойных свершений. Косвенно библейская „присказка” связана с архетипическим образом камня – указателя верного пути, а также с распространенной мифологемой: он пророчествует, как оракул, и оберегает праведника, подобно святым духам.

Как известно, с любого возвышения открывается гораздо больший обзор. Эта очевидность вошла в ритуалы древних, где предсказателю достаточно было только имитировать подъем – встать на камень, что считалось обязательным предварительным условием („пред”) всякого предсказания, предвидения, возможности заглянуть в грядущее, увидеть как можно дальше.

Значит, тот, кто имел такую возможность, – владелец камня, обладал и превосходством над другими людьми. Не исключено, что архетипическому образу камня обязано своим происхождением возвышение под названием „трон”. Так, верховное божество индейцев Кецалькоатль, олицетворение мудрости и силы, восседал на нефритовом троне. Славянский Алатырь-камень, кстати, также ассоциировался с троном. С течением времени материалом для тронов стали служить драгоценные металлы, инкрустированное дерево. И все-таки каменный трон, вернее, образ Камня – возвышения, источника мудрости и откровения – сохранился кое-где в своем первоначальном значении.

Майяский правитель Тикаль, восседавший на камне. Древнеамериканский рисунок

Когда племена, сохранившие до сих пор древние обычаи, выбирают предводителя, то по обыкновению глашатаи становятся на вросший в землю камень и во всеуслышание объявляют, кому они отдают предпочтение. В искренности „человека на камне” уже невозможно сомневаться.

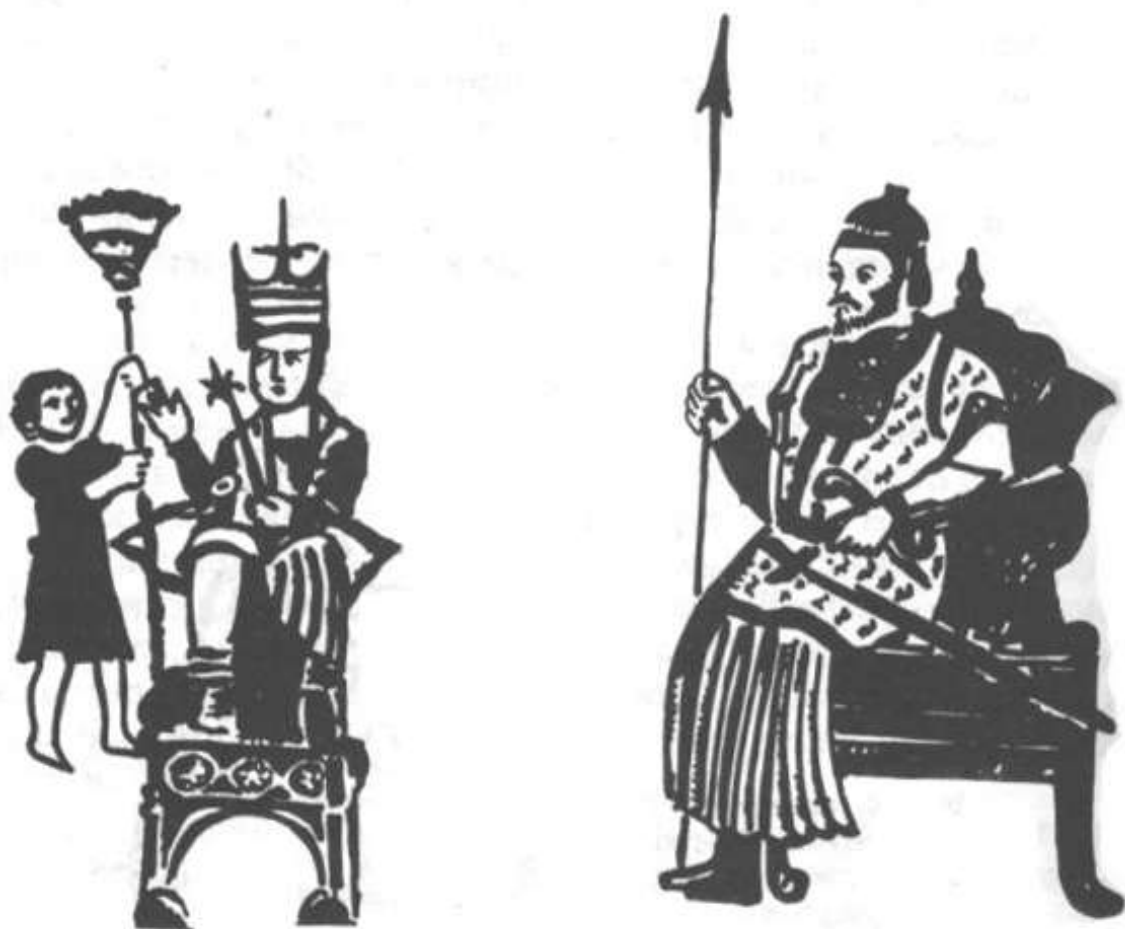
В Афинах хранится камень, с которого все девять архонтов (регентов) клялись в верности законам, в справедливости принятых решений и неподкупности.

Туземцы тибетского племени гаро дают клятву перед Богом молний, стоя на священном камне: „Пусть Гозра убьет меня этим камнем, если я сказал ложь!”

Подобным образом у многих народов проверяется истинность намерений, искренность чувств вступающих в брак. Обряд бракосочетания, изложенный в книгах древних ариев, предписывает новобрачной чете ходить вокруг огня, потом, остановившись у камня, жених должен взяться за правую ногу невесты и поставить семь раз на камень-жернов. Церемония так и называется „Семь ног”. Ее предназначение: исключить фальшь и недомолвки в преддверии совместного пути по жизни.

Царь на троне и слуга с опахалом. Иллюстрация сербского Евангелия, XII век

Тамерлан. Древнее среднеазиатское изображение

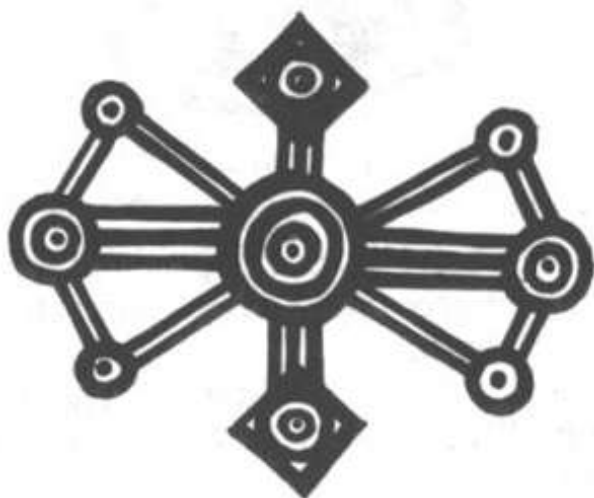

У народа куки, в Индии, во время свадебного обряда обрученные одновременно ставят ноги на большой камень, в центре деревни, что заменяет им клятву в верности.

Роль непревзойденного оракула у манданских индейцев (Северная Америка) отводилась пористому камню, надо было только уметь слышать его. Ежегодно в установленный срок к священному камню являлась депутация и чествовала, окуривала его. По окончании этой церемонии депутаты отправлялись на ночь в лес, оставив камень для одиноких размышлений. Об их результатах можно было судить по форме некоторых белых знаков на камне, которые затем тщательно расшифровывались. Многие знали, что эти знаки наносили ночью сами же служители культа, но достоверность запечатленных на камне сакральных „откровений” никто не смел оспаривать.

Священный у австралийских аборигенов камень Тьюринга является, по сути, картой, смысл которой объясняется юношам во время обряда посвящения в мужчины. Впрочем, реликвия так и называется: „Карта путешествия предков в Царстве Сна”, иначе говоря, в вечности. Чтобы найти обратный путь от туда, как указывает камень, необходимо вернуться к неизменному центру, где предки ткут свои магические кружева и сочиняют поучительные рассказы. При этом камень служит своеобразным суфлером для рассказчиков, которые водят по линиям своими пальцами, словно иглой патефона, от центра наружу сложной спирали.

Один из вариантов символического рисунка на камне Тьюринга: восемь кардинальных точек и девятая в центре напоминают восьмилепестковый Цветок Солнца гавайцев или восьмилучевое Колесо Закона Дхарма, чакру буддистов. Однако у австралийцев периферийные точки не объединяются циклической окружностью, а представляют собой, скорее крест

Китайские императоры обладали якобы черным камнем, который, скитаясь по миру, предсказывал временным своим владельцам будущее и все превратности на пути к нему. Багдо-ханы („живые Будды”) Монголии заглядывали в грядущее только с помощью черного камня. Тибетские надписи на таких камнях предсказывали судьбы целой нации.

На Ближнем Востоке почитались священные камни-бетэли („дом бога“) как обители божественных духов. Одновременно они принимались за живые существа, способные изрекать предсказания, которые истолковывали герменевты-маги. Камни были небольшие, в основном переносные, с высеченными на них знаками. Невольно напрашивается сравнение их с древнейшими путевыми схемами, носами.

Среди священных камней, олицетворяющих сакральные тайны, эзотерические символы, почетное место занимает каменная чаша Грааль. В переводе со старофранцузского „грааль“ – ваза или сосуд. Но „грааль“ также близка по звучанию и смыслу древнефранцузскому слову „книга“. Так что не случайно некоторые легенды представляют камень-чашу испещренной таинственными, магическими письменами.

Сакральная Ардагская чаша. Ирландия, VIII век

Прототип этого образа, особенно распространенный у средневекового рыцарства, надо искать, очевидно, в восточной мифологии.

...Персидскому царю Джемшиду принадлежит „Чаша всеведения“ („Джамми“). Поэты воспевали ее как реликвию, способную отражать весь мир и все, что в нем происходит. У Будды тоже есть своя чаша. Ее хотели изготовить из золота, однако учитель предпочел обладать каменной. Когда ему преподнесли четыре чаши (по числу сторон света), Будда объединил их в одну, символически вобравшую весь мир. Чаша Будды, точнее, образ ее заимствован, надо полагать, у египтян, которые поклонялись за сто двадцать веков до нашей эры своей египетской чаше – воплощению чистоты помыслов, силы духа, высоты свершений.

Древнеиранская расписная керамика. Возможный прототип Грааля

Расписной сосуд, найденный в поселении трипольской культуры

Не исключено, что североевропейский вариант священно-го сосуда представлял собой рог, испещренный рунами. Над ним некогда производились магические действия, пелись волшебные песни „зейд“. Эти священные реликвии всячески оберегались и всегда носились с собой, подобно носам, жезлам и другим „волшебным палкам“ древности. В саге о Вользунгах находим подтверждение изначального родства этих предметов:

Внутри рога наложены были различные палки .
С красной резьбой; их значенья понять я не мог.

И так же как руны помогали найти спасительную дорогу, так и „рунический рог“ обладал в представлении сочинителей эдд и саг чудодейственной силой, оберегающей от любых каверз врагов, способствующей процветанию.

„Рунический рог“

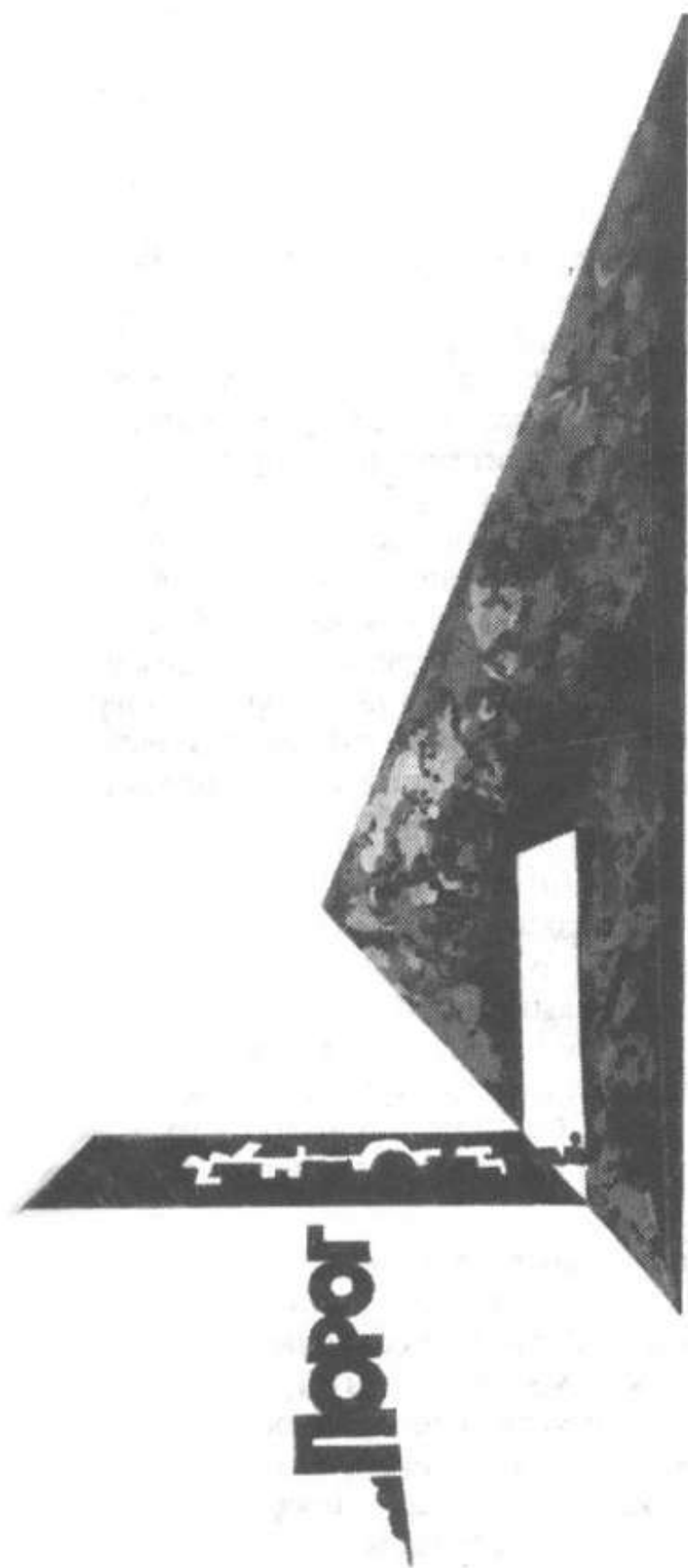

Вот и Грааль... Высшая цель ее — подвигнуть человека к поиску истины, наставить на Путь, ведущий к духовному совершенству. Именно так растолковывали извечный символ чудотворной чаши-камня мудрецы всех времен. Человеку, который превзошел себя, преодолел Путь, даровалось счастье — созерцать святую Грааль, быть ее хранителем. „Ищущий находит добродетель с помощью Камня и, открывая и познавая его, и будучи уверен в нем, он обретает большую радость, нежели мир в состоянии дать” — гласит алхимическая мудрость.

Оккультные искания, традиции Древнего Востока приводят к убеждению: накануне грядущей эпохи, Майтреи (Эры Света), вещая Чаша-камень вновь явится людям, поможет обрести утраченную радость самопознания и самосовершенствования.

... Посещу в тот день всех, кото-
рые перепрыгивают через порог,
которые дом Господа своего
наполняют насилием и обманом.

Библия. Ветхий завет

Почему даже самые, казалось бы, здравомыслящие люди опасаются порой пожать друг другу руку, находясь по разные стороны порога? Предвззсудки?

По существу, у всех народов наблюдается суеверное отношение к порогу. У островитян Фиджи сидеть на пороге храма недопустимо (табу), исключение делается только для вождей высшего ранга. Все буквально остерегаются порога в культовом помещении. Высокопоставленные особы „преодолевают” порог обычным путем, остальные — на четвереньках.

В Марокко никому и ни при каких обстоятельствах не разрешается сидеть на пороге дома или просто у входа в шатер.

В Сирии до сих пор живуче поверье: наступившего на порог ждет беда. В мечетях у входа приделаны деревянные брусья, вынуждающие посетителей миновать порог, не ступая на него.

Марко Поло (итальянский путешественник, XVI в.): „...у каждой двери зала (или другого помещения, где находился император) стояло по два человека гигантского роста, вооруженные дубинками. Они обязаны следить за тем, чтобы никто из входящих не вступил ногой на порог, если же это случится, то они раздевают преступника донага, и он должен платить выкуп, чтобы получить обратно свою одежду... Китайцы полагают, что если кто ступит на порог, то это грозит ему несчастьем”.

У древних татар достаточно было задеть за порог, чтобы подвергнуться суровому наказанию. Плано Карпини, путешествовавший по Востоку в середине XIII века, свидетельствовал: всякого, кто коснулся ногой порога княжеской „хижины”, просовывали через специальное отверстие под палаткой, затем предавали смерти: „Не становись на порог — это грех!”

К культу подобного рода непосредственно относится чрезвычайно древний и распространенный обряд — переносить на руках невесту через порог.

В Палестине этому правилу следуют по сей день. Невеста не должна касаться порога. Случись ненароком такое, значит, на роду начертано горькое мытарство.

В Греции невесту тоже переносили через порог, входя в свадебное помещение. Точно так же поступали древние римляне. В Славонии переносить новобрачную могли лишь самые почетные лица. Жители Уэльса непоколебимо верят: невесту, которую вносят в дом, ждут счастливые годы.

В чем же, собственно, смысл древнейшего обычая? Плутарх полагал: в Риме подобная церемония могла появиться как память о похищении, захвате сабинянок, которых римляне насильно сделали своими женами. По преданию, Рим некогда был заселен одними мужчинами. Его основатель Ромул устроил однажды праздник, пригласив соседнее племя сабинян. В разгар веселья римляне похитили их девушек, что послужило причиной кровопролитной войны.

Есть еще версия: обряд носить невест — пережиток распространенного в древности правила, когда воины племени, одержав верх над врагами, присваивали жен поверженных, унося их в свои дома, связанных по рукам и ногам. Сомнительная, прямо скажем, версия. Тот, кто переносит невесту через порог, боясь, как бы она его не коснулась, далек от какого бы то ни было принуждения, насилия. На острове Сосетт, близ Бомбея, во время свадьбы в дом вносят... жениха, а уж он потом переносит свою невесту через порог. А это тем более не соответствует даже подобию насилия, похищения. Здесь, скорее, просматривается уважительное отношение к молодоженам.

Поэтому-то можно предположить: обычай поднимать невесту над порогом преследовал цель избежать святотатства, а именно попрания того, что отмечено божьим присутствием. Древние римляне, надо учесть, наделяли порог высочайшей степенью святости. Он находился под покровительством Весты, богини домашнего очага. Отсюда происходил и „вестибул“, открытое место перед домом, позднее — преддверие, фактически — порог дома. В императорских дворцах вестибюль приобрел изысканное архитектурное убранство, превратился в обширную помпезную залу.

К одному культу с Вестой принадлежали пенаты (от *penetralia* — внутренняя, потайная часть жилища, храма), в римской мифологии божества — хранители отчего дома. Имена пенат хранились в тайне от непосвященных, что породило самые различные толкования их сущности и происхождения. Магистраты, вступая в должность, полководцы, отправляясь в поход, приносили жертвы Весте и пенатам, а также отдавали должные почести Лиментину, божественному стражу порога.

Варианты реконструкции отдельно стоящих сооружений (толосов) с ярко выраженными удлиненными порогами, прообразами вестибюлей. Месопотамия, V тыс. до н. э.

Древнеармянский порог — место, притягивающее духов, влияющих на судьбы людей. Чтобы влияние не было губительным, полагалось над дверью вырезать мечом крест.

В языческой Руси порог — приют домового. Литовцы кладут под порог нового дома деревянный крест или какую-нибудь семейную реликвию. Возвращаясь из храма с крещеным младенцем, отец держит его некоторое время над порогом: с этого момента новорожденный попадает под покровительство домашних богов. А прежде, чем переступить порог, надо было обязательно перекреститься. Гость багдадского халифа должен был перед входом во дворец падать ниц, чтобы коснуться лбом порога и замурованного здесь осколка черного камня из Мекки.

Мифологи справедливо отмечают общность происхождения столь, казалось бы, различных ритуалов: воцарения храмового жреца, „стража порога” при Иерусалимском храме и „вхождения” невесты в новую жизнь.

Джеймс Фрэзер (шотландский религиовед): „По-видимому, в основе всех приведенных обычаев лежит религиозное или суеверное представление о какой-то таящейся в пороге опасности, которая грозит тому, кто на него наступит или сядет”.

Религиозным представлениям, суеверным, мистическим образам подобного рода предшествовали вполне определенные жизненные ситуации, обуславливавшие, в представлении людей, их судьбы. Что такое древнее жилище, как не „домашняя” часть окружающего человека пространства, „периметр

безопасности"? Надежно защитить очаг означало выполнить важнейшее условие жизнеобеспечения. Надлежало только знать, как это сделать наилучшим образом.

Древние халдеи считали, что для полного спокойствия необходимо приобрести соответствующие талисманы, амулеты с надписями, призывающими на помощь сверхъестественные силы. Одно из таких заклинаний гласит: „...чтобы удержать всякое близкое зло, поставь бога Латарака у двери... Поставь образы богов-стражей Эа и Мардука у порога...”

Халдейский амулет

От визита, скажем, Стригия, злого колдуна в восточно-романской мифологии, уничтожающего урожаи проливными дождями, губительными засухами, защищались, натирая порог чесноком, окуривая ладаном.

Древнеегипетское изображение „дверей горизонта”. Сквозь них ежедневно проходит бог солнца Ра, в конце своего подземного путешествия умывается в святом озере и, одеваясь „в свои красные одежды”, переходит в дневную ладью

Бог Шамаш утром выходит из восточных дверей неба. Древнемесопотамский рельеф

Первоначально образ порога сформировался на основе входа в пещеру, где он представлял, вероятно, лишь условную линию, отделяющую сферу очага от остального мира, символический рубеж, выйдя за который человек оказывался лицом к лицу с неизвестностью, лишался защитного крова. Этот переход из своего, в определенной степени безопасного, пространства в чужое, несомненно, сильно воздействовал на психику первобытных людей. Ведь за порогом существенно изменялись и условия пребывания, и нормы поведения. Всего этого было вполне достаточно для формирования архетипа, выражающего идею перехода, издревле связанную со страхом перед неизвестностью и одновременно тягой к ней.

Метафорическая связь торных путей с человеческой жизнью сказала и на мифотворчестве. Ритуалы, сопровождавшие пространственное перемещение (кочевье, переселение), сродни ритуалам социальных „переходов”, „перевоплощений”: возрастные посвящения (инициации), приобщения к новой касте. И в первом и во втором случае происходит выход за некий порог, „водораздел”, где реальность качественно новая. Кстати, мы зачастую используем это понятие, если надо сообщить о некоем пределе или рубеже, за которыми неминуемы резкие изменения: в физиологии — порог ощущений, в физике — пороговое напряжение, в психологии — порог терпения...

Очутившись „за порогом”, люди вольно-невольно сближались, чувствуя поддержку, сопричастность к общей судьбе. Оказаться „по одну сторону порога” означало не просто физическое объединение, а духовную близость, родство, подвигающие к взаимопомощи. В старину существовал обычай: преступник, которому удавалось пройти за священный порог и проникнуть во дворец правителя, получал убежище, неприкосновенность и покровительство владыки.

Пиетро делла Валле (итальянский путешественник, посетивший в XVII веке резиденцию персидских царей в Исфагани): „Вход во дворец никому не возбраняется и, переступив через порог и поцеловав его ...всякий получает право на защиту. Короче говоря, порог этот пользуется таким почетом, что его именем („астане”) называется весь царский двор и самый дворец”.

Находящийся за „порогом” приобретает, естественно, признаки чужака. Отсюда наше неосознаваемое правило обмениваться с кем-либо рукопожатием будучи только по одну сторону порога. Такой обычай будто бы предостерегал от разлада, расхождений, ссор, недружелюбия. „Через порог ничего не

принимай – будет ссора”; „Гостя встречай за порогом и пускай вперед себя за порог”.

Преграда, уступ, длинный ряд камней поперек реки – все это тоже пороги, поскольку ассоциировались они в древности с „периметром безопасности”, за контурами которого зачастую простирался враждебный мир. На страже этих магических мест стояли обычно божества, наделенные неимоверно большой властью и окруженные любовью своих подданных. У древних египтян одним из таких божеств был Хнум, защитник нильских порогов, и назывался он в стране фараонов „Владыка порогов великой реки”. Индусы роль подобных владык отводили Нагам, полубогам со змеинными туловищами и несколькими головами. В подчинении Нагов находилось пятнадцать царей, которые жили на слиянии рек, на порогах. Охраняя их, они, свидетельствуют даосские манускрипты, оберегали покой целой страны.

Были пороги и на мифической реке Энгдекит, у западных звенков. Они разделяли верхний и нижний миры. Нижний располагался за устьем Энгдекит, куда могли попасть только души усопших. Течение таинственной реки преграждали семь порогов, где обитали духи, приносящие только смерть. К ним способен был проникнуть разве что шаман, и то лишь до четвертого порога. У египтян порогами ведала богиня Таит („ве-

ликая”), имевшая своим атрибутом иероглиф „са” („защита”). У входа в подземное царство она встречала умерших. Она же покровительствовала плодородию, материнству, потому-то и изображалась в виде беременной самки гиппопотама с руками и женской грудью.

Образ порога, древней метафоры преобразования, стал выражением жизненных перипетий, превратности судеб целых народов, культур. Достаточно напомнить аллегорический порог в библейском сюжете о низвержении филистимлянского идола Дагона, где иносказательно трактуется историческое, без преувеличения, событие — становление иудаизма.

Библия: „...и взяли филистимляне ковчег Божий и унесли его в Храм Дагона, и поставили его подле Дагона. И встали они поутру на следующий день, и вот Дагон лежит ниц на земле перед ковчегом Господним. И взяли они Дагона и опять поставили его на свое место. И встали они поутру на следующий день, и вот Дагон лежит ниц на земле пред ковчегом Господним; голова Дагонова и обе ноги и обе руки его лежали отсеченные, каждая особо на пороге, осталось только туловище Дагона. Посему жрецы Дагоновы и все, приходящие в капище Дагона, в Азот не ступают на порог Дагонов до сего дня, а переступают через него”.

Дагон Филистимский

Итак, символическое преодоление порога олицетворяет путь в пространстве, обязательно совмещенный во времени с жизнью. Да и в самом слове „порог” („порок”) совместились два понятия „по” („через”, „пере”) и „рок” („участь”, „судьба”) или „рока” („год”, „срок”, „время”).

Порог древнемесопотамского храма выполнен в виде миниатюрного храма, что явно свидетельствует о его магическом значении

В греческом мифе оракул и прорицатель Трофоний воздвигает порог у входа в Дельфийский храм. К нему-то и устремились жаждущие предсказаний со всего античного мира.

Герменевтов не удивляет, разумеется, тот факт, что „деревянный брусок“, помещенный на полу перед дверями” (В. Даль), стал этической нормой, нарушение которой означало „впасть в порок“, уклониться от должного закона, морали.

...Пророк Сафоний с горечью упоминает о прихожанах, перепрыгивающих через порог, чтобы попасть в храм. В герменевтике подобные обычаи толкуются как преступление, переступление через пределы права и справедливости. „Входят они в дом Божий со своими жертвами и приношениями и в то же время наполняют его насилием и обманом”.

На пороге. У порога. В преддверии. Так говорится о явлениях, событиях, которые находятся в непосредственной временной близости к человеку. Невеста – на пороге замужества. Младенец – на пороге жизни. Безнадежно больной – у порога смерти. А случается, на пороге гибели оказываются целые цивилизации.

Уильям Крейг (американский философ-теолог): „Многие думают, что в конце XX века человечество стоит на пороге либо ядерной катастрофы, либо всемирного голода. Не исключено, что мы уже переступили порог, и вот-вот услышим весть о нашем уничтожении: на этот раз не от пророков, а от научной интеллигенции”.

Теология в подобных случаях рекомендует принять Иисуса Христа, стоящего в преддверии жизни человеческой: „...стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему”. На языке атеистов это означает ско-

рейшее преодоление наиболее пагубных пороков, которые накопило человечество, разрыв порочного круга многих наших злоторных деяний...

Роберт Рождественский (современный поэт):

Все когда-нибудь
Делают шаг за порог.
Жизнь у всех на дорогах брeнных.

Порог как архетип человеческой культуры мы вправе отнести к различному воплощению идеи „перехода“, а она в одинаковой мере заключена и в калитке родного дома, и в люке космического корабля. Отворить, распахнуть их – значит попытаться удовлетворить извечное неистощимое любопытство: „Так что же там за порогом?..“

Я создам церковь Мою, и врата
ада не одолеют ее...

Евангелие от Матфея

„...Входные ворота во дворец внушали населению исключительное почтение, доходившее до того, что никто не осмеливался поставить ногу на несколько приподнятую над землей деревянную ступеньку у этих ворот. Мало того, народ не упускал случая облобызать ее, как некую драгоценную святыню”. Рассказывая об этом, Пиетро делла Валле, некогда посетивший азиатские царства, как бы подтверждает наши предположения: ворота царского дворца или крестьянского двора олицетворяли проникновение из одной материальной или духовной сферы в другую.

В оккультных науках к вратам причисляют даже эфирную оболочку Земли, через которую можно общаться со вселенскими учителями. В изображении нимба у святых верующий усматривает „открытые” врата к духовным преобразованиям.

У всех народов (без исключения!) возведение ворот, вхождение в них связано с теми или иными сакральными обрядами. Еще в каменном веке мегалистические сооружения из необработанных каменных глыб, по существу, являли собой магические врата. Возможно, когда-нибудь мы разгадаем, какие священнодействия происходили под их сводами. Есть свои тайны и у египетских ворот-пилонов на аллее сфинксов у Карнакского храма. Огромная величина пилонов-„циклонов” как-то не соизмеряется с их незначительной глубиной. И опять-таки объяснение этому способен дать архетип: первоначально вход во внутренний, гипостильный зал святилищ преграждали не ворота, а шторы-цѣновки в тонкой бамбуковой раме. У этого „занавеса” свой прототип: звериная шкура у входа в пещеру.

В восточноафриканских деревнях при подходе к воротам дорогу преграждает легкий плетень с узкой аркой в нем, сделанной из молодых деревьев. Их ветви увешаны цветными гирляндами, талисманами. Плетень — преграда от недобрых духов. Проход через арку защищается еще тонким деревцом, положенным поперек узкого „лаза”. Иноземец, входящий в деревню, должен опасаться наступить на этот „порог”.

„Уйти за ворота” издревле означало изменение поведения, состояния души сообразно изменению среды обитания. Этимоло-

логия слова „ворота” как раз говорит об этом: врата, вращение, превращение...

На пути между мирами, земным и небесным, происходит также смена, изменение ипостаси бытия. Так, во всяком случае, утверждают религии. Значит, и там должны быть свои ворота, охрана их. У жителей Шумера в качестве привратника небесных врат фигурирует мифический Нингизид. Инван, благосклонные к людям буддийские божества, также известны как привратники. Барастыр („властелин”) в осетинских мифах дежурит у входа в загробный мир, впуская туда „прихожан” по своему усмотрению. В роли библейского проводника душ к воротам небесного Иерусалима выступает архангел Михаил. Он и открывает доступ туда страждущим праведникам, выполняя посредническую миссию между людьми и богами. Помимо этого архангел являлся хранителем магического Слова, с которого появились небо и земля. Это он посвятил в тайны мироздания Адама и Сифа, дал урок богопознания Аврааму, стал наставником Моисея, передав ему на Синае скрижали Закона. В образе Михаила перед нами предстает возможный прообраз Гермеса.

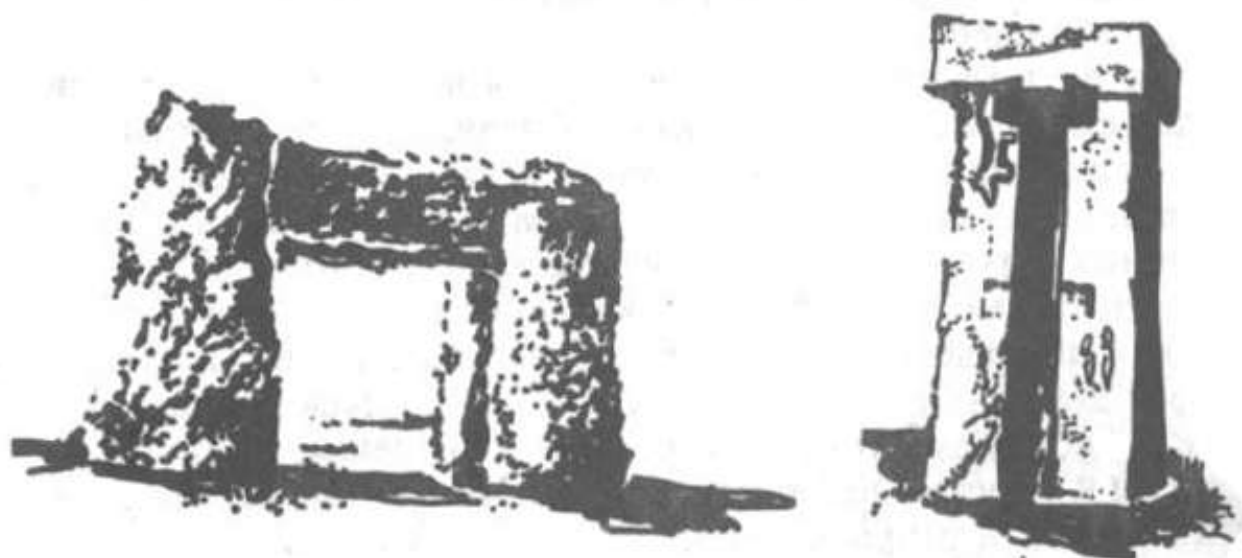
„Врата в ад” и „Врата в рай”... Эти символы несут в себе глубоко нравственный потенциал. Совершенно разные воображаемые врата с незапамятных времен представляли попеременно перед людьми в зависимости от их помыслов и поступков.

Сокровищница буддийской мудрости хранит такую притчу. Как-то к Мастеру Хакуину пришел воин и задал вопрос: „Существует ли рай и ад?” Хакуин спросил: „А кто ты такой?” Воин ответил: „Я главный самурай императора”. Хакуин возмутился: „Ты самурай? С твоим лицом ты похож скорее на нищего”. Воин в ярости выхватил меч. Стоя перед ним, Хакуин

Ритуальные ворота храма. Древний Египет

Дорога к хижине фетишей одного из африканских племен

Хаамонга, звездные врата, культовый памятник аборигенов архипелага Тонга

Загадочное сооружение древних берберов

спокойно сказал: „Вот открываются ворота в ад”. Опомнившись, воин вложил меч в ножны и поклонился. Хакуин продолжил: „А вот открываются ворота в рай”.

Духовное вознесение в метафорическом понимании предполагает также прохождение через некие ворота. Чем больше их остается позади, тем совершеннее идущий. Согласно каббалистической доктрине Христос прошел через пятьдесят во-

Ритуальные ворота из китовых костей на эскимосском острове Ыттыгран

Древний Вавилон. Главные ритуальные ворота Иштар на Дороге процессий, VI в. до н. э.

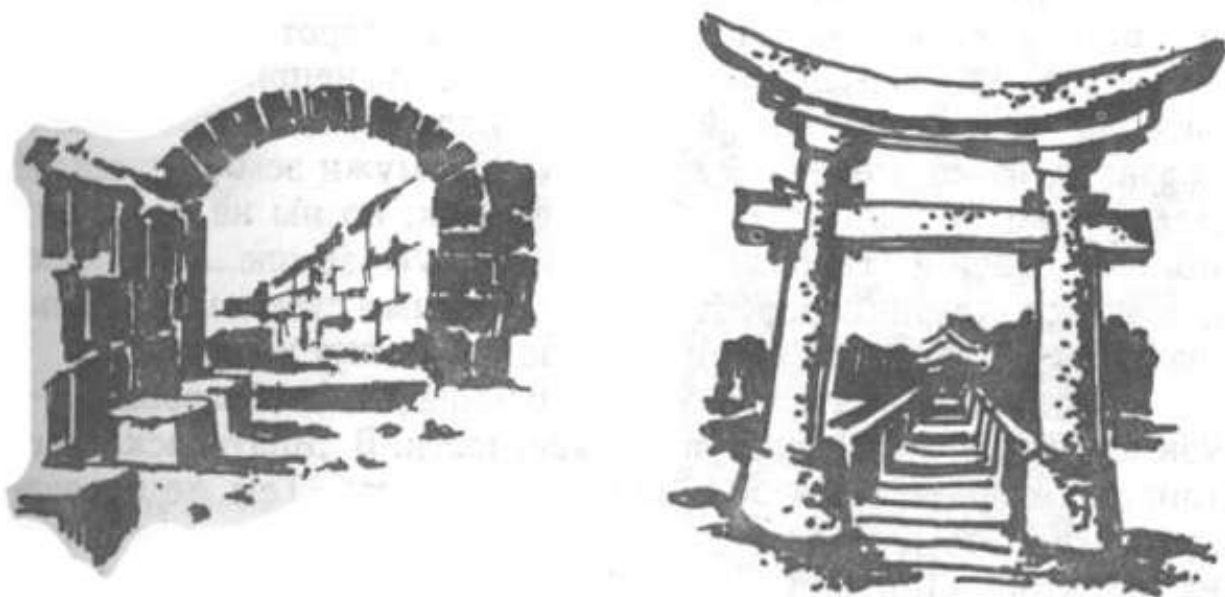
„Ворота Солнца”. Выдающееся произведение доколумбовой Америки. Культура Тиауанако

„Ворота” из двух менгиров в районе пантеона тагарских царей. Хакасия

рот, Моисей же — через сорок девять. Миновать пятьдесят Ворот Света — значит полностью раскрыть свое сознание, чтобы потом слиться с Эйн-Софой, вечным состоянием Бытия, то есть возвратиться в безграничное и неизменное состояние Всего. Идея здесь такова: необходимо соблюдать последовательность при „взятии” ворот, двигаться постепенно выше и выше, обретая на последующем уровне новые способы самовыражения. Рывки, скачки здесь совершенно неприемлемы. Пренебрегая последовательностью, легко оказаться отброшенным назад, за врата.

Вход на стадион Олимпии. Греция, III в. до н. э.

Тории — атрибут синтоистского святилища

У брахманов высоко чтится обряд второго рождения, где первородным животным выступает корова. Церемония называется „Пройти через золотую корову”, а в действительности осуществляется переход по восходящей из касты в касту. Ворота здесь — огромная золотая чаша, наполненная водой и молочными продуктами. Туда махараджа попадает по особой лестнице и после канонизированных „манипуляций” выходит как бы преображенным. Что касается простолюдина, то для него „врата новой жизни” ассоциируются с коровой обычной, не золотой. В гималайской традиции при рождении ребенка не обходятся без гороскопа, и если будущее предсказывается ему неблагоприятным, новорожденного обертывают алой тканью и проносят между ног коровы. В результате ребенок как бы перерождается, а вместе с этим „поворачивается” к лучшему и его судьба.

С образом ворот древние связывали и природные превращения дня и ночи, смену времен года. Мэнь-шэнь (божества ворот) в китайской мифологии „стояли на часах” у дверей и ворот, точнее, на грани светлых и темных начал. Греческая Дике („неумолимая”), богиня справедливости, хранит ключи от ворот, через которые пролегают пути дня и ночи.

Естественно, предназначение ворот как таковых — защитить, оградить, уберечь. „Железные врата Александра” — всего лишь легенда о герое, остановившем кочевые орды Гога и Магога. Но в ней отражено извечное стремление оседлых народов, на которых то и дело посягали воинствующие кочевники, к спокойной жизни.

Старинное изречение „отворить ворота” означало одно: сдать город неприятелю. Сила, стойкость, удача обороняющихся вынуждали врага сделать „от ворот — поворот”. Въезд победителя в осажденный город был равнозначен захвату престола: „Черниговский князь въехал в Киев и сел на столе” („Древнерусская летопись”).

Впоследствии выражение „отворить ворота” приобрело более широкий смысл: допустить вторжение неприятеля, испытать горечь поражения. „Святослав вздохнул, прослезился и сказал: „Любезные мои братья и дети и мужи земли русской! Дал бы мне бог, притомил бы я поганых, но вы не удержали волости своей и отворили ворота в Рускую землю...” И далее: „...загородите полю ворота своими острыми стрелами, за землю Русскую, за раны Игоревы” („Слово о полку Игореве”).

Воротами принято называть и ландшафтные образования — узкие щели в труднодоступной местности. В „Ипатьевской летописи”, относящейся к 1225 году, сказано: „Тем же наречаются Ворота теснотою своею”. Речь идет о проходе в лесах на территории Польши.

Золотые ворота Киева. Реконструкция

Многочисленны врата-защитники славянских городов и крепостей! Но только ли защитники они? Нельзя забывать, что в давние лета ворота служили эмблемой городов, отправной точкой угодных богу путей-дорог, олицетворяли духовную жизнь горожан. В этом убеждают нас хотя бы Золотые ворота древнего Киева. Белокаменное изваяние венчает надвратная церковь святого Благовещения, покровительница всяя Руси. Строительство ее связано с именем Ярослава Мудрого, что и зафиксировано летописцем: „...и славный град твой Киев он окружил величием, как венцом, и предал народ твой и град в покровительство скорой помощнице христиан Пресвятой и Преславной Богородице, которой на Великих вратах и церковь воздвиг во имя первого Господского праздника – святого Благовещения, чтобы приветствие, возвещенное Архангелом Деве, прилагалось и к граду сему”.

Ворота древнего Пскова,
XI–XII века

Подобные традиции поддерживались потомками Ярослава Мудрого по всей Руси. В описании взятия Киева дружиною Андрея Боголюбского (1174 г.) читаем: „...все плакали и говорили – ужели ты в Киев поехал, господин наш, в ту церковь, теми золотыми воротами, что послал делать на великом дворе, Ярославом, говоря: хочу создать церковь такую же, как и ворота эти золотые, да будет память всему отечеству моему”.

Воздвигнуть Великие врата означало примерно то же, что и соорудить Божий храм. Веками непрекращающиеся княжеские распри, отражение несметных набегов – все это способствовало слиянию двух образов – храма и врат. Случалось, городские ворота не выдерживали и рушились под вражеским натиском, и тогда защищавшихся брали под свою защиту соборы и монастыри. Что бы ни случилось, ворота оставались олицетворением стойкости, вольнолюбия, верности православию. „Братья! Лучше нам умереть пред Золотыми вратами за святую Богородицу и за правую веру, нежели быть в их неволе”. Это клич Всеволода и Мстислава к ратной братии во время второго татарского нашествия.

Через Спасские ворота Московского Кремля ни один христианин, будь то сам государь, не смел проходить с покрытой головой. Не ведавших этого обычая иностранцев заранее предупреждали об этом. Полагалось еще и поклониться святым образам у входа.

Старинные путевые заметки рисуют нам святые ворота белорусских городов, в частности Несвижа: „...въедешь наконец в город через каменную так называемую Слуцкую браму (ворота), построенную в виде лука несвижскими мещанами в 1760 году. Над этими воротами помещается небольшая часовня с образом Божьей матери, перенесенным сюда из Замковой католической церкви в 1788 году Карлом Радзивиллом”.

По свидетельству Геродота, у городских ворот Вавилона проходили судебные разбирательства. Там же наказывали виновных. Праздно гуляющие тоже устремлялись к городским воротам. Свои чудеса Иисус Христос творил в наиболее оживленных местах – у входа в город.

Скорбящие по злодейски убитому князю Андрею Боголюбскому владимирцы говорили игумену: „...соберите всех попов, облачившись в ризы, выдьте перед серебряными воротами с иконою Богородицы. Тут и дождитесь князя”.

Торжественное чествование Ивана Грозного, покорителя Казани, происходило опять-таки возле стольноградских ворот. „Входящему же в большие врата града, зовомыя Фроловския, и встрече его ту исшед преосвященный митрополит Макария со архиепископы... и пеш поиде за честными кресты и за осве-

щенным собором в великую церковь Пресвятые Богородица, стелющим по из пути ему красные ковры срачинския от врат градных и до дверей церковных и до палатных лестниц его" („Повесть о казанском взятии"). Ковры от „врат градских и до дверей церковных" — выражение все того же единения духовности и мирского бытия, храма и святых ворот.

В архитектурном облике ворот по традиции отражались мощь, богатство городов, а значит, и их правителей. Из Ветхого завета известно: ворота царских дворцов, да и просто домов, щедро декорировались мудрыми надписями из Моисеева закона.

В античном Риме на вратах чаще всего красовались лики бога Яниса (в переводе „ворота"). Одно лицо бога было обращено внутрь города, второе — за его пределы. Тем самым выражалась архетипическая идея ворот: обозначить „переход" прошедшего, сбывшегося в грядущее.

Священные ворота, предназначенные для сакрального обряда очищения, выступают главным атрибутом превращения порочного в возвышенное, благостное, богоугодное. Такое наблюдается в обычаях народов Старого и Нового Света. У них существовали сооружения, которые можно объединить одним понятием „триумфальные ворота". В Европе их древнейшие прототипы возводились для обряда очищения возвращающихся с полей сражения воинов, осквернивших себя якобы соприкосновением с врагом. Позднее „очистительные врата" стали сооружаться римлянами в честь внушительных побед полководцев. Торжественное прохождение через ритуальные ворота и сопутствующие этому народные гуляния и получили название „триумф".

Триумфаторы неуклонно следовали обычаю вывешивать вражеские трофеи на „арках победы". Существовал также обычай делать отметку, расписываться на вратах поверженных городов. Эта традиция перешла на Русскую землю. Вещий Олег, по преданию, прикрепил свой щит „на вратах Цареграда".

Крепла Российская империя — росло число триумфальных арок в ее владениях. Первой из них была деревянная, сколоченная к возвращению Петра Первого из победоносного Азовского похода (1696 г.).

У последних в истории Российской державы триумфальных ворот судьба особая. Они возводились в честь „изгнания галлов из Москвы", однако строительство слишком затянулось, до 1834 года, когда уже скончался возможный триумфатор, фельдмаршал Кутузов. Триумф как таковой не состоялся. А вот подобного рода врата — в честь императора Наполео-

Триумфальные ворота правителей
Пальмиры

Арка в майяском городе Кабахе. Доказано, что она не входила в оборонительные комплексы и, возможно, служила для триумфа индейских полководцев

на удостоились лучшей доли. Их заложили в 1806 году, чтобы увековечить выдающиеся альпийские походы Бонапарта, строили тридцать лет. Тем не менее триумф, для которого была предназначена арка, совершился. Под сводами великолепного архитектурного творения пронесли доставленный с острова Святой Елены ...прах императора.

В новейшее время все попытки вернуться к традициям триумфальных ворот оказались тщетными. Лишь отдельными отголосками отживающих гегемонистских идей проявляет себя „триумфальная” архитектура, и то, можно сказать, в стороне от столбовой дороги цивилизации.

Самые молодые триумфальные ворота, по всей видимости, возносятся в Пхеньяне. Они выполнены в полном соответствии с канонами культовых сооружений, превозносящих вожда; по фронту крупными золочеными буквами высечена „Песнь о Полководце Ким Ир Сене”, окружают текст соответствующие атрибуты, прославляющие корейского триумфатора. Это одно из наиболее грандиозных сооружений — 60 метров в высоту. Открытие их состоялось 14 апреля 1982 года.

...Открытие ворот, открытые ворота... В этом на первый взгляд обыденном явлении заложен глубокий смысл: преодоление определенного этапа пути, устремленность к новым до-

стижениям и в первую очередь – победе над собственным несовершенством.

Великие Посвященные Востока в акте открывания ворот видят глубокий по смыслу символ созидания.

„Ицзин” (китайская классическая „Книга перемен”): „Поэтому они называли закрытие ворот Исполнением, а открытие – Творчеством. Противоположность между открытием и закрытием называли переменной”.

В древнеиндусских „книгах”, в частности, упоминаются семь врат: „Ты должен проложить свой путь через семь врат, семь твердынь, охраняемых жесткими и коварными силами – воплощениями страстей”.

Для каждого из врат существует особый „золотой ключ”, духовное качество человека. К первым вратам подходит только ключ милосердия, любви и нежного сострадания. С его помощью открывается одна из истин Бытия.

„Книга золотых правил”: „Взирай, о счастливый странник! Врата перед тобой просторны и высоки, и вход в них представляется доступным, легким. Дорога, к ним ведущая, прямо и ровна и зеленеет травой. Словно солнцем залитая поляна в глубине темного леса, словно отражение райского жилища Господа”.

Символика „открытых ворот” прочно вошла в ряд наших архетипических образов, находящих на каждом историческом этапе соответствующую интерпретацию.

Леон Баттиста Альберти (архитектор эпохи Возрождения): „...явится украшением и для перекрестка, и для форума, если здесь будет портик, под сенью которого отцы могут вкушать

Пхеньянские „Ворота
Ким Ир Сена”

полдневный отдых либо подождать друг друга для разговора о делах... Но что особенно украшает форумы и перекрестки – это арки, поставленные у входа в улицу, ибо арка – как бы всегда открытые ворота”.

Здесь „открытые ворота” – метафора раскрепощенности, вольности нового времени, брешь в цитадели средневекового мракобесия, за которой раскрывается Великолепие Света и Разума. Видимо, со временем древнейший ритуал примет сугубо гуманистический характер, и поднимутся врата-памятники в честь триумфального шествия искусства, науки, культуры.

Николай Гоголь: „...весьма не мешало бы иметь в городе одну такую улицу, которая бы вмещала в себя архитектурную летопись, чтобы начиналась она тяжелыми прочными воротами, прошедши которые, зритель видел бы с двух сторон возвышающиеся величественные здания первобытного дикого вкуса... И наконец, чтобы вся улица оканчивалась воротами, заключившими бы в себе стихии нового вкуса!”

Очевидно, не будет конца у воображаемой улицы, удлинять которую суждено грядущим поколениям. А божеское покровительство ей вполне обеспечено тем же бессмертным Янусом, „добрым создателем”, умеющим упорядочивать Хаос и превращать его в абсолютное совершенство.

Дышало, не колебля воздуха, по своему закону
Нечто одно,
И не было ничего другого, кроме него.
Мрак был сокрыт мраком вначале.
Неразличимая пучина – все это
То жизнедеятельное, что было заключено в пустоту.

Ригведа

Пустота

Сталкиваясь с чем-то неопределенным, плохо организованным, лишенным порядка, предсказуемости, мы называем все это одним словом: хаос. Древние же в это понятие вкладывали изначально иной смысл. Хаос (от греческого chaos – „зеваю“, „разеваю“) означает прежде всего „зев“, „зияние“ – развернутое пространство, пустую протяженность, пустоту. Пытаясь постичь ее суть и природу, ученые открыли следующее: абсолютная пустота, вакуум, эфир есть начало мироздания.

Елена Блаватская: „Но так же, как был рожден Колумб, чтобы вновь открыть и заставить Старый Мир поверить в антиподные страны, так же будут рождены ученые, которые откроют чудеса, уже существующие, согласно утверждениям оккультистов, в областях эфира с их разнообразными и многообразными обитателями и сознательными Сущностями“.

Убедиться в правомочности подобных суждений помогают архаические памятники человеческой мысли. Оказывается, древние знали о созидательной, животворящей силе пустоты. О ней недвусмысленно сказано в Ригведе.

Толкователи Великих принципов Гермеса понимали Всеобщий эфир как особое проявление того, что теперь принято называть материей или наивысшим уровнем вселенского движения, вибрацией.

Древнеегипетская космогония обращается к восьми божествам, Огдоада, сути и части хаоса, прародителям мироздания. Первой парой были Нун и Наунет (первобытный бесформенный океан и первобытная материя); второй парой – Хух и Хаухет (беспредельное и безграничное). Затем шли Кук и Каукет (тьма и мрак) и, наконец, Амон и Амунет (тайное и сокрытое) – возможно, это ветер, ибо ветер „дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит“ (Евангелие от Иоанна).

Эта „парность“ первотворцов, между прочим, также согласуется с Великим седьмым герметическим принципом, запечатленным на „Изумрудных скрижалях“ Гермеса: „Пол проявляется во всем, все имеет Мужской и Женский Принципы“.

В китайской мифологии Тайцзи („высшее начало”, „великий предел”) – исходная точка возникновения всего многообразия вещей – существовал до разделения неба и земли, когда первоначальная жизненная энергия находилась в смешанном состоянии и была великим „всепорождающим единством” (Тайи). Согласно полинезийской мифологии во „время оно” существовало По, символизирующее изначальное „Ничто”, постепенно преобразовавшееся в ходе космогонического процесса во Вселенную. В даосизме Коре (исходное понятие) – многогранное пространство, абсолютная пустота. Она же – источник всякого происхождения, всеобщий мировой закон существования-несуществования материального „ци” в пустоте, ибо пустота – „телесность изначального „ци”. Все сущее не может распыляться и не создавать великую пустоту, которая находится в постоянном круговороте... Великая пустота не может не содержать изначального „ци” (из канонических трудов даоизма).

Тайдзигу – древнекитайский символ единения света и тьмы, добра и зла, верха и низа: мир состоит из противопоставления этих антиподов

Античные философы утверждали то же самое.

Аристотель (античный философ): „По-видимому, и Гесиод правильно говорит, делая первым Хаос. Он говорит: прежде всего возник Хаос, а уж затем Гея широкогрудая”.

Платон увидел в хаосе „всеприемлющую природу”, то невидимое и неосоздаемое, лишённое всяких физических качеств начало, которое нельзя даже назвать, наречь каким-либо именем. У Актиния хаос – величайший трагический образ космического первородства, где расплавлено все бытие, из которого оно появляется и в котором погибает...

Что именно приводит пустоту в стадию возмущения, по какому сигналу она проявляет свое созидательное начало? Нет пока ответа. Бесспорно одно: пустота – неотъемлемый атрибут движения, взаимодействий и изменений во всех их мыслимых и немыслимых проявлениях. Движение происходит всегда и никогда, везде и нигде – в безграничном безвременье – пустоте. Такие рассуждения могут, естественно, ввести в замешательство.

円
座

Энсо („центр“), („сосредоточение“). Очерченный круг предлагает найти в пустоте ту сакральную точку, о которой поучал Будда: „Когда ваше сердце сосредоточено на одной точке, тогда нет ничего невозможного“. Художник Энсо Сон, XV век

Аристотель: „В пустоте скорость движения должна быть либо бесконечно большая, либо все тела будут иметь равную скорость, но это невозможно... Пустого пространства не существует“.

Декарт (французский философ, XVII в.): „У „ничто“ нет свойств, значит, „ничто“, пустоты нет“.

Если бы „ничто“ не существовало, мы бы о нем не говорили, не смогли бы дать ему название „пустота“. Наше сознание как бы пронизывает пустоту, но ничем ее не наполняет. Парадокс! Пустота сродни нулю, без которого нет числового ряда, нет движения от „антимира“ отрицательных чисел к материальному миру положительных множеств, к рациональной мысли. Но она только воплощает это движение. Пустота – состояние за пределами каких бы то ни было суждений и утверждений. Во всей „полноте“ своих многообразных проявлений она пребывает в душе. Отсюда постулат монофологии Лейбница: не существует психической пустоты, психического „ничто“. В нашем уме нет ничего, что уже не дремало бы в виде представления в темной душе.

Возможно, Лейбниц по-своему интерпретировал кредо средневековья „Nihil vacuum apud Deum“ („У Бога нет ничего пустого“). Не исключено также, что философ в рассуждениях опирался на идею „умопостигаемого хаоса“, о котором писал Прокл как об исходном пункте всех эманаций. Нельзя также исключить, что в Европу уже во времена Прокла просочились тибетские учения, напрямую связывающие сознание и пустоту. Согласно одному из них – Великому учению совершенствования, отец – это то, что является, то есть феномены; мать – то, что осознает феномены. Отец – это блаженство; мать – пустота, воспринимающая его. Отец – сияние, мать – пустота, вбирающая его.

Тибетские философские термины, обозначающие четыре мудрости, не обходятся без пустоты: Нантон – „Феномены и

Пустота", Салтон – „Сияние и Пустота", Детон – „Блаженство и Пустота", Рагтон – „Сознание и Пустота".

Присутствие здесь пустоты чрезвычайно важно для понимания: разум в действительности имеет природу пустоты, то есть не рожден, не сотворен, лишен какой-либо формы, изначален. „Твой разум пуст, но это не пустота небытия, а разум как таковой, – свободный, трепещущий, блаженный; это само сознание. Всеблагот Бутда" („Тибетская книга мертвых").

Можно предположить, что наше сознание существует в совершенно независимой бытийно-небытийной форме, как интегрирующая материально-духовная субстанция. Это о ней, вероятно, идет речь в религиозно-мифологической системе индуизма, где кардинальное понятие Атман – субъективное, психическое начало, индивидуальное бытие „души". В то же время она – всеобщая основа и всепронизывающая первопричина, животворящий „вдох мироздания". „Это дыхание рождается из Атмана; подобно тени прошлых действий в человеке, простерто это дыхание в этом Атмане" („Катха Упанишада"). Атман непостижим, лишен каких-либо конкретных характеристик, разве что кроме одной: „не это, не это".

Брахман у индусов – высшая объективная реальность, абсолютное творческое начало, где все возникает, существует и прекращает существование.

„Шветашватари Упанишада": „Он – начало, причина, вызывающая соединение, даже лишенный частей, он видим за пределами трех времен. Он выше Древа мира, времен и всех образов и отличен от них; от него распространяется это многообразие мира".

В начале мироздания Атман и Брахман противопоставлены один другому, в конечном же счете объединяются, образуя тождество. А оно уже не поддается якобы словесному описанию.

И в самом деле, как описать пустоту? Как выразить словами гипнотическое чувство, которое испытывает писатель перед чистым листом бумаги, живописец – перед белым холстом, композитор – в безмолвии, хореограф – у пустующей сцены, архитектор – на пустыре, где суждено сбыться его творческим замыслам, произойти чуду сотворения – превращению Хаоса в Космос. В художественном творчестве пустота (интервал, пауза) проявляет себя как тождество материи и духа, то есть как Атман и Брахман.

Каббалисты понимают бесконечную, неограниченную субстанцию как Эйн-Соф („без конца"), которой нельзя приписать никаких атрибутов: Эйн-Соф в то же время является и принци-

Участник мимического танца. Осколок античной амфоры

пом, который может быть раскрыт только путем исключения по порядку всех познавательных качеств. То, что остается после исключения всех известных явлений, и есть Эйн-Соф.

Кстати, Эйн-Соф имеет еще один перевод – „без познания”. Надо полагать, существует генетическая связь между каббалистическим понятием „Соф” и античным „София” („премудрость”), а также библейским „Логос” („начало всех начал”).

Эйн-Соф, или Великое Отсутствие, заполняло все, пока не сжалось и не создало абсолютную концентрацию в самом себе, став хаосом, бездной, первоизданным воздухом, азотом. Первородное „ничто”, в нашем понимании, – абсолютная концентрация, бесконечная плотность. Однако ни один предмет не обладает бесконечной плотностью, ибо имеет какой-то объем.

В каббале это противоречие объясняется следующим образом: изначальный вакуум, или пустота, не абсолютны. Существовало некое море с прозрачными водами, внутри которого содержался свет. С его помощью и были созданы миры и иерархии. Но и он, как уверяют нас древние, меркнет перед величи- ем Небытия.

„Свет спросил у Небытия: „Вы, учитель, существуете или не существуете?” – но не получил ответа. Вгляделся пристально в его облик: темное, пустое. Целый день смотри на него – не увидишь, слушай – не услышишь, трогай его – не дотронешься. „Совершенство! – восклицает Свет. – Кто мог бы еще достигнуть такого совершенства! Я способен быть или не

быть, но не способен абсолютно не быть. А Небытие? Как оно этого достигло?..” (даосская притча).

Сугубо рациональное сознание или не приемлет небытие или признает за ним элементарное уничтожение, эсхатологический итог, конец света: слышен лишь вой ветра, плеск морской волны.

Герберт Уэллс (писатель-фантаст. „Машина времени”): „Кроме этих мертвых звуков, в мире царила тишина. Тишина? Нет, невозможно описать это жуткое безмолвие. Все звуки жизни, блеяние овец, голоса птиц, жужжание насекомых, все то движение и суета, которые нас окружают, — все это отошло в прошлое”.

Зигмунд Фрейд (психотерапевт, философ нашего века): „Если мы признаем как не допускающий исключений факт, что все живое умирает, возвращается в неорганическое, по причинам внутренним, то мы можем сказать, что цель всякой жизни есть смерть...”

Когда же мы представим жизнь шире, чем химические преобразования неорганической природы в органическую, ее завершением становится не смерть, уничтожение, а слияние с пустотой, приобретение нового качества и, значит, существование. Видимо, в таком контексте надо понимать отождествление „сознания Бытия” с рабским сознанием и тезисом: господином становится тот, кто обладает „сознанием небытия”, кто не боится смерти, кто свою жизнь покупает ценой смерти (Гегель).

Древнейшие писания учат нас именно таким воззрениям, провозглашая жизнеутверждающее начало в Пустоте.

„Дхаммапада ”:

...Увидеть нерожденные тени,
Невоплощенные черты
И на последние ступени
Взойти вселенской пустоты!
Тогда желание и случай
Не будут властны над тобой.
Вот путь единственный и лучший
Из клетки, скованной судьбой.

Как бы там ни было, мы должны признать: в великой тайне Пустоты заключено наше миропонимание.

...Китайский пейзаж тысячелетней давности: скалистые отроги гор, причудливо изогнутые деревья, и среди них — мудрый отшельник, устремивший взор в глубину открывавшегося ему мироздания.

Сергей Эйзенштейн: „Если мысленно проследить за направлением взгляда такой фигуры мудреца, то, пройдя неясные очертания растительности, долин и горных абрисов, взгляд этот неминуемо оказывается устремленным в „ничто” — в фактически белый фон картины, свободный от малейших намеков на предметы или их изображения.

От этих картин веет какой-то особой космической умиротворенностью... Этот тип пейзажа, вероятно, наиболее из возможных приближение к переживанию того погружения в „ничто”, которое индуистский Восток обозначает словом „нирвана”.

Сергей Есенин (поэт начала нашего века): „Вся жизнь наша есть не что иное, как заполнение большого, чистого полотна рисунками”.

Казимир Малевич (художник-авангардист XX в.): „Черный квадрат” — ничто, зародыш всех возможностей”.

Мартин Хайдеггер: „Пустота не ничто. Она также и не отсутствие. В скульптурном воплощении пустота вступает в игру как ищущее — проектирующее выпускание... Произведения ваяния собирают вокруг себя свободный простор, дающий вещам пребывать в нем человеку, обитать среди вещей... Возможно, как раз пустота есть вовсе не отсутствие, а произведение, ибо рассудительный взгляд на скульптуру, на собственную суть этого искусства заставляет догадаться, что истина как непотаенность бытия не обязательно привязана к телесному воплощению”.

Мысль художественного текста, не выраженная в словах, содержащаяся, как говорится, между строк, порой становится более глубокой, значимой, чем всякие разъяснения. Отсутствие (слов, форм) само по себе может выступать как знак, символ. Таких отсутствий, „пустот” в тривиальном произведении мало, и они ограничены по своему типу. (Есть даже типы у пустот!) Так, принято говорить о ненаполненной пустоте, о покинутости. Ненаполненность — ожидание, предчувствие чего-либо. Здесь господствует надежда, жизнеутверждающее начало, мечта. Так воспринимается, скажем, новый дом в канун наполнения его человеческим бытом.

Покинутость, напротив, — нечто безысходное, невозвратимое и, если говорить наиболее точно, — опустошенное. Иллюстрация к этому — величественные города майя. Они были брошены жителями по причине, до сих пор неразгаданной. И все-таки... В щемящем чувстве опустошенности, „ностальгии по настоящему” всегда тлеют искры духовной сопричастности исчезнувшему и, следовательно, сопротивления Небытию.

Так явственно из глубины веков
Пытливый ум готовит к возрожденью
Забытый гул погибших городов
И бытия возвратное движенье.

„Ненаполненная пустота“, несотворенность будоражит воображение, вовлекает в создание чего-то такого, чего еще нет, но обязательно должно появиться, произойти. На основе „ненаполненной пустоты“, к примеру, в литературе XIX века возникла особая разновидность романа – с продолжениями, между которыми – тягостная пустота, будоражащая мысль читателя, заставляющая его перебирать множество возможных вариантов окончания.

А музыкальная пауза, ее размер, место в структуре произведения? Тишина тоже звучит, звучит каждый раз неповторимо... Хлопок обеими руками слышен всякому. А как звучит он, если сделан одной ладонью? В буддийской легенде рассказывается, как юноша, ища на это ответ, перебрал чуть ли не все существующие в природе звуки: пение птиц, журчанье ручья, шелест листвы, шум ветра... Все было не то. Наконец пришло озарение: „Да это же звучание тишины!“

Тишина, „хлопок одной ладонью“ заставляет насторожиться, настроиться в предвкушении услышать нечто, неизвестное доселе. Пифагор, поверим преданию, обрекал своих учеников на продолжительное молчание, чтобы приучить юные пылкие натуры к безмолвному сосредоточению, необходимому условию размышления и постижения сложных категорий.

Генрих Агриппа („Оккультная философия“, XV в.): „В опытах магии нужны уединение и таинственность. Эти опыты усиливаются безмолвием и уничтожаются разоблачением. Будучи оглашены, они теряют силу“.

Разве трудно убедиться, что „оглашенная“ мысль теряет свою сакральность, потаенность, а молчание нередко становится выразительней всяких слов? Застывшая на сцене балерина, стоп-кадр в кинофильме, молчание актеров в спектакле... Все это сродни „звучанию одного хлопка“, тишине, пустоте.

Философское, художественное выражение Пустоты, бесспорно, относится к наиболее сложным творениям человеческого духа, отличающимся поэтому бесконечным разнообразием. Прославленный Сад камней города Киото – одна из оригинальных интерпретаций извечной темы.

Кензо Танге (современный японский архитектор): „Здесь достигнуто точное эстетическое выражение представления буддизма Дзен о пустоте: пять выразительных групп камней на чистом фоне белого песка – и все это заключено в небольшом прямоугольном пространстве. Ничего, кроме этого; но внутреннее напряжение символов – символов, воплощающих ничто, – делает это пустое пространство кажущимся бесконечным в своей протяженности”.

В архитектуре пустота, свободное пространство – не метафорическое понятие, а сама сущность, „строительный материал” для формирования особым образом среды обитания человека. Каждая музыкальная нота чередуется с паузой, архитектурное сооружение – с промежутком, текст, строка, слово – с интервалом. Какими бы малыми ни были эти пустоты – все они наполнены энергией мысли.

Пустота в изображении да-гонов

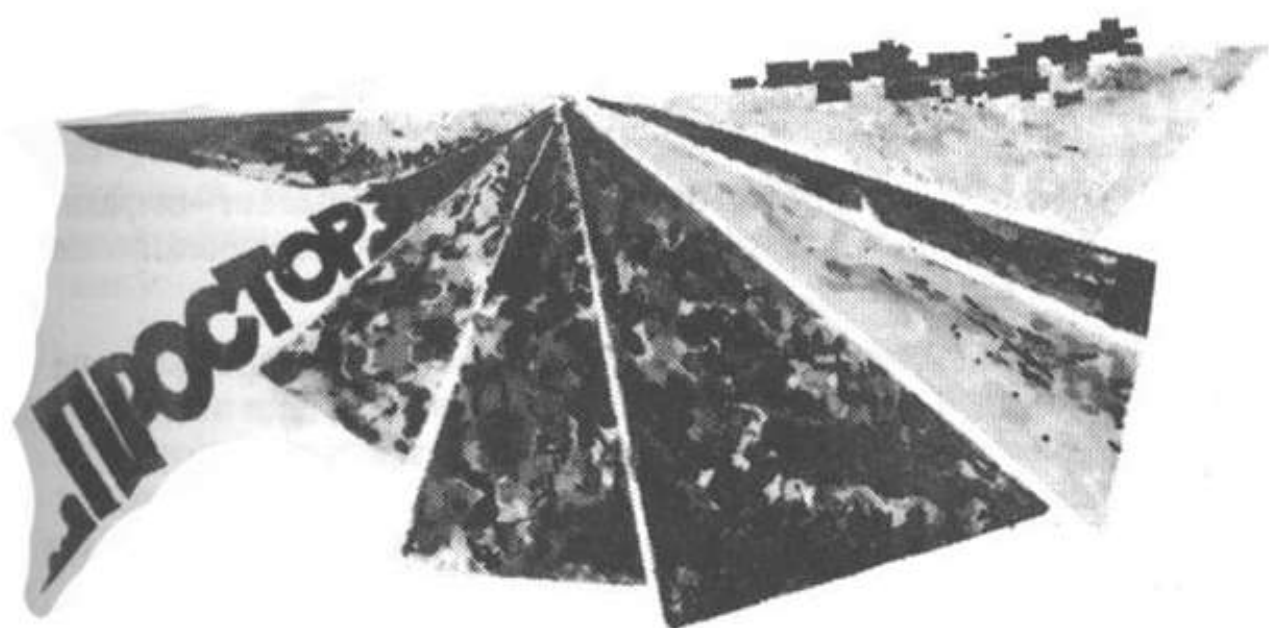
Ненаполненная пустота всегда будет манить к постижению игры пространств, объемов, понятий, но так навсегда и останется мистической, потаенной. Тем не менее, продвигаясь по Гермесову пути постижения всего сущего, мы понимаем, что сам-то он, путь, складывается из шагов – промежутков между цепочкой следов-отметин. Он вполне сравним с речью, письменным языком, где интервал многозначителен так же, как и слово, а вместе они составляют текст.

Ошо (проповедник восточных учений): „Поэтому я говорю вам: понимайте языковой процесс, процесс слов, и ищите понимание промежутков, интервалов. Это встреча с божественным, встреча с экзистенциальным”.

Язык – наиболее верный, а зачастую единственный указатель на тернистом пути следования герменевтов.

То, что над небом, что под землей,
что между небом и землей, что
зовется и прошедшим, и настоя-
щим, и будущим, — это выткано
и вдоль и поперек на прост-
ранстве.

„Упанишады“

„Попробуем прислушаться к языку, — предлагает М. Хайдеггер. — О чем он говорит в слове „пространство”? В нем говорит простор. Это значит: нечто простираемое, свободное от преград. Простор несет с собой свободу, открытость для человеческого поселения и обитания”. Те, кто серьезно занимаются формированием среды нашего обитания, тонко чувствуют дух свободы, наполняющий открытые пространства.

Оскар Нимейер (современный бразильский архитектор):
„В Архитектуре я больше всего ценю дух свободы. Архитектура — это сплав мечты и фантазии и больших открытых пространств”.

На просторе человека обуревают чувства особого свойства. Он как бы сливается с природой, добровольно растворяется в „великом ничто”. Но оно же одновременно есть и всё, поражает далью и ширью, пугает и тут же удовлетворяет благодаря ощущению единения индивида и вселенной.

Лев Толстой: „Высоко в светлом небе стоял полный месяц. Леса и поля, невидные прежде вне расположения лагеря, открылись теперь вдали. И еще дальше этих лесов и полей виднелась светлая, колеблющаяся, зовущая к себе бесконечная даль. Пьер взглянул в небо, в глубь уходящих, играющих звезд. „И все это мое, и все это во мне, и все это я!..”

Характер природного окружения накладывает выразительный отпечаток на характер, мировосприятие, проявление духа целых народов!

Николай Бердяев: „Русская душа ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безграничность не освобождает и поработачивает ее... Огромные пространства находятся внутри русской души и имеют над ней огромную власть... Русский человек чувствует себя беспомощным овладеть этими пространствами и организовать их”.

„География русской души” способствовала чуть ли не раболепному поклонению всему великому, будь то государь или тот же простор. Отсюда сравнения, эпитеты славян, которые

Порог русского простора с картины И. Левитана „Летний вечер“

соотносили все и вся именно с великим, обширным, неохватным. Любопытное наблюдение сделал западноевропейский путешественник, посетивший земли наших предков в XVI веке: славяне „не называют никого ни храбрым, ни благородным, ни бароном, ни высокородным, ни именем и не украшают их другими какими-либо титулами в таком роде“.

Народные песни, сказания, иконописные лики... Как часто присутствуют здесь непосредственно или в символическом выражении те же самые безбрежные дали и пути, влекущие за горизонт — навстречу неизвестности.

Янка Купала:

А пора настанет в землю мне ложиться —
Тень моя воскреснет, к кресту прислонится,
Чтоб глядеть бессонно в сторону, в которой
Милой Беларуси пролегли просторы.

Проникновение в умиротворенные просторы делало русича, дреговича, карелича незлобивым, приветливым, доброжелательным. И чем опаснее были странствования, тем прочнее закреплялись в характере „чувства добрые“. Нравственными нормами восточнославянских крестьян стало милосердие, сострадание, хлебосољство по отношению к пришлому страннику.

Владимир Мономах (великий князь киевский, XI–XII вв.):
„И более же всего чтите гостя, откуда бы он к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный посол... Ни единого человека не пропустите, не поприветствовав его и не подарив его добрым словом“.

А пресловутая „неразгаданная грусть“ — тоска, свойственная русской натуре? Она, вернее, то необычное состояние души, которому и название-то найти невозможно, — порождение его же, простора.

Петр Вяземский (поэт, XIX в.):

Мне не скучно, мне не грустно —
Будто роздых бытия,
Но не выразить изустно,
Чем так смутно полон я.

И еще. Можно ли рассуждать о тайнах русской души и не упомянуть гоголевское восклицание: „...и какой же русский не любит быстрой езды?!” По существу, это глубочайшее обобщение исторической, естественной закономерности: необходимости покорять бесконечные дали, в которых „тонут время и пространство”, „пускаться в путь туда, где не видать конца и края, только синь сосет глаза”. Отсюда естественное желание — „гнать лошадей”, чтобы не задерживаться слишком долго в дороге.

Алексей Тимофеев (поэт прошлого века):

Оседлаю коня, коня быстрого,
Полечу, понесусь легким соколом
От тоски от змеи в поле чистое.

„Тише едешь — дальше будешь” — поговорка, кстати говоря, не русская, рожденная в гористой Италии.

Императрица Елизавета Петровна, унаследовав динамичный дух Петра I, по свидетельству современников, „в двое суток проезжала тогдашний путь от Москвы до Петербурга, исправно платя за каждую загнанную лошадь”.

Екатерина Вторая, урожденная немка Софья Фредерика Августа Анхальт-Цербстская, бывало, по тринадцати часов в

Воины Ярослава в бою. Из Кенигсбергской летописи

сутки скакала верхом, заявляя: „Я хотела стать русской, чтобы русские меня любили”.

„Русь – быстрая тройка” – не столько сравнение, сколько прозорливое отождествление, сделанное нашим гениальным соотечественником.

Необъятный простор, „долина ровная”, с которыми приходилось считаться славянину, воспитали в нем непреходящую терпимость, ставшие чертами национального характера. Древние памятники свидетельствуют: Святослав „в походах же не возил за собой ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину, поджарив на углях, так ел, не имел он и шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах; такими же были и все прочие его воины”.

„Однако такая их жизнь в поле, – заметил гость из Англии времен Ивана Грозного, – не столь удивительна, как их выносливость, ибо каждый должен добыть и нести провизию для себя и для своего коня на месяц или на два... Много ли нашлось бы среди наших хвастливых воинов таких, которые могли бы прожить с ними в поле хотя бы только месяц?”

А естественность, непосредственность в общении, мудрая простота наших предков-соотечественников, сказочных героев-Иванушек? Не вольный ли дух простора губит всякую фальшь и напыщенность? Случайно ли так созвучны „простота” и „простор”?

Ширь неоглядная. Пространство бескрайнее. Для живущего в „стесненных условиях” европейца, скажем, они – ярчайший образ, „первофеномен” (Гёте), вызывающий у соотечественников немецкого писателя чуть ли не ужас. Фауст приходит в смятение, услышав о материях, вокруг которых „один сквозной беспочвенный простор”. Молодой Энгельс признался, что разгадал, по-настоящему понял „детские сказки Гриммов”, как только познакомился с северонемецкой степью: „Они – воплощение чувств, которые охватывают одинокого жителя степи, когда он в подобную бурную ночь шагает по земле своей родины или же с высокой башни созерцает пустынную гладь ее... пустынность, которая пугает даже в яркий день”.

У жителя русских равнин неоглядные дали вызывали чувство вовсе не страха, а гипнотического восторга.

Николай Гоголь: „У него захватывало в груди, и он мог только произнести: „Господи, как здесь просторно!”

Если вдуматься в истоки становления западноевропейской культуры, можно прийти к выводу, что Римская империя

передала средневековой Европе в наследство драматическую судьбу, борьбу двух противоположных путей развития. Этот альтернативный ход событий выражен в легенде о происхождении города: Рим, ограниченный стенами, восторжествовал над Римом без стен, без границ (мечта несчастного Рема). Римская история так и осталась историей закрытого, хотя и грандиозного мира.

Средневековый католический костел стиснут со всех сторон городскими строениями, вынужден тянуться выше и выше, чтобы дышать, сделаться видимым богу. И – православный собор. Он полной грудью „дышит” простертой вокруг ширью, и сам как бы концентрирует ее в себе.

Каноны старинного градостроительства на Руси запрещали заслонять божий храм. Действовал закон „прозоров”, обязывавший оставлять „коридоры” в застройке, чтобы любоваться храмами издалека. По сути „прозоры” – своеобразная интерпретация интервалов, промежутков – пустоты средствами зодчества. В равномерной застройке они – некое событие в сквозном сюжете архитектурного представления. „Прозоры” позволяли созерцать красоту пейзажа, простора. Духовное единение с ними наложило отпечаток на характер русича, а это виднее, как говорится, со стороны.

Вальтер Шубарт (немецкий ученый. „Европа и душа Востока”): „Западноевропейская культура покоится на страхе перед импровизациями. Ничего она не боится больше хаоса. Для нее это абсолютно ничто. Русский ждет его с тайной радостью. Для него он является переходом к самому совершенному миру”.

Отсюда, надо полагать, исходит резкое неприятие русичем любого посягательства на его волю, простор самореализации, будь то иноземное нашествие или внутренняя несвобода. Иное самосознание просто не могло сформироваться под воздействием „непостижимой, тайной силы” Руси – Простора.

Николай Гоголь: „Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройти ему?”

Анархизм (а свидетель тому сама история) сделался наиболее приемлемым для натуры наших предшественников. Княжеская форма правления, когда властелин воспринимался как лучший среди равных, герой, наиболее полно соответствовала русскому духу.

С установлением жесткого самодержавия начали вспыхивать бунты, называемые подчас бессмысленными. На самом

деле они имели все же потаенный смысл: никому не позволено ущемлять Простор, покушаться на широту души, стеснять потребности национального духа. Бунтарство, жажда и призыв к „буре“, революционный порыв, разрушение „оков“ — все это создало образ необузданной вольницы, Руси, несущейся неведомо куда. Пресловутая русская безалаберность, бесшабашность — тоже своего рода... противление определенной регламентации, жесткому порядку, несогласуемому со свободной стихией простора.

Николай Гоголь: „...что пророчит сей необъятный простор?“

Восстание в Москве в 1547 году. Иллюстрация Лицевого летописного свода, XVI век

Размышляя о стране безграничной свободы духа, стране странничества, Н. Бердяев делает вывод: „Странник — самый свободный человек на земле“. Величие русского народа и призванность к высшей цели сосредоточены в типе странника. От обители к обители, от скита к скиту, от пустыни к пустыне — из дали в даль шел не просто инок: распространялись письменность, этические, художественные каноны православия. Во имя спасения души странник нередко становился отшельником, коротая жизнь вдали от мирской суеты, в полной мере созерцая пустоту. Сначала появлялась пещерная келья, скит, а позже — храм, монастырь, пустынь.

Родословную отшельничества надо искать, конечно, в Египте. Там оно имело две разновидности: древнеегипетский „инок“ селился в пустыне по примеру Св. Антония или объединялся с другими в общину, подобно обители Св. Пахомия.

Уже в древности на Синае „пустынно” жили скитальцы, лица безмолвия и уединения. В V веке весь пустынный синайский край был буквально усеян скитами. Полагают, что гору Синай опекал Магомет, повелев своим полководцам не нарушать покой пустынников. Действительно, при завоевании этих мест магометанами Синайский монастырь остался нетронутым.

Даниил Андреев: „Пустыня в состоянии покоя... являет человеческим очам такой величавый простор, такие мирные и чистые дали, а небо зияет над ней с такой очевидной божественностью, что, вероятно, нигде... нет областей, более способствующих созерцанию Единого. Легко понять, почему четкое единобожие возникло и утвердилось именно в странах с великими пустынями”.

Как же все это сказывалось на формировании мировосприятия, характера тех народов, места обитания которых бескрайними никак не назовешь? Древнего египтянина, к примеру, привыкшего к своим равнинам нильской поймы, могли привести в ужас тесные ущелья, узкие пути. Сохранились впечатления египетского путешественника, очутившегося в Сирии: „...дрожь охватывает тебя, волосы головы твоей дыбом, твоя душа в пятках, дорога твоя загромождена глыбами и мелкими камнями, так, что нет удобного пути: пропасть на одной стороне твоей, а гора на другой”.

В определенном смысле можно говорить о „власти пространства” над душой того же египтянина, сына плодородной долины Нила. Белый свет, в его представлении, сошелся на живописной реке, она делит мир на две равные части. Оба плоских берега — хорошо освоенные земли; дальше — однообразные пустыни. Куда бы ни направиться путнику, перед ним откроется одна и та же картина. Перспектива не изменится, пока не встанут горные хребты — естественные границы страны. В из-

Посещение паломниками отшельника Антония. Древнерусская миниатюра. „... Антоний же приде Киеву... Возлюби место и нача молиться Богу”

вечной монотонности пустынь каждый след, любое растение или холм необычных очертаний, впадина, образованная бурей, становились важными ориентирами, вехами, разделяющими „дальнюю даль”. Они же неизменно приобретали индивидуальность, одушевлялись человеком.

Особенности египетского простора, очевидно, в значительной степени повлияли на художественное творчество, отличающееся пропорциональным взаиморасположением элементов, гармоничным равновесием частей в произведениях искусства. Архитектура же фараонов и вовсе подчинена идее соразмерности, симметрии. Гипертрофированные объемы храмов, дворцов, пирамид олицетворяли собой Вечность и Простор.

Открытые пространства, ширь, простор – необходимое условие для самопознания, уединенного, ничем не отвлекаемого общения с космосом.

Артур Шопенгауэр (немецкий философ, XIX в.): они дают нам „меру нашей собственной интеллектуальной ценности, коей хорошим масштабом вообще может служить степень нашей способности выносить или любить уединение”. Поэтому мы видим „оттенок высокого” в пустыне, „высокого” в низкой степи, так как в ней к состоянию чистого познания в его спокойствии и самодовольстве примешивается, как контраст, напоминание о зависимости и бедности воли, нуждающейся в вечном покое”.

Опрометчиво, пожалуй, объяснять определенное сходство славянской природы с характерными чертами жителей Востока географической близостью этих народов. Не вернее ли исходить здесь из одинаковых условий формирования „коллективного бессознательного” – в гармонии с простором? Справедливо подмечено: в складе души, отношении к жизни у россиянина много общего с далеким от него североамериканцем. Не из общности ли судеб – необходимости освоения великих просторов – возникло это родство?

...Феномен простора предполагает безграничную свободу движения, выбора пути, осознание того, что человек – вечный странник.

Ригведа: „Оставьте все и следуйте за мной”, – зовет христианская миссия. „Кто не движется ни близко, ни далеко, кто не настоящие брахманы, не приготавливающие сому, те, плохо владея Речью, ткнут негодную пряжу, не сознавая этого”.

Самым тягостным испытанием для Ильи Муромца, его богатырского духа, стала его многолетняя неподвижность, лишившая прирожденного странника „чиста поля”. Древнеки-

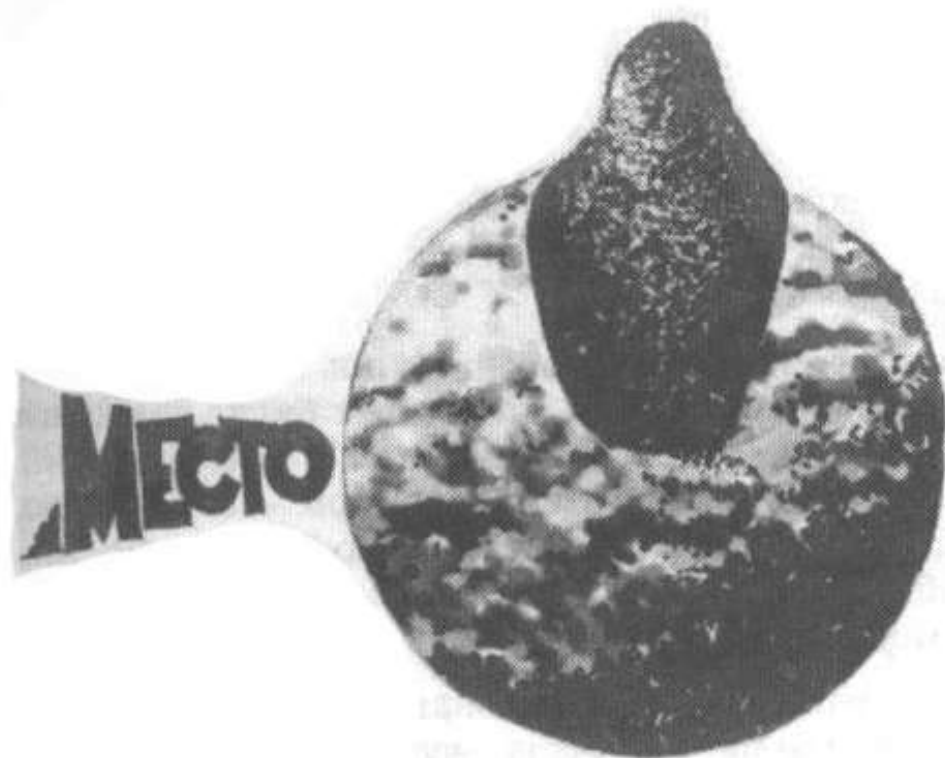
тайское понятие Дао („путь“) выражает идею одухотворенности пустоты, наличия именно там символического пути. Дао — причина и следствие пути одновременно, а главное, его направленность! Путь немыслим без направления! Всякое отрицание этого — игра воображения, абстракция, художественный вымысел.

Карлос Кастанеда: „Все пути одинаковы — они никуда не ведут... Но у одного есть сердце, у другого — нет. Один путь доставляет радость, и пока ты идешь по нему — ты неотделим от него; а другой путь заставляет тебя проклинать всю свою жизнь. Один путь наделяет тебя силой, другой — лишает ее“.

„Сердце“ пути и есть его целенаправленность, подразумевающая некоторое Завершение, неизбежный итог, достижение судьбой отведенного Места.

Ничто не уничтожается в мире,
ничто не делается добычей пус-
ты, ни даже слова и голос чело-
века, все имеет свое место и
свое назначение.

Книга Зохар

Всматриваясь в лежащие под крылом самолета дороги, Экзюпери был осенен мыслью: да они же обманывают нас веками!

Сент Экзюпери (писатель, летчик): „Мы были точно императрица, пожелавшая посетить своих подданных и посмотреть, довольны ли они ее правлением. Чтоб провести ее, лукавые царедворцы расставили вдоль дороги веселенькие декорации и наняли статистов водить хороводы... И мы обманывались... их бесчисленными изысками, словно утешительной ложью”.

Так ли уж обманчива по своей природе земная дорога, призвание которой соединять обжитые, отмеченные присутствием человека участки суши, имеющие для него практическое или символическое значение? Дорога всегда выведет человека к человеку. „Не беспокойся, куда-нибудь ты обязательно попадешь, конечно, если не остановишься на полпути”, — убеждает нас один из сказочных персонажей Л. Кэрролла. Дорога, путь, естественно, начинается с того или иного места и идет к другому.

Аристотель: „...из всех видов движения самым обыкновенным и в собственном смысле движением будет движение в отношении места, которое мы называем перемещением... Если все существующее находится в некотором месте, то ясно, что должно быть и место места, и так далее до бесконечности... Все это по необходимости заставляет нас задавать вопросы не только о том, что такое место, но и существует ли оно вообще”.

Со времен Аристотеля, надо признать, философия не далеко ушла в понимании феномена места, толкуя его как единство неких пространственных границ и объема или протяженности, определяемых этими границами.

То, что мы называем местом, характеризуется не только какими-то геометрическими параметрами, а и ясно выраженным личностным к нему отношением. Каким прибором можно „очертить” места „памятные”, „таинственные”, „страшные”, „святые”? За понятиями подобного рода стоит сложнейший феномен субъективного мировосприятия, находящегося в

Ту, древнекитайское обозначение
стихии земли, центра. Словно
крест водружен в сокровенном
месте

сложном и органическом единстве с объективной реальностью. В мифологии пространство предстает физической реальностью и в то же время воспринимается как место действия, место пребывания и, следовательно, часть мира, имеющая некий центр, окраину, направленность.

Встав на путь, подсказанный Гермесом, мы вновь обращаемся к первомыслям, архетипам человека. А его и в древнейшую эпоху мучили вопросы: откуда я? Что все это, меня окружающее?

Поиск ответов, порой и тщетный, приводил в конце концов к примирению с реальностью, когда человек находил всякому предмету или явлению присущее им место в структуре бытия, как бы расставляя необходимые вещи в пустой квартире или раскладывая товар в витрине.

Когда место было окончательно определено, оно получало название, включалось в сферу понятий, таких как „местопребывание” (особый угол бытия). Оно сродни второй сущности человека, „внешней” субстанции его души. Иметь свое место стало означать полноценное, полноправное пребывание в этом мире.

Белорусское „змест” (содержание) имеет и другое, очевидно, более древнее, изначальное значение: внутренний, глубинный смысл, сущность чего-либо.

Дальмен. Доисторическое сооружение над захоронениями

Кромлех. Каменные отметины первобытного места

„Место, где привязано солнце”. Святня империи инков

Праславянское святилище, XV–XII вв. до н. э.

Царь Соломон : „Как птица, покинувшая гнездо свое, так человек, покинувший место свое”.

Жители древнейшей цивилизации Шумера верили: где-то существует Абзу, потаенное место, хранилище Ме – сверхъестественных сил, управляющих всем божественным и земным. Ме могли селиться в городах, храмах, могли и покидать их, перевоплощаться, не теряя при этом своих способностей. В одном из мифов богиня Инанна, покровительница культуры, желая облагодетельствовать свой город Урук, похищает для него Ме у бога мудрости Энки, захмелевшего на пиру. В данном случае Ме олицетворяет все необходимое для полноценной жизни горожан: моральные нормы с их антиподами, каноны искусств и ремесел, жреческие и царские атрибуты, эротические понятия... Ме – обязательная принадлежность богов, причем каждый обладает им в равной мере.

Предположим, что этимология древнегреческого слова *mestos* („наполнение”) связана с понятием „Ме” („суть”, „сущность”). Тогда происходит следующая метаморфоза: некая сущность (Ме) в результате определенного движения, изменения (S), достигая итогового рубежа (Т), воплощается в конкретное, „наполненное” субстанцией „Место”.

Общеизвестное понятие „мемориал”, памятное, сокровенное место ритуалов, видимо, аналогичного происхождения, объединившее две смысловые части: „Ме” и „*mores*” (древнегреческое „обычай”, „нравы”).

„Человек – мера всех вещей”, – утверждали древние. Эту мысль, кстати говоря, можно выразить всего одним словом –

мера, состоящим из многозначительного Ме и Р (символ человека). Ведь человек — то непреодолимое, но очевидное „вот“, которое не „состоит из“ разных элементов мира, открыто всему сущему как единственное место, способное вместить Целое (М. Хайдеггер).

Мифология иудаизма также запечатлела образ, обуславливающий сакральность местонахождения, — Шехина. Само имя бога (переводится как „пребывание“) выражает его деятельное присутствие в бытие. „Грехопадение“ Адама и Евы вынудили Шехину покинуть землю, подняться на седьмое небо, но благодаря стараниям семи праведников, их благим делам она возвращается обратно. Средневековые традиции пытаются выдать Шехину за самостоятельную сущность, наделяя ее благородной миссией — крепить связь человека с богами, посредничать между ними (не в помощь ли Гермесу?).

Идея места прослеживается и в образе Вишну в ведических источниках („Атмабадха“). Он „подобен пространству, вездесущий владыка чувств, соединенный с различными упадхи“. Упадха — условие, придающее сущности конкретную форму.

В список божеств, устанавливающих порядок, регулирующих местопребывание, следует занести и Нденгене. На островах Фиджи его принимают за творца ландшафта и людей. Именно он расставил все по своим местам.

Не уступает ему и Обаси-Оса. В мифах экон он — демиург, создавший мир, место всего и вся. Японское божество О-Куни-нуса („хозяин великой страны“) также ответственен за устройство мира. Именно ему посвящено первое святилище, напоминающее своей архитектурой человеческое жилище, место.

Ламаистский храм. Монголия

Святилище гавайских аборигенов

Святое место — символ японцев многих поколений, где, согласно поверьям, обитало божество Мусуби

План монументального строения. Древний Афганистан

Прощаясь с учениками, Иисус Христос произносит: „Я иду приготовить вам место, а приготовивши, Я возвращусь и возьму вас к Себе, чтобы и вы были там, где Я”.

Боги сотворяли место непременно как „среду обитания”, „сферу влияния”. У буддистов оно называется Буддакшеттру, у брахмы — Брахмалока, „мир Брахмы”, который располагался на седьмом небе, где нашло себе место и вьетнамское божество Айдие, которого соединяла с землей трясина, затвердевающая по ночам.

Местопребывание божеств царства Майя, откуда приходят души умерших, называлось Тлалоканом. (Случайно ли присутствие „лока” в этих родственных по смыслу словах — Брахмалока и Тлалокан, обозначающих сферу ЛОКАлизации божеств различных культур?)

С доисторических времен „местопребывание” окутано таинственной, мистической дымкой.

Упанишады: „Поистине, кто знает местопребывание, тот бывает местопребыванием своих и местопребыванием других людей. Поистине, разум — местопребывание”.

В зависимости от душевного состояния место способно исчезать, вновь проявляться, превращаться даже в „точку”.

Карлос Кастанеда: „Точка — это такое место, где человек чувствует себя счастливым и сильным... Хорошее место называется „точкой”, а плохое — „недругом”.

В данном случае „точка” вовсе не геометрическое, а, скорее, экологическое, социальное понятие, связанное с устройством нашей планеты.

Любая часть пространства может превратиться в место с огромным психологическим потенциалом, если проявятся наша воля, активное сопричастие.

Папюс (исследователь оккультизма. „Практическая магия“): „Так, например, возвращаясь вечером после продолжительной прогулки, при сильном желании отдохнуть, вызовите напряжение воли и отправьтесь в место, находящееся на расстоянии получаса ходьбы, поднимите первый попавшийся под руки камень или другой предмет и тогда уже вернитесь домой. Это место и вещь, символ произведенного усилия, будет для вас талисманом более действенным, чем все амулеты и четки. Весь секрет психического действия паломничества заключается именно в этом”.

В мифах наш предок странствует от одного места к другому – по всей принадлежащей племени территории. В результате происходило как бы осмысление природной среды, фиксировалось нечто доминирующее в ней или просто уникальное. По существу, шло географическое исследование, по которому можно составить карту местности, совокупности мест, освоенных человеком, и отыскать на ней сокровенные, наиболее интимные клочки суши, наделенные смыслом, „душой”, логосом. К таким участкам территорий (местностям, местечкам, мясцінам) мы применяем эпитеты – родные, родимые.

Даниил Андреев: „Если же я знаю, что всякий мой шаг есть прикосновение к телу родимой Земли; что малейшие изгибы почвы, изменения ее влажности и сухости, прохладности и теплоты, плотности и рассыпчатости есть не что иное, как ее

*Языческое святилище белорусов,
X–XI века*

речь ко мне, не что иное, как прикосновение к подошвам моих ног этой всеобщей Матери, любящей меня как свое дитя и еще какую-то непостижимо горячей, сверхчеловеческой любовью, — я испытываю, кроме телесного удовольствия, непередаваемое чувство, похожее на ласку любви, и теплую, упоительную радость”.

Чувство родины соизмеримо с чувством Всевышнего, о земном местопребывании которого человек начал заботиться уже в глубокой древности. Храмы с самого начала отличались от всех иных строений размерами, планировкой, внутренним убранством, положением на местности. Архитектура культовых построек достигала высочайшего для своего времени уровня, соответственно сформировавшемуся представлению о месте общения с ним.

Будда: „Всюду, где мудрый человек поселяется, он приносит богам этих мест жертвы, почитаемые и уважаемые им боги почитают и уважают его. Как мать заботится о своем любимом сыне, они заботятся о нем”.

Кочевые народы в силу особого уклада своей жизни не могли „привязывать” себя к определенному месту, поэтому они и не устраивали кладбищ, не сооружали надгробий. Бедуины, например, просто закапывали покойника. Доисламские арабы, прощаясь с почтенным воином, на месте его погребения убивали верблюда и навсегда покидали захоронение.

Мусульмане поучали: „Нельзя на могиле правоверного оставлять какие-нибудь памятники. Ее надлежит сровнять с землей таким образом, что, сделав семь шагов в сторону, ее нельзя было бы отличить от окружающей почвы”. Завоеватель Египта арабский полководец Амир Ибн аль-Ас завещал: „Когда я умру, то не плачьте по мне, не отмечайте моей могилы ни деревом, ни камнем...”

В завещании Чингисхана фактически такая же просьба: на месте захоронения прогнать табун лошадей, чтобы они уничтожили все приметы могилы.

Тем не менее ислам не мог обойтись без своих мест, позволяющих концентрировать идеи мусульманского мира. Храм всех, кто исповедует веру в единого Бога, пророк Мухаммед назвал масджидом, „местом, где совершаются земные поклоны” (в русской интерпретации — мечеть). Интересно, что первоначально мечети выполняли общественные, вполне светские функции, служа кровом для судебных разбирательств, оглашения указов, обучения детей. Только после X века мечеть превращается исключительно в „дом Аллаха”.

Иначе вели себя предки оседлых земледельцев, скотоводов. Они, естественно, старались сродниться со своей землей, закрепить на ней духовно. Природные объекты наделялись ими различными антропоморфными или сверхчеловеческими свойствами, населялись духами. Они расписывали стены пещер, выдалбливали изображения на открытых скалах, создавали более или менее долговечные конструкции из дерева, камня, изначальные прототипы храмов.

Тогда человек, видимо, воспринимал место значительно глубже, нежели „пространство, занимаемое телом” (В. Даль). Как ни велик Аристотель-мыслитель, но и он вынужден был признать: „Чем-то великим и трудноуловимым кажется место” (topos). Философ исследовал проблему места исключительно в „Физике”, лишенной всякого духовного „коэффициента”. Отсюда и выражение „трудноуловимый topos”.

Гегель: „Мы не можем обнаружить никакого пространства, которое было бы самостоятельным пространством; оно есть всегда наполненное пространство; и нигде оно не отлично от своего наполнения?”

Уильям Шекспир: Все те места, что призывает небо,
Мудрец находит гаванью счастливой.

М. Хайдеггер видел в месте прежде всего его духовные ценности, называя простор „высвобождением мест, вмещающих явление бога, мест, покинутых богами, мест, в которых божественное дело медлит с появлением”.

В Библии странники радовались пустынному Синаю, потому что „видели место стояния Бога... видели место Бога”.

Обращение к Всевышнему выглядит как подтверждение: мера всех вещей — человек, самопознающая часть мироздания. Именно этот феномен порождает место, которого нет без реального или подразумеваемого присутствия человека. Пустынное место — также предполагает присутствие человека — в прошлом, будущем, гипотетическом.

Ошо: „...меня с вами не будет. Будет только мое пустое кресло, но не унывайте, потому что в некотором смысле я буду с вами... Только тогда, когда вы сможете почувствовать мое отсутствие, вы сможете почувствовать мое присутствие”.

Иоганн Гете: „Не всегда необходимо, чтобы истинное телесно воплотилось, достаточно уже, если его дух веет окрест...”

Бездну космоса никогда не назовут местом, и не потому, что она бездонна, а потому, что безлюдна. Лишь ничтожно ма-

лые участки внеземного пространства видятся местом, только благодаря человеческому прикосновению к ним: место высадки на Луну, место посадки аппарата на Венере...

Не пришлось бы изменить ироничное отношение ученых к геоцентрической модели Вселенной с ее „ущемленным“, „донаучным“, толкованием мироздания. Мы обречены иметь только один „центр Вселенной“, местопребывания человечества. Нигде кроме Земли человек не найдет место, адекватное своей сути, никогда не преодолет того природой данного притяжения, которым обладает место. Место неотделимо от человека, необходимо ему как способ персонификации в этом мире, как форма проявления личности.

Мартин Хайдеггер: „Человек принимает присутствие Места как дар... При неявлении этого дара бытие явилось бы не просто потаенным и не просто всего лишь за замком, но человек не был бы человеком”.

„Житие Ефросиньи Полоцкой” рассказывает: на закате жизни (XII в.) княжна, игуменья, выдающаяся славянская просветительница решила совершить духовный подвиг в Святую Землю. Достигнув Иерусалима, она обратилась к Господу с молитвой, чтобы он позволил умереть в городе, где произошло искупление греха рода человеческого. В скором времени преподобная паломница занемогла и скончалась вдали от родины. Похоронили ее в палестинской земле, на месте, которое было предварительно выкуплено самой Ефросиньей.

Для большинства соотечественников прославленной подвижницы не было необходимости искать святые места за морями и горами. Этим качеством наделялись родные просторы, освящаясь жизнью предков и сородичей.

Легендарный крест Ефросиньи Полоцкой, реликвия всей древнеславянской культуры

Александр Блок: Ты прости нас, старушка ты божия,
Не бери нас в Святые Места!
Мы и здесь лобызаем подножия
Своего, полевого Христа.

Место всегда значительно в истории того или иного народа как обладатель сакрального, объединяющего людей смысла. В патриархальные времена существовали, например, места-убежища, где, опасаясь возмездия, проживали невольные убийцы или подозреваемые в этом злодеянии. У греков такими убежищами были Дафны, храм Артемиды в Эфесе.

Существовали и места мучений. Достаточно назвать „Геенну огненную”. Происхождение этого словосочетания связано с долиной Енном, близ Иерусалима. Ее стали отождествлять с местом нескончаемых мучений за то, что там приносили в жертву детей богу Молоху. Позже в долину стали свозить трупы казненных преступников, падаль, предавая все огню.

Большую надежду возлагали древние на места-исцеления. Одним из таких является святилище (знарат) на труднодоступном Сулиманском хребте. К нему и сегодня труднейшими тропами доставляют больных, немощных, не теряющих надежду на исцеление,

Немало еще на Земле мест, полных неразгаданных тайн. Кое-где магнитное поле планеты загадочным образом искажается, возмущается. И тогда в одном из этих мест творится нечто необычное: домовые разбрасывают вещи, появляются признаки НЛО, загадочно исчезают люди и машины, наблюдаются вспышки массового помешательства или истерии. Исследуя места аномальных явлений, геологи, физики, психиатры нередко обнаруживают, что там уже побывали археологи, а до них — творцы древнейших святынь.

Стоунхедж — доисторический британский каменный комплекс, кромлех, — заложен как раз посреди таинственного места. То же можно сказать о Дельфах (обиталище священного оракула античности), Баальбеке (крупнейший храмовый комплекс римской эпохи), Вифлееме (место рождения Иисуса Христа), Лурде (город во Франции, место паломничества, связанное с „чудесным явлением Богородицы”)...

Каким же образом древние выявили подобные места, чтобы затем зафиксировать их величественными постройками? Для нас это — пока тайна. Хотя мы знаем, что многотонные глыбы для Стоунхеджа доставляли вроде бы за сотни километров на место, которое ничем не выделяется из окружения.

Кое-что, правда, известно из того, как древними готовилось место, наделялось магическими свойствами.

Царь Соломон: „Надо выбрать чистое и подходящее место. Там не должны жить перед этим по крайней мере в течение семи дней, в особенности женщины. Его надо обить новым чистым белым полотном и освятить, говоря: Боже предвечный, Мудрый, Сильный, Могущественный. Существо существ! Посети это место и освяти его своим присутствием...”

„Чудесное указание места для построения Великой церкви”. Иллюстрация Патерика Печерского

В средние века Ватикан предписывал возводить храмы на месте старых, ибо новостройки якобы обретают святость своего места. Оно не терпит пренебрежения к нему, отторгает чуждое. Не с этим ли связана плачевная судьба „самозванцев”, претендующих на место? Достаточно хотя бы вспомнить поучительную историю с Дворцом Советов, некогда возводившимся на месте Храма Христа Спасителя, да так и не вышедшим из „нулевого цикла”.

Религиозные апологеты, приверженцы идеалистических воззрений, считают высшие духовные качества объективной сущностью мест.

Адин Штайнзальц (раввин): „Святость места — понятие объективное и не зависит ни от каких обстоятельств. Однако для ее осознания человек должен удостоиться определенного

откровения, ибо святость лишь в исключительных случаях становится явной в материальном мире”.

Даниил Андреев: „По-видимому, уже недалеки те времена, когда открытие естественными науками особого рода излучений земной поверхности заставит изменить взгляд на многое... Будет установлено, что почва есть как бы резервуар, накапливающий, хранящий и отдающий энергию излучений за огромные промежутки времени, а сами источники излучений пребывают в мирах другой материальности...”

Чем же тогда объяснить агрессивную неприязнь к святым местам, посягательство на них некоторой части людей? Если верить религиозным наставлениям, без встречных усилий разума и духа понятие „святость” у человека проявляется в слабом, неотчетливом виде, отчего нередко рождается сильное мятежное чувство протеста, ненависти к святыням. Так что высоту духовности того или иного народа, поколения, отдельного человека следует измерять не только тем, что они создали, но и тем, что сумели сохранить, не разрушить.

Известно несметное число мест поклонения, паломничества, ритуальных шествий, торжественных церемоний... Впрочем, одному и тому же месту могут поклоняться в различные эпохи. Такие места, словно наследство, реликвия, передаются от поколения к поколению. В краеведческих записках столетней давности найдем упоминание о святых местах белорусов.

Павел Шпилевский: „...по славянскому обычаю, ни одно собрание общественное не назначалось без испрашивания на то воли богов, то и сходбища кривичей ознаменовывались жертвоприношениями истукану, бывшему на возвышении, на горе, или воображаемому божеству. Тут, на возвышенных местах, приносили в жертву птиц, зверей и даже камни; тут совершались игрища, пляски, народные пирушки, ворожба, гадания знахарей-вещателей, обряды праздников и общественных событий. У подошвы этих возвышений погребали героев, старшин, вождей и вообще прославившихся чем-либо собратьев; на могилах их насыпали копцы, которые впоследствии срастались с самими возвышениями и образовывали большую гору. Сначала только по временам собирались на эти возвышения; но потом некоторые места делались любимыми, постоянными — к ним привыкали, им давали знаменательные названия от какого-нибудь замечательного обстоятельства или жертвенного обряда...”

Назвать, наименовать место означает вовлечь его в сферу нашего бытия как неотъемлемую данность. Древнешумерская поэма „Энума Элиш” („Когда вверху”), описывая начало све-

та, отождествляет его с наделением всего сущего именами. Небытие было тогда, когда „ничто по имени не было названо... когда вверху небеса именованы не были”. С получением своего имени место как бы одушевляется. В языке слово, заменяющее имя, является местоимением. Случайно ли? А вот все недостижимое, непознанное так и остается безымянным. Наиболее сокровенные места, связанные с родовой памятью, также нарекались именами.

Марсель Пруст (французский писатель начала нашего века): „И насколько же своеобразнее стали эти места оттого, что у них оказались имена, свои собственные имена, как у людей!.. Имена, создавая неясный образ не только людей, но и городов, приучают нас видеть в каждом городе, как и в каждом человеке, личность, особь...”

Египтяне считали имя даже смертного человека в качестве его существенной части, атрибута, права на Место.

Атум (древнеегипетское божество): „Нарекли меня Атум... И сказали мне мой отец и моя мать мое имя, и скрыто это в моем теле с моего рождения”.

Более того, имя фактически отождествлялось с человеком, народом, страной. Сохранился ряд глиняных чаш, на которых фараоны Среднего царства начертали имена враждебных племен Палестины, Ливии и Нубии, имена их властителей. Такие чаши торжественно разбивались во время особой церемонии, цель которой – погубить всех врагов. Участники священнодействия веровали: уничтожая имена своих врагов, они приносили им реальный вред.

Древнеримский гений (покровитель) места в виде змеи

Генрих Агриппа: „Римляне обыкновенно соблюдали обычай, когда осаждали какой-нибудь город, спрашивать раньше всего имя города и божества, под защитой которого он находился. Зная их, они заставляли уйти богов-покровителей этого города и, наконец, лишив город покровителей, они становились его владыками в их отсутствие, как говорит Вергилий: „Все боги, повелевавшие или управлявшие этим местом, ушли и покинули свои храмы и алтари”.

Библейский Адам, хотя и был изгнан из рая, обрел божий дар – „называть вещи своими именами”, став первым „жрецом топонимики”.

Иисус Христос: „Имена ваши написаны на небесах”.

Каждая ветвь Адамовых сынов пополняла список названий мест, собственных, неповторимых. Потому-то всякая культура и отличается уникальностью хранящихся в ней наименований.

Архаическая мудрость связывает воедино человеческую речь, имя и место в духовном путешествии, процессе познания мира.

Упанишад: „... без познания речь не может дать знать ни о каком имени. Разум мой был в другом месте, говорит человек, я не познал этого имени”.

В даосизме имени и вовсе отводится сакральное, неподвластное человеку значение: „Имя, которое можно назвать, – не истинное Имя”. В то же время тысячелетняя практика магов основана на имени произнесенном. Их церемонии, молитвы начинаются с оглашения имени любимого учителя, а заканчиваются обращением к имени планетного гения, владеющего темпераментом мага.

Как бы там ни было, имена – своего рода вехи, отмечающие этапы нашего познания бытия, духовного путешествия.

Алексей Лосев (мыслитель нашего времени): „То, что имя есть жизнь, что только в имени обоснована вся глубочайшая природа социальности во всех бесконечных формах ее проявления, это все отвергать – значит впадать не только в анти-социальное одиночество, но и вообще в античеловеческое, в антиразумное одиночество, сумасшествие”.

Переименовать место – значит нарушить естественный ход исторических традиций, уступить силам агрессивным, необузданным. Совершающий это будто рушит храм (Платон считал имена более священными, чем храмы), нарушает „дого-

вор" бытия, по которому наименование места — это ветвь генеалогического древа общечеловеческой культуры, отрубать которую никому не позволено. Очевидно, место, как видится, не терпит лжеимен, псевдонимов. „Nomen est omen" — „Имя — это предзнаменование", — гласит латинская поговорка.

Деспот уничтожает место и создает безликую зону, где уже нет индивидуальности, духовности, многообразия. Пресловутое зонирование в архитектуре, кстати, тоже пережиток культа власти с ее псевдонаучными социальными моделями.

Мифотворчество наполнено идеей: человек есть „бытие — в — мире", он неотделим от обжитого, сопринадлежного ему окружения, от мифического Ме, пронизывающего пространственную ауру. Значит, Место, место бытия имеет не только физический срез, но и временные проекции, место, принадлежащее человеку, это место в истории, движение из прошлого через теперь в будущее.

Заратустра: „Я — от сегодня и от прежде; но есть во мне нечто от завтра, от послезавтра и от никогда".

Порой мы и не задумываемся над тем, что каждое, пусть ординарное, явление, событие имеет свое место. У выдающихся событий оно исторически уместно: „Варфоломеевская ночь", „Болдинская осень", „Бородинская битва"...

У каждого человека, микрокосмоса — индивидуальное место бытия, о чем повествует тибетское сказание VIII века „Кесар-дун". Тринадцатилетний подросток жаждет участвовать в сражении. Родители удерживали его, пока будущий воин не произнес: „Место болезни, место смерти и место моего сожжения внесены в свиток, храм Бога смерти".

Поскольку Место обладает временными векторами, историчностью, оно непременно предполагает моральную ответственность человека за содеянное перед предками и потомками.

Сенусерт I (фараон, XV в. до н. э.):

Вечность — это то превосходное, что я сотворю,
Ибо не умирает царь, которого вспоминают по его деяниям.
Воистину имя мое повторится,
Оно не исчезнет по причине вечных творений.

...Во избежание божеской кары библейские грешники Адам и Ева ищут какого-нибудь укрытия. Спрятавшись в саду, они, по существу, лишаются своего места, что заставляет творца вопрошать с недоумением: „Адам, где ты?" А ведь это — вопрос к человечеству, который оно вынужденно ставит перед собой с момента сотворения мира.

Лобное место в Москве. Казнь Степана Разина. Сгравюры XVII в. Истоки этого названия таятся в библейской Голгофе (череп), горе вблизи древнего Иерусалима, месте казни преступников. По преданиям, здесь же был некогда погребен Адам, череп которого придал горе округлую форму

Всему свое время, всему — свое место... В просьбах: „Войди в мое положение“, „Встань на мое место“ — тщетное зачастую стремление добиться чьего-либо понимания, а значит, проникновения в суть исключительно индивидуальных переживаний. Случается, мы „не находим себе места“, „выходим из себя“, „ищем место под солнцем“ — что все это значит?

Льюис Кэрролл (английский писатель, математик, XIX в.): „Приходится бегать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте! Ну, а если хочешь попасть в другое место, тогда нужно бегать, по меньшей мере, вдвое быстрее“.

Все эти „бега“ — не что иное, как стремление занять достойное для себя место. Здесь многое зависит от воззрений человека, принадлежности его к определенному типу. Николай

Гоголь, в частности, делил персонажи своих произведений на тонких и толстых. „Толстые никогда не занимают косвенных мест... и уж если сядут где, то сядут надежно и крепко, так что скорей место затрещит и угнется под ними, а уж они не слетят”.

Борьба за „место под солнцем”, апофеоз этой борьбы издревле воплотились в соответствующем символе – троне, атрибуте высшей власти. В древнеегипетской мифологии он персонифицировался в богине Исиде, имя которой имело двуединое значение – „трон”, „место”. И в наше время трон – это фетиш, наделенный таинственной силой царского могущества. Возведение на трон – центральный акт церемонии наследования верховной власти. Принц, занявший место на троне, превращается в царя. И так из поколения в поколение. Не случайно, видимо, в греко-римском мире Исиду называли „та, у которой тысяча имен”.

Как бы там ни было, красит место человек, точнее, воплощает его, материализует, наполняет индивидуальностью.

Цицерон (римский политический деятель, оратор и писатель): „Не по дому следует почитать хозяина, а дом по хозяину”.

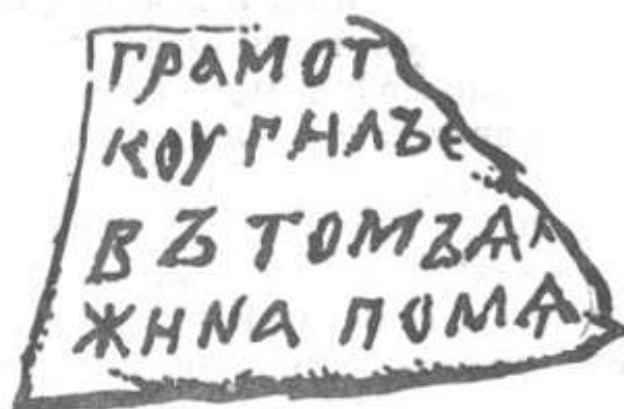
Только кажется, что наше место в жизни не зависит от нас самих, является уделом случая. Оно – и неизбежное, непреодолимое следствие предшествующих событий, иначе называемых судьбой, роком, и реализация человеческой деятельности, воли. Неизбежность и воля были, согласно учению Пифагора, двумя противоположными началами, управляющими подлинным миром – местопребыванием человека.

А наше взаимоотношение с миром вещей? Они воздействуют на нас в зависимости от места своего пребывания, предназначения. Мачта каравеллы, виселица, крест на распутье дорог, оглобля – все они могут быть одинаково деревянными, а вот влияют на нас совершенно по-разному. Разве уравниются в сознании камень в церковной ограде, валун у подножия горы, булыжник мостовой, чье-то надгробие, хотя химический состав их примерно одинаков.

Алексей Лосев: „Тяжеловесный камень оказался в Готике совершенно невесомым... Камень превращается в одухотворенность – он уже перестал быть камнем”.

Каждое из искусств, если вдуматься, своеобразная игра мест – звуков, цветовых пятен, движений, жестов... Скульптуру М. Хайдеггер назвал „телесно воплощающим произведением мест”.

Античная „острака“ (черепок) с именем Кимона

Новгородская грамота на бересте, XI век

Даже создатели алфавита придавали глубочайший смысл самому местоположению букв.

Сергей Есенин: „Не простыми завитками дали нам фиту и ижицу, они дали их нам, как знаки открывающейся книги в кипе нашей души... Движение через символы знаков, тех знаков, которыми человек ищет своего примирения с воздухом и землею, рождает весь дальнейший порядок алфавита, который так мудро оканчивается фигурой буквы Я. Эта буква рисует человека, опустившего руки на пуп (знак самопознания), шагающим по земле, линии, идущие от середины туловища буквы, есть не что иное, как занесенная для шага правая нога и подпиральная корпус левая”.

Знаки владений. С их помощью африканцы с незапамятных времен обозначают именные территории

Бортные знаки, издревле служившие белорусам для определения местонахождения лесных ульев

Пофантазируем и мы в смысле расшифровки самого слова „место”. В древнегреческом языке это – topos... Человек (P) прочно утвердился в центре некоего пространства, из которого есть только движение вправо, к правде, к совершенствованию. На обратной стороне – тупик (T), пройденный этап. Оттуда и держит путь человек. С появлением его эмблемы (R) возникает новое понятие – tropos: направление, образ, манера, действие – то, что по сути своей и характеризует каждого человека. Наконец, добавив частицу an (выражение сквозного протяжения и подъема вверх), получаем antropos – духовный перво-человек, божественно одухотворенное существо.

Путь вечности идет по кривой.

Заратустра

Свое понимание жизни, предназначения в ней древние люди выражали конфигурацией букв и даже их очередностью в алфавите. Древнерусская азбука – красочное тому подтверждение. В ней, по существу, содержится жизнеописание человека, его порыв к поиску высокой идеи, становлению Я, самоутверждению Я.

Сергей Есенин: „Человек по последнему знаку отправился искать себя. Он захотел найти свое место в пространстве и обозначил это пространство фигурой буквы Θ . За этим знаком пространства, за горою его северного полюса, идет рисунок буквы V , которая есть не что иное, как человек, шагающий по небесному своду. Он идет навстречу идущему от фигуры буквы $Я$ (закон движения – круг).

Волнообразная линия в букве Θ означает место, где оба идущих должны встретиться. Человек, идущий по небесному своду, попадает головой в голову человеку, идущему по земле. Это есть знак того, что опрокинутость земли сольется в браке с опрокинутостью неба. Пространство будет повреждено, и в свой творческий рисунок мира люди, как в инженерный план, вдунут осязаемые грани строительства”.

Проще говоря, человек неутомим в своем восхождении и, по существу, обречен на вечную дорогу, которая означает движение только вперед. Здесь дорога содержит в себе глубокий философский смысл, она не просто средство для достижения чего-либо, а и род жизни, образ мыслей, дела и поступки.

В самом деле, путь – архетип, выражающий как физическую, так и духовную деятельность человека: и преодоление расстояний, и прохождение всякого рода жизненных этапов, и столкновение с самыми разными обстоятельствами, проблемами. Корни самого слова „путь” следует искать в древнегреческом „*poni*”, что означает „преодоление”, „дорога, изобилующая неожиданностями, опасностями”. Путь – метафора чрезвычайно глубокого содержания.

Александр Твардовский (советский поэт):

Прямой ли, кружной
Дорогой честной,
Дорогой трудной
Дойдем до места.

Прямой путь и кружной путь – две крайности, две противоположности, два символа. Первый – олицетворение правды, праведности, мудрости. Странник, наделенный этими качествами, не станет блуждать, „влиять”, а выберет наикратчайшее направление к заветной цели.

Царь Соломон: „Я указываю тебе путь мудрости, веду тебя по стезям прямым. Когда пойдешь, не будет стеснен ход твой, и когда побежишь, не споткнешься”.

Прямой путь праведен хотя бы потому, что найден благодаря высокому духовному началу, иначе говоря – провидению, Всевышнему. Оккультные, эзотерические учения всячески обосновывают именно эту идею. Название мусульманского свода правил поведения „Шариат” буквально переводится: „Наставлять на прямой путь”. Иисусу Христу путь „прокладывал” пророк Иоанн Креститель: „...глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу прямым...”

„Великий прямой путь Вверх” – одно из учений буддизма, утверждающее: духовное освобождение достижимо без мук и страданий только на прямом пути, пересекающем так называемые области сансарического, „промежуточного” бытия.

С достижением нирваны, просветления открывалась тайна бытия, позволявшая выйти на прямую дорогу, на которой отсутствует двойственность и тройственность (дзэн-буддийская песня).

Прямой путь – синоним целеустремленности, убежденности, решительности, твердости в достижении чего-либо.

„Бхагавадгита”: „Находящиеся на этом пути тверды в своих намерениях и преследуют только одну цель”.

Ле Корбюзье: „Человек идет прямо, потому что у него есть цель, он знает, куда идет. Избрав себе цель, он идет к ней, не сворачивая. Прямая улица – дорога людей, кривая улица – это дорога ослов. Осел идет зигзагами, ступает лениво, рассеянно”.

Прямой путь – правильный выбор, правое дело. В фольклоре это прочно закреплено убежденностью: „Дело право – гляди прямо”; „За прямым путем – правда”. У греков эта мысль изложена, в частности, устами Орфея: „Размысли о божественном слове. Созерцай его беспрерывно, направь твое сердце и твою душу по правому пути”.

Малейшее отклонение от прямой дороги буддисты считают заблуждением, ересью, крамолой. „Побочные пути вызывают сомнения, и чем быстрее мы по ним идем, тем медленнее достигаем цели”.

Царь Соломон: „Не уклоняйся ни направо, ни влево, потому что пути правые наделяет Господь, а левые — испорчены. Он же прямыми сделает пути твои и шествия твои в мире устроит”.

Платон: „Если только мы не окончательно покинули прямой путь, должны усиленно призывать богов и богинь, молиться им... Божество поможет заблудившемуся и так далеко зашедшему в сторону исследованию найти свой исход в ясном учении”.

Заблудшего, „непутевого” выводит на путь правый правитель. Все религии, все кодексы древности внушали именно эту истину, отождествляя нередко два понятия: „вождь” и „путь”.

Иисус Христос: „Между тем, куда Я иду, вы знаете, и каким путем отхожу, знаете... Я есмь путь, и истина, и жизнь. Иным путем нельзя прийти к Отцу, как только через Меня”.

Кришна: „До такой степени человек отдает себя Мне, соответственно Я награждаю его. Каждый во всем следует Моим путем... Тот, кто идет по этому пути, не знает потерь; даже небольшое продвижение по нему защитит человека от всех его страхов”.

Неисповедимы пути господни. К этому можно еще добавить: они, вне всякого сомнения, были исключительно прямыми.

Коран: „О люди! К вам пришло доказательство от вашего Господа, и низвели Мы вам ясный свет. И те, которые уверовали в Аллаха и держались за Него, — их Он ведет в Свою милость и щедрость и поведет их по пути к себе прямой дорогой”.

Прямой путь выбирает доброжелательность с благородными помыслами и поступками. Былинные богатыри Руси предпочитали „дорогу прямоезжую”, значит, душой не кривили.

Искривленный путь — метафора обмана, коварства, лукавства (от слова лук — согнутая дуга). Своротить с пути прямого, а значит, истинного, — все равно что потерять веру, предать ближнего, изменить своему долгу, данному обету. Темная сила избегает „дорог прямоезжих”, ибо ее стихия — обман, кривда, греховность. „Нас мира князь сего с пути извечного нас совратить желает, искусы шлет, соблазнами пугает” (М. Новицкая. „Тревожный сон”).

Падких на подобного рода соблазны неминуемо ждет разочарование, раскаяние; искривляется ведь не стежка-дорож-

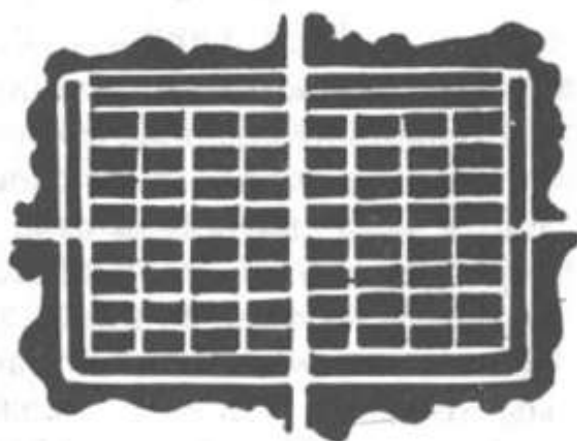
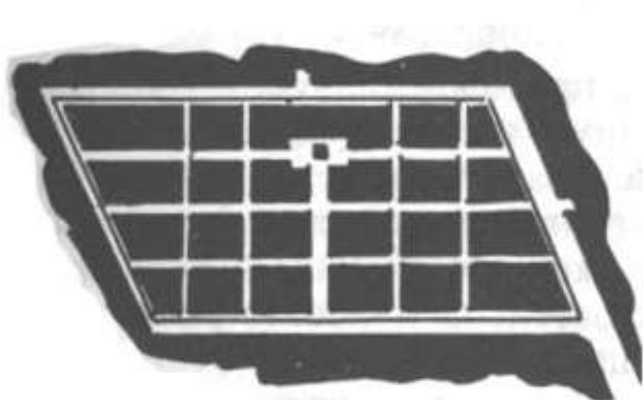
ка — ломается судьба, человеческая суть: „Непорочность прямодушных будет руководить их, а лукавство коварных погубит их...” (Библия).

...Однако существует и антитеза всему сказанному, противоположение в образном восприятии мира. Нетрудно убедиться, что природа как бы противится созданию исключительно прямых линий, путей. Абстрактно-математически это надо понимать так: прямая короче кривой. Народная же мудрость гласит: „Только ворон прямо летает”.

Галилей (итальянский ученый, XVI–XVII вв.): „Кратчайшее расстояние между двумя точками, если существуют препятствия, — не есть прямая”.

Именно в кривой, умело обходящей преграды, угадывалась нашими предками правда бытия.

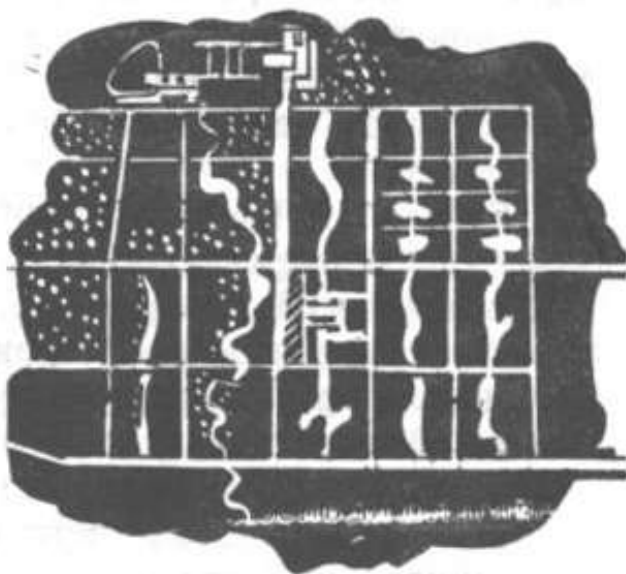
Леон Баттиста Альберти: „Улице подобает быть не прямой, а подобной реке, извивающейся легким изгибом то туда, то вновь в ту же сторону, что она, конечно, много придаст прелести, принесет много пользы и создаст много удобств, сообразуясь с меняющимися потребностями и нуждами”.

Схематичный план древнего поселения Террамара Кастеллаццо. Северная Италия, бронзовый век

Образцовая планировочная схема (прастара) по индийскому трактату „Мандсара”, XI–XII века

Генеральный план индийского города Чиндигарх. Архитектор Ле Корбюзье, 1951 год

У Корбюзье извилистая дорога порочна, потому что она прокладывается якобы ослом, который „петляет, обходя крупные камни, избегая крутых откосов, отыскивая тень; он старается как можно меньше затруднить себя”.

Спор двух зодчих разрешается при обращении к вековому опыту, коллективной мудрости. В народном творчестве белорусов „виляющая” дорога олицетворяет как раз жизненный опыт, смекалку. „Кривая дорога возле прямой смеется, она мучит, зато и учит”.

Василий Ключевский (историк прошлого столетия): „Природа и судьба вели великоросса так, что приучили его выходить на прямую дорогу окольными путями. Великоросс мыслит и действует, как ходит. Кажется, что можно придумать кривее и извилистее великоросского проселка? Точно змея проползла. А попробуйте пройти прямее, только проплутаете и выйдете на ту же извилистую тропу”.

Иван Тургенев (писатель прошлого столетия):

Там через ровный луг, от их села
Верстах в пяти, дорога шла большая,
И, как змея, свивалась и ползла,
И, дальний лес украдкой обгибая...

Прежде всего в гармонии с природой следует искать ростки душевной свободы, „воли духа” наших предков.

Прямая – правая (от слова „право”, „норма”); как ни относиться к ней, она всегда означает некое ущемление свободы, а порой и насилие, если распоряжение становилось уделом отдельных, избранных лиц. Показательно: наиболее рьяные сторонники прямых, наикратчайших путей – диктаторские режимы. Им важно было как можно скорее достигать подвластных им провинций, чтобы усмирять, подавлять, грабить – править, одним словом. Преимущество прямых дорог в данном случае не подвергалось сомнению, а прямизна дорожных маршрутов, таким образом, возводилась в абсолют, в жертву которому приносились несметные богатства, неисчислимые человеческие жизни.

Правители Древней Персии прямо направляли свои стратегические маршруты, подобно выпущенной из лука стреле, пусть даже в обход крупных торговых центров, если они отстояли от трассы. Могущественные китайские императоры прокладывали прямолинейные пути даже к местам охоты и развлечений.

Что бы ни встречалось на пути знаменитых римских магистралей, им подобало лететь стрелой, для чего сооружались многочисленные эстакады, мосты-виадуки, тоннели.

Могущественная держава, империя во что бы то ни стало выпрямляла свои пути. Что характерно, на Руси не было такого до появления императора. Безукоризненной прямизны улицы-проспекты — „Петра творение”.

И все-таки не только из военно-стратегических соображений делались прямыми царские дороги. Они должны были воздействовать на чувства подданных, формировать их представление о власти как непоколебимой и вечной. Дороги, лучеподобно разбегающиеся от дворцов резиденций, культовых храмов, олицетворяли примерно то же самое — незыблемость владыки, его нестигаемую волю, выражали идею концентрации власти, прививали раболепие и смирение, подавляли волю, свободомыслие.

В новое время к тоталитарным режимам религиозной и политической ортодоксальности добавился фетиш „всемогущей техники”, что привело к противопоставлению человека природе. Возобладал имперский культ „прямизны”, когда любое отклонение выдавалось за проявление слабости, деградации. Приобрели популярность даже воззрения маркиза де Сада, утверждавшего, что природа не что иное, как противоположность или отрицание социального порядка. Она, дескать, всегда разрушительна, исполнена насилия, поэтому способна погубить человека. Мир природы враждебен миру человека, неистов, жесток и несправедлив. И дальше: физическое насилие, эротизм, смерть — суть сфера соприкосновения двух миров, столкновение человека с природой, которая жаждет насилия и разрушения всего созданного ею.

Сегодня мыслить подобным образом — значит числиться в ряду тех, кто не желает видеть горестных уроков „покорения природы”. Здравомыслие, гибкость мышления превосходят все же прямолинейность суждений и поступков, а дух согласия побеждает непреклонность решений как ортодоксальных, чрезмерно прямых. Философия „прямой” сменяется идеей „поворота”. Натуре вольномыслящей, великодушной дорог образ „петляющего” проселка.

В своих бесконечных поворотах он геометрически сложнее „бесповоротной” магистрали и наиболее полно выражает существо мироздания — от движения светил до „колебаний” нашей воли, сознания. Неспроста ученые связывают совершенство человеческого мозга с количеством извилин в нем. Можно представить „сферические”, „параболические” модели вселенной, но они никак не мыслятся как „изломанные”, „квадратные” или „кубические”. Мироздание, плавно загибаясь, описывает круг — мифический образ бесконечности, вечности. В символике древних это — змея, кусающая собственный хвост. Время также „вибрирует”, закручиваясь в спираль, ничтожный фрагмент которой только и удастся осознать человеку, принимающему поэтому его за прямолинейный.

*Змея вечности, кусающая сею хвост.
Так многие древние народы представля-
ли само мироздание*

Кривая — олицетворение непредсказуемости, загадочности, что свойственно творчеству как таковому. Поворот сюжета, мелодии равнозначен повороту, смене мысли, точки зрения, что неизбежно настраивает на поиск, то есть осмысление произведения искусства. Когда задействовано „Я” читателя, зрителя, слушателя, художественные творения перестают казаться чуждыми, недоступными.

Сокрытость — это напряжение в драме жизни, это основа художественного повествования. Рассуждая о поэтике мифа,

Аристотель выделял такую его принципиальную черту, как внезапный поворот сюжета. В искусстве нас во многом привлекают именно перипетии (от греческого *peripeteia* – поворот), которые происходят в нашем мировосприятии, настроении, желаниях в ходе общения с художественным произведением.

Кривая неизменно порождает многообразие, которое в свою очередь является источником красоты, атрибутом места. Без всякого сомнения, человек осознал, ощутил это на самых ранних стадиях своей путепроходческой деятельности.

Павел Шпилевский: „...дорога постоянно извивается и теряет свою цепь в бесконечных зигзагах поворотов то направо, то налево. Здесь не увидишь разом двух верстовых столбов, как это бывает на прямолинейном шоссе: не успеешь даже иногда рассмотреть впереди тридцатой от начала березы: только взглянешь на нее, а она уже скрылась направо или налево в противоположном изгибе крутого поворота”.

Кензо Танге: „Необходимо сказать несколько слов о дорожках из каменных плит в японских садах. Они как будто имеют чисто практическую функцию – обеспечивать твердую чистую поверхность для ходьбы, но, как правило, их очертание делается настолько нерегулярным, что, если не рассчитывать каждый шаг, можно поскользнуться и упасть. Поскольку идущему необходимо все время смотреть себе под ноги, изменения в направлении его взгляда получают особую живость”.

Превратившись в своеобразные символы, „поворот”, „изгиб” стали восприниматься как категория не только эстетическая, но и как мировоззренческая, общефилософская.

В представлении древних время – неразрывная цепь великих и малых, общих и частных поворотов, где неизбежны и переломные моменты. Повороты такого рода обязательно воздействовали на психику человека, его потребность сопровождать обрядами рождение, вступление в брак, кончину...

Исторические события, круто меняющие судьбу народов, – это тоже повороты в поступательном развитии общества. А порой и перевороты, когда поворот оказывается изломом, когда „поступь” эволюции нарушается.

Жизнь предоставляет бесконечные возможности в выборе направления пути, тех или иных поступков в каждом отдельном случае. Другими словами, мы всегда движемся, словно в лабиринте. С образом лабиринта, кстати говоря, современная психология сравнивает наше мировосприятие в теории возможностей, „видеть вещи означает видеть, как между ними можно пройти”.

Джеймс Гибсон (американский психолог нашего времени): „Лабиринт, или загроможденный окружающий мир, позволяет выбрать перспективные виды... Один перспективный вид ведет к другому в непрерывной последовательности обратимых превращений... Когда в ходе передвижения перспективные виды оказываются выстроенными в определенном порядке, становится понятной инвариантная структура дома, города и всего места обитания... В результате появляется ориентированность в окружении”.

Аналогичных воззрений придерживаются и современные апологеты оккультных знаний, распространяя теорию возможностей на бытие в целом.

Георгий Гурджиев: „Любой момент времени содержит определенное количество возможностей... Осуществление всех возможностей, созданных или возникших, составляет бытие мира”.

Однако это-то изобилие возможностей и пугает, ибо реализация одной из них оставляет не востребуемыми все остальные, не исключено, что более благоприятные и перспективные. Как ни странно, пугает свобода Выбора, потому что „страх является действительностью свободы как возможность для возможности” (С. Кьеркегор). Откуда наш необъяснимый страх темноты (пустоты)? От нашей неограниченной свободы, которая страшит, сковывает сознание хоть мало-мальски приемлемой возможностью сориентироваться, выбрать рациональный план действий при максимальном риске совершить ошибку.

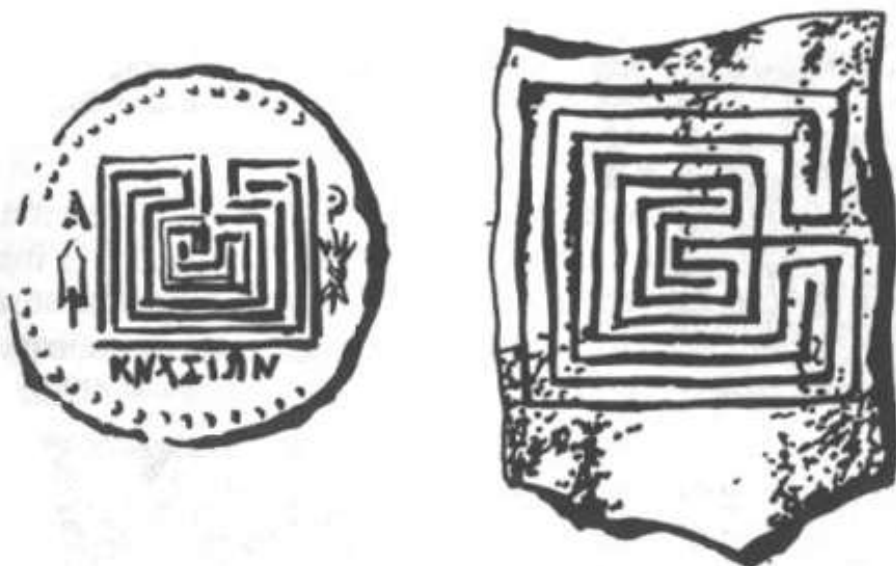
И все-таки феномен страха никак нельзя считать недостатком, порочным рудиментом нашей психики. Страх неведения стимулирует познание, провоцирует активный поиск выхода из Лабиринта. Без чувства страха наша жизнь едва ли бы отличалась от жизни животных. Зачастую мы нарочно рискуем, отказываемся от привычного и изведанного, чтобы испытать сладкий, удивительный, трепетный страх, который „наделен диалектической двусмысленностью. Страх — это симпатическая антипатия и антипатическая симпатия” (С. Кьеркегор).

Мы правомерно преклоняемся перед бесстрашными людьми, преодолевающими боязнь и робкую нерешительность, смело идущими навстречу неизвестности, открывающими доселе считавшееся невозможным.

Сёрен Кьеркегор: „Один стал велик через ожидание возможного, другой — через ожидание вечного, но тот, кто ожидал невозможного, стал самым великим из всех”.

Сфера реализации всех возможностей принадлежит, однако, лишь абсолюту, всему проявляющему себя в шестимерной пространственно-временной субстанции. Нам же, живущим в четырехмерном мире, доступно осуществление только одной альтернативной возможности.

Эта особенность нашего сознания подмечена очень давно и, как следует ожидать, мифологизирована. Вспомним легенду о лабиринте критского царя Миноса, построенном Дедалом. Из паутины подземных ходов-поворотов никто не мог выбраться; лишь Тесей нашел выход – с помощью клубка ниток, врученного ему Ариадной. Между прочим, Дедалов лабиринт имел реальный прототип – Кносский дворец на острове Крит, хотя и у него были предшественники, среди которых – древнеегипетский лабиринт, который составляли три тысячи комнат, надземных и подземных. Где-то там находились „Гробницы священных крокодилов”.

Античная монета с вычеканенным лабиринтом

*Символическое начертание на каменной табличке.
Микены*

Возможно, именно об этом диковинном сооружении идет речь в одной из легенд Ордена тамплиеров, изложение которой ведется от лица человека, якобы пребывавшего на земле в разные эпохи, в том числе во времена Атлантиды: „Четырнадцать тысяч лет назад наши предки прибыли в страну нашу по океану, всю западную пустыню тогда покрывавшему. А сами они вышли из глубины океана, на западе лежащего, и они жили там в подводных городах. По образу такого города был построен, хотя и не совершенно, лабиринт, в котором живут люди нашей расы, из глубины океана вышедшие...”

В этой связи заманчиво предположить: величественный лабиринт, принадлежащий некогда правителям империи инков, также — дело рук представителей дочеловеческой цивилизации или хотя бы непосредственных потомков атлантов, воспетых Платоном.

Можно услышать и такое: лабиринт великих инков — творение внеземного, межпланетного происхождения. По крайней мере, до сих пор не разгадано истинное предназначение этой гигантской путаницы в подземных ходах. Среди искателей кладов говорят, что где-то там под землей, за каким-то из таинственных поворотов спрятаны несметные сокровища, принадлежащие нескольким поколениям императоров. Однако лабиринт Тауантинсуйу (так именовали свою державу инки) играл большую символическую роль: владеть сверхсекретами подземелья могли лишь особы, приближенные к богам, то есть две-три персоны в сложной иерархии государства.

Блуза с аппликациями. Обнаружена в Панаме в 1925 году

Древнегреческий орнамент

Белорусская традиционная вышивка

Кносский лабиринт, видимо, также имел магическое значение. На эту мысль наводит изображение культового знака — лабриса (отсюда и название — лабиринт), найденное в развалинах древнего сооружения. Лабрис — двойной, обоюдоострый топор, способный убивать и даровать жизнь, разрушать и создавать, третьего, нейтрального направления движения у него нет. Каждому человеку также даны только два пути-возможности — прямой и кружной, весь в поворотах.

Повороты в жизни человека, наполненной поисками, сомнениями, заблуждениями, ошибками в выборе, неминуемы,

Лабрис среди знаков в критском монументальном письме, около 2000 г. до н. э.

Лабрис в основе орнамента на древнекритском потолке

необходимы даже. Идеалы любого вида творчества реализуются именно по методу „проб и ошибок”. „Путь к звездам лежит через тернии”.

Александр Блок: И вновь, как прежде, между терний
Моя дорога нелегка.

Екклесиаст: „Кривое не может сделаться прямым”.

Георгий Гурджиев: „Линии развития, которые оказываются выпрямленными благодаря случаю и которые человек иногда может увидеть, предположить или ожидать, более чем что-либо вызывают у нас иллюзию прямолинейности”.

В реальности путь, замысловатую кривую, результирующую развития многих „сил”, можно наблюдать во всех областях человеческой деятельности. Классный бильярдист ищет не кратчайшую, а наиболее эффективную, хотя и замысловатую траекторию своих шаров. Опытный шахматист знает: общеизвестными, прямолинейными ходами крупного успеха не достичь. Прямая столбовая дорога и надежна и безопасна, но испытать счастье открытий, познать Основы, Целостность можно лишь в стороне от проторенных путей.

Карл Густав Юнг: „Правильный путь к целостности состоит в обусловленных судьбой обходах и блужданиях. Это „Longissima via” („самая длинная дорога”), не прямая, но связующая противоположности змеистая линия, тропа, лабиринтовая переплетенность которой не лишена ужаса”.

Можно представить, сколько поворотов произошло в сознании людей при переходе, скажем, от раннехристианских

На керамических изделиях бассейна Инда (ранне-земледельческая культура) и среднеазиатской печати (III тыс. до н. э.) воспроизведены некие таинственные лабиринты

проповедей всеобщей любви к инквизиции или от аскетизма до бездумного расточительства. Чем богаче, многостороннее, одухотвореннее личность, тем тернистее, запутаннее траектория ее пути.

*Белла Ахмадулина: Чем больше имя знаменито,
Тем не разгаданней оно.*

Потаенные „закоулки” души, невиданные ранее грани таланта, неожиданные повороты в творчестве... — все это сродни лабиринту.

„...Многообразие его и схема размещения изображены непонятным узором, видя бесчисленные изгибы, изнутри наружу, сферические пути, что простираются по кругу отсюда и туда, познай кругообразный путь жизни... Лабиринт имеет не прямые, труднодоступные врата; чем больше ты стремишься извне и желаешь бежать, тем более он уводит от входа в глубину внезапными отклонениями, ежедневно, прельщая тебя новыми вылазками, играя, смеясь над тобой переменами надежды, как сон — пустыми видениями, пока не минует время, что правит сценой жизни, и смерть, что правит — увы! — царством тьмы, не примет тебя, так и не позволив достичь исхода”.

Это аллегорическое описание лабиринта еще в Древней Греции связывалось с именем Соломона. В графическом выражении „Соломонов лабиринт” — двенадцать concentрических окружностей-коридоров. Для достижения центра необходимо преодолеть весь путь, то приближаясь, то удаляясь от конечной цели, что якобы и есть полная жизненная программа, выполнить которую способен далеко не каждый: смерть может остановить человека до того, как он окажется у вожделенного центра. В таких случаях принято сетовать о трагическом преждевременном уходе, хотя и относительном: нельзя определить, на каком „завитке” оборвалась жизненная нить.

Зигмунд Фрейд (психолог нашего столетия): „Возможно, что в продолжение долгого времени живая материя все снова создавалась и снова легко умирала, пока руководящие внешние воздействия не изменились настолько, что принудили оставшуюся в живых субстанцию ко все более широким отклонениям от первоначального образа жизни и ко все более сложным окольным путям достижения конечной цели – смерти”.

Характерная деталь: если центр лабиринта Соломона принять за верхнюю площадку некоего сооружения, а сдвоенные концентрические окружности – за подъемы-платформы на пути к ней (их окажется 7), то получим схематическую модель зиккуратов, священных храмов, которые канонизированы древними в виде семиярусной башни.

Надо полагать, в древнем мире лабиринт и храм-гора выражали одну и ту же идею пути, а именно восхождение.

Виктор Гюго (французский писатель, XIX в.): „Все создано для постоянного подъема: от зверя к человеку, от человека – к Богу”.

В классическом выражении лабиринт – хитросплетение ложных ходов, заводящих в тупик всякого, кто лишен нити Ариадны. Метафизическая символика отождествляет это с заблуждением, ошибочной крайностью, от которых избавит только возвращение, поиск новых возможностей.

Идея Возвращения к Дому Бытия, касается ли это отдельного человека или целого народа цивилизации, предельно точно выражается образом лабиринта.

Александр Блок:

... Мы провидели светлые цели
В отдаленных краях лабиринта,
... Но в бесцельном, быть может, круженьи

Лабиринт Соломона

Были мы, как избранные, нищие.
И теперь возвратились в сомненьи
В дорогое, родное жилище...

У христиан есть поговорка: „Что для человека крайность, для Бога возможность”. Истолковать это можно так: с божьей помощью мы выбираем одну-единственную возможность, совершаем тот или иной исторический Поворот. Можно объяснять это ущербностью сознания, несовершенством бытия. А можно — гениальной прозорливостью мироздания, вселенской гармонией, спасающими нас от потери курса в безбрежном море возможных вариантов.

И сказал Моисей Господу: „Не может народ взойти на гору Синай, потому что Ты предостерег нас, сказав: „Проведи черту вокруг горы и освяти ее”.

Библия, Исход.

Фантазия человеческая поистине неисчерпаема в изобретении всякого рода границ, в том числе и символических. У некоторых племен поваленные и сложенные кругом деревья могут означать и огражденное место, и ритуальный „забор”, и жилище вождя, Кольцо Мира, наконец.

Древние римляне, прежде чем построить город, впрягали в плуг тельца и девушку и проводили кругом глубокую борозду, городскую черту вокруг территории предполагаемых строений. В том месте, где надлежало стоять воротам, плуг приподнимали и землю не вспахивали. Позже межа превращалась в ров и перебираться через него, минуя ворота, означало подвергнуть себя смертельной опасности.

Подобные ритуалы происходят из сакрализации всяческих изгородей, насыпей, рвов, которыми люди издревле защищали свои стоянки, жилища, поселения от непрошенных гостей.

Чтобы предохраниться от „поля”, набегов степных кочевников, русы объединялись в общины и рыли на окраинах пограничные рвы, насыпали валы — преграждающие путь грозным повозкам татар. Извилистые земляные сооружения длиною в сотни километров напоминали, скорее, фантастических змей, отчего и получили соответствующее название „змеиные валы”. Сказания о них отражали реальную борьбу пахарей с кочевниками, победу над ними. Неспроста же в Киевской Руси сражение со Змеем-губищем осмысливалось как противоборство с чужеземцами. Герой славянских сказаний, осилек, поборов Змея, впрягал его в плуг невиданной величины и проводил борозду, перепахивая все пути-дороженьки, ходы-выходы.

Нечто подобное находим и в преданиях калмыков. Насыпанный ими многокилометровый вал в Яицкой степи служил оборонительным заслоном. Последующие поколения степных жителей видели в нем следы огромной колесницы, на которой Хубу-Харрун, женщина-великан, управляя двумя голубыми быками, искала в бескрайнем просторе своего суженого.

Нередко территория, обнесенная валами, рвами, стенами, в совокупности с ними ассоциировалась с концентрацией власти, находящейся под божественным попечительством.

„Эпос о Гильгамеше”:

...Стеною обнес Урук огражденный
Светлый амбар Эдины священной.
Осмотри стену, чьи зубцы как из меди,
Прикоснись к порогам, что там издревле,
И вступи в Эанну, жилище Иштар...

С наведением границ, устройством рубежей фактически начиналась государственность, предполагающая в основе своей установление пределов распространения верховной власти. Неприкосновенность державных границ, защита каждой пяди своих владений возводились в ранг всеобщего долга, ибо безнаказанное посягательство на нерушимость кордонов умаляло величие правителей, их режима.

Призывая „копье преломить на границе” („копие приломити конец”) поля половецкого, князь Игорь имел в виду необходимость битвы с врагом, покушавшимся на независимость, целостность Руси, величие ее князей („Слово о полку Игореве”).

Образ кордона зачастую связывался с предчувствием тревоги нависшей угрозы, „хмурыми тучами”.

Янка Купала:

На пограничье, точно призрак,
Толчется по углам тревога,
То суетливо лезет в избу,
То мельтешится у порога.

У стародавних славян символическая межа ограждала от лишений и бед, что не дано было обычным, пусть и мощным, стенам. Так что отмежеваться от происков демонов, дьявольских наваждений — означало обеспечить себя „круговой обороной”. Древние латиняне по этому поводу говорили: „Noli tangere circulos meos” („Не тронь моих кругов”).

В пособиях по приобщению к таинствам магии записано: „Каждая магическая операция должна быть производима в круге, служащем символом воли мага и составляющем ограду его от дурного влияния. Это основа Церемониальной Магии”.

Папюс („Практическая магия”): „В 1892 году один из членов нашего общества, хорошо знакомый с магическими операциями, сопровождал некоего экспериментатора. Круг был начертан на перекрестке трех дорог. Вызывание началось ровно в полночь. Вскоре показался экипаж, мчавшийся на них во весь опор по одной из дорог... Это видение было не более как галлюцинация”.

Нурраг, каменная башня, служившая в древности жилищем-крепостью. Сардиния

У белорусов чудотворный круг назывался чуром: „Через чур и конь не ступит”. Более того, Чур еще и божество, стоящее на страже крестьянских земель. Владелец подворья насыпал земляные бугры, обносил их частоколом. Они-то и становились неприкосновенным обиталищем Чура. Потревожить, нарушить его покой значило разгневать божество, лишиться его охраны. „Чур, наше место святое!” — и теперь еще произносится как заклинание при столкновении с чем-то необъяснимым, таинственным и, следовательно, опасным. „Чур меня!” — первоначально так взывали к добрым духам, чтобы те изгнали демонов зла. Место, куда являлся Чур, непременно освящалось, тогда только родовые владения оставались под его попечительством. Все, что выходит за установленную норму, общепринятые границы морали, нравственности, вкуса, принято относить к „чересЧур”, плохому, неприемлемому, из ряда вон выходящему.

Случалось, на Беларуси перед торжественной клятвой проводили „межу” на снегу, как это делали повстанцы под руководством Ващилы. Кидая за снежную черту шапки, они клялись: „Не адыдзем адзін ад аднаго, калі нават прыйдзецца пакласці жыццё”. Истоки подобного „шапкокидательства” следует искать в том времени, когда житейские распри традиционно разрешались на крестьянских сходах, капах. Капное место обводилось чертой, за которую до поры до времени запрещалось заходить простолюдину. Когда же принималось решение, участники капы включались в общий ритуал — „ставили шапку”, то есть кидали ее к линии, в знак принародного, клятвенного поручительства за справедливость принятого решения, согласия следовать ему. Впрочем, корни этого ритуала уходят в такую глубь веков, когда у человека только

Циклопические стены священ-
ного бастиона инков Сак-
сауаман — метафора могущест-
ва империи Тауантинсуйу

зарождался замысел надежно оградить место своего пребывания от нежелательных вторжений и реального неприятеля, и мистических сил. Тогда же, очевидно, и начал осознаваться феномен границы, архетип „межа”.

Он использовался для постижения сути божественного, позитивного, непреходящего. Каббалистическое учение признает: бесконечность не является единственным признаком божественной силы, так как содержит в себе и конечное. Эту силу, заключенную в первопричине, каббалисты называют „линией”. Она пересекает весь мир, дает ему форму и бытие.

Граница, материализованная или воображаемая, — неотъемлемый атрибут Места.

Аристотель: „Заметьте, что восприятие мест в корне отлично от восприятия изолированных объектов... Места плавно переходят в смежные места, тогда как объекты имеют четкие границы”.

Осмелимся возразить: „смежные места” ведь тоже предполагают разделение, будь то видимая линия или всего лишь подразумеваемое, условное разграничение. Поэтому они и именуются сМеЖными. МеЖа, МеЖду, МеЖ... Даже в самом написании этих слов видится „частокол” — Ж, ограждающий сокровенное Место.

В античную эпоху саму сущность Места (me), фиксацию его выражали знаком креста — Т, что соответствовало понятию „Граница”. ТеМенос, так называли греки огражденную территорию, прилегающую к храму или любому другому изолированному священному месту.

Если обратиться к древнегреческому языку, можно найти там и прототип „межи”. Очевидно, это „metor”, что означает „между”, „среди”, „вместе”, „заодно”. Близко к ним по содержанию латинское „meta” — „предел”, „конечная цель”, „поворотный пункт”.

Прослеживается любопытная закономерность: мифические персонажи, в чьих именах заложено магическое „meta”, связаны с образом Места и являются как бы его атрибутом.

Метатрон („стоящий у престола”) в иудаистской мифологии — „запрестольный ангел”, ближайший к Богу. Именовали его также „князем предстояния”, „указующим перстом” Бога. Это именно он показал Моисею землю обетованную и шествовал впереди евреев, направляя их к заветной цели.

В эстонской мифологии духами леса, хранителями его являлись Метсаваймы. Нарушителей своих запретов они строго наказывали, запутывая дороги в своих владениях.

Мидгард („среднее огороженное пространство”) в скандинавских мифах фигурирует как „средняя”, обитаемая человеком „прекрасная” часть мира, за границами которой — пустынная страна великанов, находящаяся на краю земли.

Митра („договор”, „согласие”), первобог в индоевропейской мифологии, ведаёт надлежащим порядком в подлунном мире. Он объединяет людей, помещает каждого на свое, правильное место — в согласии с законом, блюдет неприкосновенность разграниченных земель, установленных рубежей той или иной страны. Отсюда один из величальных эпитетов Митры — „выпрямитель границ”. В обязанности „выпрямителя” входило и устройство „человеческой вселенной”. Образ границы сам собой вытекает из предназначения Митры: он постоянно преодолевает невидимую межу, выполняя медитационную, посредническую миссию между верхом и низом, небом и землей, внешним и внутренним пространствами. Митру, таким образом, можно отнести к одному из мифических братьев Гермеса.

Архетипической первоосновой межи вполне могли быть каменные стены пещер, тысячелетних убежищ дикарей. В древнейших памятниках зодчества внутреннее помещение группируется, как правило, вокруг неправильной формы дворов, образующих длинный ряд тесных, темных „ниш”, связанных узкими переходами. Такой характер организации пространства близок в своих основах к доисторическим пещерам. В майяском городе Тикале стены строений явно гипертрофированной толщины, несоизмеримой с величиной помещений. Такое жильё с полным основанием можно бы отнести к пещерам, не будь в нем разумной геометрически правильной планировки, композиционные оси которой пересекаются под прямым углом.

У культовых сооружений также возводились мощные стены-границы соответственно величию божеств. Древнеиндусские писания повествуют о Стене охранителей, или Сторожевой стене. Она была якобы воздвигнута вокруг человечества

стараниями многих поколений „Иогонов, Святых и Адептов” для охраны людей от худших бед, от усилий злых сил.

Существовала, правда, и иная традиция. У древних приверженцев зороастризма презирались храмы, считавшиеся бессмысленными, не способными „защищать внутри стен богов, обителью которых является весь мир”, по словам Цицерона.

В мировосприятии кочевых народов оболочка юрты никак не ограничивает общение с пространством, Космосом. В этом смысле она и не стена, и не граница вовсе. Здесь мы соприкасаемся с одним из архетипических образов, философской доктриной Востока – единения человека с Небом.

Ошо: „Оказавшись под открытым небом, вы узнаете, что вы тоже часть неба, но только живущая в доме. Выйдя на улицу, мы понимаем, что перегородки не настоящие. Даже стена не является барьером для неба, она только создает видимость разделения. Когда вы узнаете само небо, разделение исчезает”.

„Все – во мне, и я – во всем” – с этим афоризмом Тютчева солидарен каждый, кто склонен трактовать Гермеса, его незабвенную Скрижаль. В ней имеется такое откровение: „Все существует во всем... Все есть во всем. Тот, кто действительно понимает эту Истину, тот постиг Великое Знание”.

Платон: „...бытие поделено между множеством существующего и не отсутствует ни в одной его вещи, ни в самой малой, ни в самой большой”.

В современной науке категория Всего нашла воплощение в голографической теории реальности: мироздание нерасчленимо, его части не замыкаются на себе, в каждом элементе закодировано мировое целое.

Не всегда, разумеется, человек способен был проводить между собой и окружением. Сначала предстояло „выделить” материальную „оболочку индивидуальности” – тело. В помыслах и мечтаниях, галлюцинациях и сновидениях человеку без труда удавалось переходить границы телесной оболочки, „путешествовать” в пространстве-времени, хотя тело оставалось на одном и том же месте. Благодаря подобным коллизиям сознания, надо полагать, и созрело метафизическое представление о душе и ее способности беспрепятственно пересекать любые кордоны, посещать заМежные сферы.

В Древнем Египте, например, вторую, аморфную, сущность человека называли Ка и представляли духовной субстанцией,

функционирующей нераздельно с человеком. После его смерти Ка могла покидать гробницу и устремляться в потусторонний мир.

Рано или поздно подобное раздвоение человека должно было сформироваться в образ Святой Троицы – Отец, Сын, святой Дух, который в различной интерпретации присутствует во всех религиозных системах. Христианскую Троицу в свете наших рассуждений можно представить в таком соединении: Природа (мироздание, „родительский дом” всего сущего) – Человек (плоть от плоти дитя Природы) – Духовный мир человека. Он-то объединяет, согласует два первых компонента бытия посредством самосознания человека.

Иисус Христос: „... царствие Божие внутри вас есть”.

Словно былинная троица богатырей ходит по свету, в Середине которой Добрыня Никитич. Это ему обязана Троица своим существованием и восстановлением даже после того, как Илья Муромец и Алеша Попович расходятся.

В этой связи понятной становится и идея Трех начал, Трех сил в Абсолютном, учение древних о единосущной и неделимой Троице: Бог Триедин. „Бог создал человека по своему образу и подобию”. Этот постулат можно поэтому трактовать и так: в человеке нет ничего внеприродного, неестественного. Не об этом ли напоминает „Троица” Андрея Рублева? Три ракурса одноликого ангела на старинной иконе не слиты между собой и не разъединены.

То же самое мы наблюдаем в индуистской Тримурти, „тройственном образе”, триедином АУМе (Брахма, Вишну, Шива), а также в современных интерпретациях.

Георгий Гурджиев: „Три силы Абсолютного, составляющие одно целое, разделяются и соединяются по собственной воле и собственному решению, в пунктах соединения они творят явления, или миры”.

Наука вынуждена признать правомочными воззрения даосизма и чань-буддизма, касающиеся медитаций, такой трансформации сознания, когда оно „выходит из себя” в „открытый космос”, сливается с ним, контактируя с Абсолютом. Возникающие при этом „паузы” в мыслительной деятельности позволяют открыть неизвестное ранее, раздвинуть Межу постигнутого. В библейской литературе это названо Откровением, в восточных религиях – Просветлением.

В мифических, религиозных концепциях тезис о преодолении Границы Духом (общение со Всевышним, медитация) используется всякий раз, когда возникает необходимость вы-

разить наиболее потаенные глубины человеческого сознания, стремящегося, скажем, к единению с Космосом, Природой. Подобное тяготение существенно обогатило современное человекознание и художественное творчество всплеском импрессионистских, экзистенциалистских и модернистских концепций.

В зодчестве нашего столетия широко пропагандируются, в частности, так называемые „открытые“, „перетекающие“ пространства, создающие иллюзию слияния строений с природой за счет различных композиционных и конструктивных приемов и в первую очередь путем применения стекла в невиданных ранее масштабах. Стена, граница между интерьером и экстерьером становится едва ощутимой, а впечатление единения с окружением — сильным. И все-таки повальная мода на „аквариумы“ не могла прижиться повсеместно по той простой причине, что человеческое бессознательное, архетипичное всегда „требуется“, „ищет“ вокруг себя успокоительную границу, которая обеспечивала бы безопасность, уединение, уют, душевный комфорт. Таким образом, наряду с „фундаментальным графическим действием“ (Дж. Гибсон), нашей потребностью запечатлевать движение с помощью каких-либо следов в нас, очевидно, заложено еще одно фундаментальное свойство — ограничивать это движение, устанавливать всякого рода пределы вокруг себя. Как только малолетним детям попадает в руки „строительный материал“ (коробки, палки, камни...), они тут же принимаются за сооружение незамысловатого убежища, с упоением предаваясь в нем уединению от внешнего мира.

Йоги, монахи Востока издревле искали уединения на „крыше мира“, в горах Тибета, привлекающих своей масштабностью, одаривающих свободой и спокойствием. Аскеты удалялись не просто в горы, они уходили от мирской суеты „долины слез своих братьев“, простиравшейся у подножия каменных исполинов.

Кришна: „Для занятий йогой необходимо удалиться в уединенное место...”

Монтень (французский мыслитель XVI в.): „Нужно приберечь для себя какой-нибудь уголок, который был бы целиком наш... Здесь нам и подобает вести внутренние беседы с собой, и притом настолько доверительные, что к ним не должны иметь доступа ни наши приятели, ни посторонние”.

Зигмунд Фрейд: „Что касается интеллектуальных достижений, то все же продолжает оставаться неоспоримым, что великие решения мыслительной работы, чреватые последст-

виями открытия, и разрешение проблем возможны лишь отдельному человеку, трудящемуся в уединении”.

Поэтому необходимо иметь в виду, что творческая личность ищет уединения вовсе не в силу своего снобизма, психической ущербности, мизантропии. К этому ее подвигает интуиция, своего рода рефлекс на духовные импульсы „Я”. Иначе говоря, всякий сознательный процесс — неперенное проявление трансцендентной проблемы (от латинского *transcendo* — „переступить”), то есть того, что связано с таинствами, что находится за границей сознания и познания.

Карл Густав Юнг: „Тайна творческого начала... есть проблема трансцендентная. Равным образом и творческая личность — это загадка, к которой можно, правда, приискивать отгадку при посредстве множества разных способов, но всегда безуспешно”.

В результате одиночного „погружения” в иррациональные глубины внутреннего мира на поверхность всеобщего бытия поднимаются оригинальные идеи, уникальные образы, расширяющие горизонт нашего мировосприятия.

Будда: „Когда мы гоняемся за внешними объектами, мы теряем рассудок. Как только человек достигает внутреннего просветления, он идет за пределы окружающего его мира”.

Обретение внутреннего мира, „уход в себя” позволяет возвести барьер, ограждающий от губительного для творчества влияния обыденности и стереотипов, царящих в массах, которые, по мнению *З. Фрейда*, „никогда не знали жажды истины. Они требуют иллюзий, без которых они не могут жить”.

Фридрих Ницше (немецкий философ XIX в.): „Всякий выдающийся человек инстинктивно стремится замкнуться в себе, уйти в свои тайники, где он оказывается освобожденным от толпы, от многих, от большинства, где он, как исключение из общего правила...”

Истине никогда не родиться в многолюдных спорах, она в этом случае всегда будет страдать усредненностью, компромиссностью. Ибо невозможно преодолеть все препоны межличностного общения, которые напоминают беспрерывную череду препятствий, называемых сегодня психологическими барьерами.

Они, по всей видимости, наиболее сложное выражение архетипа Межа. Сугубо внешне его воплощение бесконечно и многолико: и легендарные бочки *Диогена*, и „футляр” чехов-

ского героя, и банальный забор, характер которого может поведать многое о его хозяине.

Затронув тему межи в человеческих взаимоотношениях, нельзя обойти вниманием так называемую дистанцию, которая как бы сама собой устанавливается между особами разных сословий, общественного статуса, семейного положения. В этой сфере человеческого бытия многое останется непонятным, пока мы не обратимся к опыту наших далеких предков, который накапливался в магическом ореоле табу.

Табу — полинезийское слово, которое трудно перевести, потому что у нас нет больше обозначаемого им понятия. С одной стороны, оно указывает на святость, освященность, благодатность некоего объекта, с другой — предупреждает: он — жуткий, опасный, запретный, нечистый. „Священный трепет”, возможно, наиболее точное выражение в нашем лексиконе, соответствующее характеру чувств, вызываемых табу. В любом случае табу требует осторожности, запрещения и ограничения, касающихся большей частью свободы передвижения и общения. По-видимому, в форме табу до нас дошли самые древние неписанные законодательные кодексы человечества. Табу налагается как на местности, так и на отдельных лиц, которые, как считается, являются источниками таинственных свойств. Табу словно незримой стеной отделяет вождей, священников, за которой они становятся недоступны для других.

Зигмунд Фрейд: „У нас может зародиться мысль, что эта воздвигнутая первоначально из предписаний табу стена существует и теперь в форме придворного церемониала”.

Социальная дистанция между вождем и его подданными достигает благодаря этикету табу такой величины, что предотвращает всякое общение между ними. В этой связи на авансцене общественной жизни появились посредники, медиумы, находящиеся посреди иерархической лестницы, — прототипы придворной светской власти, секретарей, помощников, референтов при властимущей особе.

Табу властителей, превознося их над остальными, одновременно жестко ограничивало жизнь самих вождей, делая ее зачастую тягостной и мучительной. В одном из старинных японских текстов находим подробный перечень „пределов”, за которые правитель не имел права переходить: „Если он хочет куда-нибудь пойти, то его должен кто-нибудь нести на плечах. Но еще менее ему пристойно выставлять свою святую личность на открытый воздух, и солнце не удостоивается чести сиять над его головой. Каждой части его тела приписывается такая святость, что ни его волосы на голове, ни его борода не

могут быть острижены, а ногти не могут быть срезаны. Но чтобы он не был очень грязным, его моют по ночам, когда он спит...”

Кукулу, король-священник в Гвинее, живет один в лесу. Он не смеет прикасаться к женщине, не волен оставлять свое жилище и даже вставать со своего стула, на котором обязан спать сидя.

Култ вождя, подверженного табу, часто имеет силу лишь до тех пор, пока он выполняет возложенные на него обязанности — направлять тайные и явные силы на благо его подданных. Как только он перестает выступать в роли всемогущего благодетеля, оказываясь бесполезным и непригодным, безмерное обожание сменяется презрением и ненавистью. Бывший кумир с позором изгоняется, а то и лишается жизни.

Что касается дистанции в семейных отношениях, то ее истоки также прослеживаются в предписаниях табу, налагающих беспрекословный запрет на инцест, кровосмешение между родственниками.

Очень строго регламентируются и взаимоотношения между зятем и тещей. Так, на Банковых островах зять и теща должны всячески избегать друг друга. Если они случайно встретятся на тропинке, то один из них должен отойти в сторону и отвернуться, пока не пройдет „опасный” путник.

На Соломоновых островах мужчина со времени женитьбы не должен ни смотреть на свою тещу, ни разговаривать с ней. Когда он встречается с ней, то делает вид, будто не знает ее, и изо всех сил убегает, чтобы спрятаться. У некоторых племен мужчина не имеет права проходить даже берегом моря за своей тещей раньше, чем прилив не смоет следов ее ног на песке. Эти родственники могут, правда, разговаривать друг с другом, но на определенном расстоянии, регламентируемой табу дистанции...

Различные проявления субординации, чинопочитания, вождизма, а также всяческие инсинуации и традиции в современной семейной жизни красноречиво свидетельствуют: мы живем еще в мире нравов и обычаев, сформировавшихся в пору всесилия табу, до того, как появились религиозные и даже мифические образы.

В тех же доисторических глубинах рода человеческого, возможно, уже зарождалась и древнейшая, универсальная форма рукотворной Межи, заслона от всего внешнего, чуждого, нежелательного, или, проще говоря, — дом („Мой дом — моя крепость”).

Освальд Шпенглер: „С одной стороны, дом принадлежит человеку, олицетворяя целостный вещный мир человека. С

другой стороны, дом связывает человека с внешним миром, являясь в определенном смысле репликой внешнего мира, уменьшенного до размеров человека... Дом — это самое чистое выражение породы, расы, этноса, которое вообще существует. Форма, внутренняя организация дома такого же естественного происхождения, как раковина моллюска, как пчелиный улей”.

Если вдуматься, любой наш дом — совокупность ”вечных” символов (порог, окно, дверь, стены), возникших с осмыслением образа границы. Даже пространство вокруг поселения обладает определенной архетипичностью, обусловленной освоением мира, выделением в нем себя, своего Места.

В архаические времена возник еще один символ некоего рубежа: столбы и камни. Будучи, по сути, фрагментами стен, их метафорой, они служили материализацией родных чуров, пенатов, наглядно выражали их пределы.

Римляне границы своих земельных наделов помечали Терминами, обожествленными камнями. В праздник Терминалий (23 января) их задабривали медом и молоком, выливая подношение в яму около межевого камня. Передвинуть Термин означало посягнуть на чужие владения. Нарушителя границы проклинали и сурово наказывали. Наиболее почитаемый Термин находился в Капитолийском храме, символизируя незыблемость имперских рубежей.

Деревянный столб (чурбан) в индоевропейской традиции — еще и воплощение Агни, жизнетворного огня, поскольку священное пламя очага питается деревом. Камень же стал аллегорией небесного пламени, подвластного лишь богу-громовику.

Присваивая себе земли в Иране, Сирии, Месопотамии, древние греки устанавливали там высокие, видные издали статуи богов. При этом их всячески отождествляли с иранскими и другими „местными божествами”. Расчет был прост: снискать к себе расположение, утвердиться на новых территориях, расширяя собственные пределы.

Не являются ли межевые деревянные чурбаны и каменные столбы стилизованной формой крупных деревьев, приметных рощ, скал, гор? Ведь изначально люди именно их рассматривали в качестве указателей территориальных границ, олицетворения мест. У племени мунда, в Бенгалии, для этого имелись свои „высоты” и „рощи”, а ныне они охраняют одинокую скалу да остаток прежних лесов, последнее пристанище духов предков, богов, дабы не покинули они здешних мест.

Святость границ культивировалась тысячелетиями. Покушающиеся на чужие рубежи, передвигающие межевые камни

заслуживали проклятия. После смерти их неприкаянные души блуждали без пристанища.

Размежевывая земли, люди как бы упорядочивали их, превращая хаос в космос, где все на своем месте. Организованный по такому принципу мир – уже не застывшая структура, он полон движения, взаимодействия, нарушение чего грозило возвращением к первозданному беспорядку. Отсюда тот магический страх, что удерживал людей даже от мысли нарушить веками устоявшиеся границы или осквернить святыне места. Например, австралийскими аборигенами наложен полнейший запрет на разглашение великой тайны, а именно: где добывается ими ритуальная красная охра. Куда американские индейцы ходят за глиной для изготовления культовых курительных „трубок Мира” – тоже постороннему не положено знать.

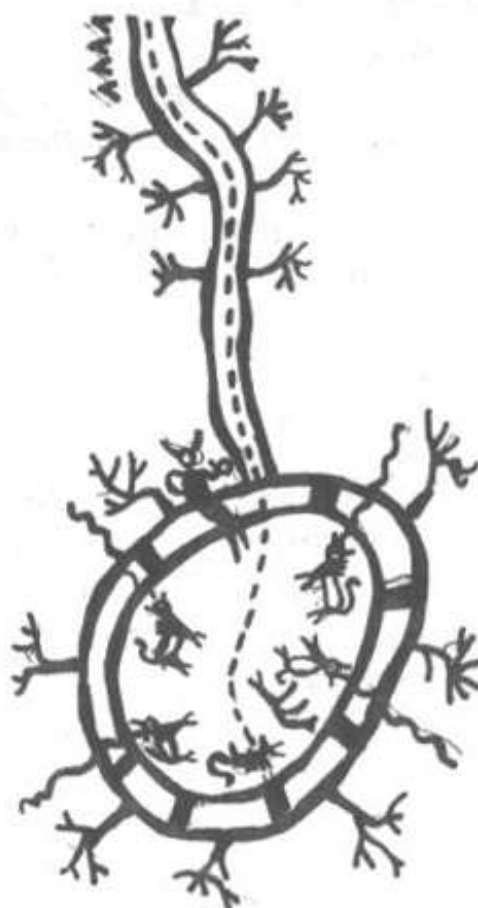
Каким образом были получены изначально эти сакральные знания? На этот счет у индейцев племени сиу-дакота существует миф: их передал людям бог Уинктахе, глава всех духов. Иллюстрируя это великое событие, индейцы рисуют „жилище Уинктахе”, где якобы обитают сам бог и его верные спутники, хитрые заклинатели, мастера священных видений и колдовства. Отсюда весь этот сонм отправлялся в путешествие и, проходя мимо прочих богов, получал от каждого из них хорошие советы, необходимые знания.

Глядя на „жилище Уинктахе”, трудно отказаться от мысли: некогда это была схема какого-то священного индейского пути, уходящего далеко за пределы проживания племени. Со временем эта „карта” приобрела статус формализованного символа и реликвии.

Из обожествления границ возникли обряды, ритуалы во имя сохранения их нерушимости, неприкосновенности. Они дошли до наших дней в виде отголосков различных микромоделей жизни, связанных с обязательным культом границы, запретной черты. Ими может быть та же разметка спортивной площадки или какой-то настольной игры. В более широком смысле – это всякое действие с заранее оговоренными правилами, установленными границами поведения.

Спортивными достижениями человек „поднимает планку” своих возможностей, устанавливая их новую границу, рекорд, гипнотически манящий к покорению нового рубежа, к расширению пределов возможного.

В искусстве – это рамки жанра, каноны стиля, нарушение которых равносильно преодолению стереотипа, что свидетельствует о перемещении на принципиально новое Место в мировосприятии. Наука по сути своей есть не что иное, как по-

Сакральный „маршрут“ да-
котов

стоянное, целенаправленное расширение границ давно извест-
ного и познанного.

Политика – непрерывная борьба за сохранение, а часто и
расширение границ Власти.

Тренировка молодых атлетов. Фрагмент
древнегреческой росписи

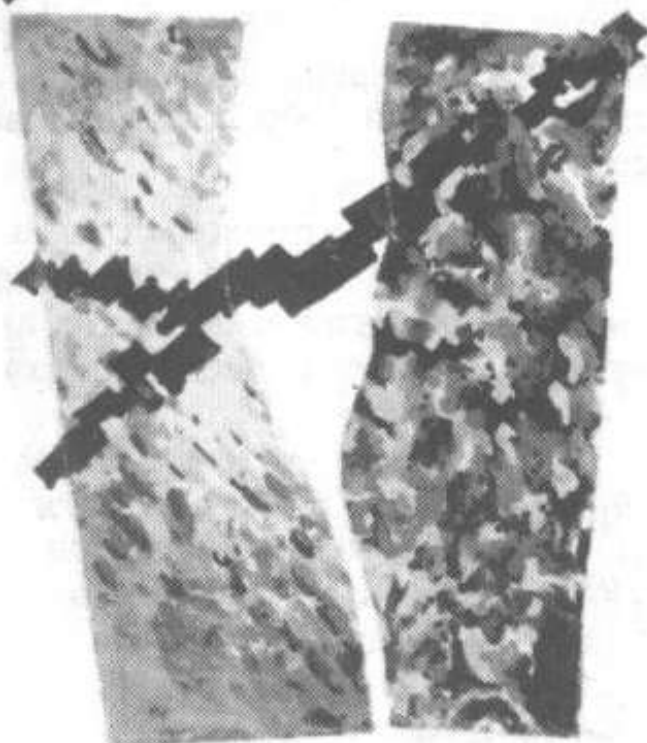
Живя обыденными заботами, каждый из нас тем не менее всегда ощущает некие сокровенные границы, в пределах которых находится его родина. Ни время, ни пространство, ни соблазны чужбины не властны над чарующим, манящим зовом родных пенат.

Архетип „межа” дан человеку, как говорится, раз и навсегда: занимать, фиксировать в пространстве некое Место, свойственное самой его природе. Фетиш границ, однако, несколько поколеблен, ибо уходит постепенно в небытие то, что связано с понятиями „священная граница”, „нерушимый кордон”, „неприступная застава”. Государственные рубежи, разделяющие народы, становятся едва ли не признаком регресса. И канули в Лету и „берлинская стена”, и „железный занавес”... Если что и неподвластно мифической реке забвения, то это, конечно, Мост, соединяющий в единое братство народы с их культурой, наукой, религией.

... Ох ты гой еси, матушка река!
Еще есть ли по тебе броды мелкие?
Еще есть ли по тебе перевозчики?
Есть ли по тебе крепки мосты?

Старинная славянская песня

Мост

На пути древнего человека в какой-то момент оказывались расщелина, овраг, каньон, река... Без переправы путь был заказан. Ею могло служить, скажем, случайно упавшее дерево, соединившее противоположные берега или уступы. По мере мифологизации этой примитивной переправы и возникло представление о дереве-мосте — от берега земного к берегу божественному. Так Мировое древо обрело еще одну функцию. Возможно, здесь и заключается разгадка мифического образа-дерева, корни которого уходят в небеса, а макушка упирается в землю?

Лежащее на переправе дерево так и выглядело: с одного конца крона, с другого — корни. Когда дерево валили в сторону противоположного берега, то передвигаться по нему, естественно, начинали от корней. Впоследствии они стали аллегорией дома, пути назад, благополучного возвращения, которое происходило не без участия божественных покровителей. Изображая дерево „вверх ногами“, древние люди, возможно, наводили мост для добрых духов, заступников, приглашая их к себе на землю.

Перевернутое дерево, обладавшее, по версии алхимиков, магической силой. Гравюра из книги „Священная философия и христианская вера“, 1626 год

„Катха Упанишада”: „Наверху его корень, внизу ветви, это речная смоковница. Это чистое, это Брахман, это зовется бессмертным. В этом утверждены все миры, никто не выходит за его пределы”,

В старинном русском заговоре упоминается береза, растущая „на море-окияне вверх корнями”. Шаманы в Сибири перевернутое дерево устанавливали у своего жилища, чтобы с помощью богов защищаться от возможной злой напасти.

Наведение переправы в древности ассоциировалось с открытием пути в неизведанное, которое предстоит познать. В обращениях к ученикам Будда противоположный берег отождествлял с наивысшим озарением, нирваной, а саму переправу (мост или плот) с великими знаниями, учением.

Будда: „Представьте себе человека, отправившегося в дальний путь и который был остановлен широким разливом воды. Ближайшая сторона этого потока была полна опасностей и угрожала ему гибелью, но дальняя была прочна и свободна от опасностей. Не было ни челна, чтобы переехать поток, ни моста, перекинутого на противоположный берег. И представьте себе, этот человек сказал себе: „Истинно, стремителен и широк этот поток, и нет никаких средств, чтобы перебраться на другой берег. Но если я соберу достаточно тростника, ветвей и листьев и построю из них плот, то, поддерживаемый таким плотом и работая усердно руками и ногами, я переберусь в безопасности на противоположный берег”.

Познавший истину святой Иисус именно благодаря своему предначертанию мог передвигаться по водной глади, имея под собой мост, невидимый „простому грешнику”. Подобную переправу „нащупал под своими ногами” лишь один ученик Мессии, апостол Петр, прошедший рядом с учителем по водному пути.

Ритуал возведения мостов у многих народов становится обрядом посвящения в особый сан или касту. У японцев, к примеру, участник подобного действия должен построить мост на семи стрелах и с помощью семи дощечек. Веревка, которую пророчествующий шаман церемониально натягивает между березами, — все тот же обрядовый мост.

В мирской жизни признаком высшей власти, могущества считалась способность укрощать водную стихию, наводить мосты через любые препоны.

...Индейские племена без боя сдавались на милость победителя при одном только виде неприятельского многометрового моста через каньон, обычно плетеного инками-завоева-

телями из особого тростника. Оказывать сопротивление владыке, умеющему создавать подобное чудо, считалось бессмысленным.

На Руси жило предание: как только Иван Грозный вышел со своими полками к волжскому берегу, река так разбушевалась, что стала поглощать струги вместе с людьми. Тогда-то и повелел монарх наказать, отстегать волны кнутами. Засучив рукава красных рубаш, экзекуторы принялись за дело под гневные окрики царя: „Не жалей, валяй крепче!” Присмирела своенравная матушка-Волга!

Скорее всего, легенда эта — пересказ другой, более древней. В ней персидский царь Ксеркс (в 484 г. до н. э.), переправляясь со своим воинством через Геллеспонт (Дарданеллы), усмирял водяную стихию палками и даже кандалами, погруженными в волны.

На бескрайних просторах Руси, изобиловавших всевозможными водными преградами, наведение переправ испокон веку считалось почетным благодеянием. „Я мосты мостил пятнадцать верст!” — гордился Илья Муромец. Всеобщего уважения удостоивались и перевозчики. На Киевском перевозе, неоднократно упоминаемом в летописях XII века, трудился лодочник по имени Кий. Это имя, кстати, и закреплено в легенде об основании матери городов русских.

Особая роль перевозов в быту россиян отражена в фольклоре и, в частности, в свадебных песнях; перевоз там знаменует собой переход в новый род, новую семью — иную жизнь. Одно из сказаний рисует нам в качестве перевозчика крестьянскую дочь, нареченную Ольгой. Она переправляла странствующий люд через реку Великую, зарабатывая таким образом себе на приданое. По счастливому случаю в Ольгиной лодке оказался князь Игорь, возвращавшийся с охоты. Приглянулась князю „красна девица”, и вскоре он сделал ее своей женой.

Опасности, подстерегающие путника на переправах, закрепились в сознании людей как испытание на мужество, сноровку, и, само собой разумеется, праведность, непогрешимость. Потому-то символика „опасного моста” во многом схожа с тем, что принято называть „парадоксальным переходом”, под которым подразумевается преодоление крайне затруднительной, безвыходной ситуации мифическим или реальным персонажем. Известны мифы, шаманские предания, где „действующее лицо” должно пройти место „встречи ночи и дня”, проникнуть через узкий проход на небо; а он приоткрывается на какое-то мгновение, а в остальное время два жернова могут перемолоть, раздавить нерасторопного.

Средневековые легенды рассказывают и о мосте-сабле,

который „острее косы”. Переход по нему босиком (как это выпало Ланселоту, романтическому персонажу средневековых сказаний) связан с преодолением мучительных страданий.

В славянских сказаниях путника проверяют „на праведность” упыри, лешие: испытание выдерживает тот, кто наводит мост, несмотря на всевозможные козни.

Образ моста-испытателя широко распространен в христианских, мусульманских апокалипсисах. „Видение Св. Павла” состояло из созерцания райского моста, „узкого, как волос”. Похожий образ встречается у арабских писателей-мистиков, в индуизме („нелегко пройти по заостренному лезвию бритвы”).

Впрочем, служители различных религиозных культов лишь интерпретировали каждый по-своему архаические образы. Фактически во всех мифологических системах фигурирует мост, соединивший во „время оно” землю с небом, по которому можно было перебраться туда и обратно. Ибо не было еще в ту „золотую” пору главной помехи — смерти. Как только сообщение между двумя сферами было ею прервано, мост мог служить лишь духам, человеческим душам. Они, по убеждению зороастрийцев, должны на своем пути переправиться через опасную, мрачную реку. По-авестийски подобная переправа называлась Чинват („переход-разлучитель”). Впоследствии появился новый образ-мост, один устой которого покоится на вершине горы Хары, другой — ведет в небесную высь. Лишь достойные могли взбираться по нему, а их уж выбирал распорядитель судеб — Заратуштра.

В позднеиранской традиции роль такого распорядителя отводится самому мосту — Чинвату („мост судебного разбора”). Совершая отбор душ умерших, он для грешника становится узким, как „лезвие бритвы”, а перед праведником предстает шириной „в десять копий, или двадцать семь стрел”.

В Новой Зеландии верили: каждый из усопших уходит из земной жизни по узкому мосту между двумя демонами, стремящимися схватить уходящего. Если он праведен, опасность ему не грозит. Древние исландцы в ожидании кончины уповали на Биврест, „трясущуюся дорогу”, мост-радугу. Воображением древних монголов создан мост из конского волоса, расположенный перед дворцом Эрлика, владыки царства мертвых, на слиянии девяти подземных рек. Пройти по нему можно только в одном направлении — к умершим предкам.

Мазэ Камурч (в мифологии армян) — тоже мост и тоже коварный: волосинка, переброшенная через широкую реку, возле райских ворот. Под тяжестью содеянных грехов хрупкая переправа рвалась, и душа грешника попадала в ад.

В мифических образах загробного моста выражено желание связать, соединить Землю с Небом, представить смерть не как кончину, а как закономерную часть жизни. Религии искусно соединили оба мира под „сводами” страха и надежды. Религиозные учителя далеко не случайно ассоциировались со строителями мостов, были их архитекторами. Идея логоса созвучна первобожественной мысли о мосте, принимающем самые разнообразные формы и указывающем единственно верный путь.

Манящий берег, возжеленный остров... Эти поэтические аллегории в своей основе также связаны с образом моста, правда, подразумеваемого, которого пока нет. Выдумывая заморские страны с образцовым жизненным укладом в них, люди издревле представляли, мечтали именно о „мостах”, „переправах”, которые необходимо навести с материка людских пороков к далекой, но якобы вполне реальной земле всеобщего благоденствия.

Обширный „архипелаг счастья” породила человеческая фантазия: Атлантида Платона, остров Буян древних славян, Град-Китеж и многообразные „острова блаженных” средневековья, „Утопия” Т. Мора, „Город Солнца” Т. Кампанеллы, верграды Д. Андреева и многие „голубые города”, о которых не перестают мечтать романтики нашего времени.

Мысленно пройдя воображаемыми мостами по всем населенным пунктам архипелага-мечты, мы обнаружим: до чего же все они схожи!

Томас Мор (английский писатель, XV–XVI вв.): „Кто знает хотя бы один город, тот узнает все города Утопии...”

Платон: „Остров, на котором стоял дворец, цари обвели со всех сторон, а также земляные кольца и мост круговыми каменными стенами и на мостах у проходов к морю повсюду поставили башни и ворота...”

Томмазо Кампанелла (итальянский философ, XVI–XVII вв.): „Разделяется город на семь обширных поясов, или кругов... Из одного круга в другой попадают по четырем мощеным улицам, сквозь четверо ворот, обращенных на четыре стороны света”.

Даниил Андреев: „Облицованный чем-то, похожим на белый мрамор, он [храм] возвышается на гребне холмов, и к нему ведут широко раскинувшиеся лестницы... Каждую лестницу встречает высокая белая стена с тремя полукруглыми воротами...”

Впрочем, стоит ли удивляться столь единодушному воплощению утопий („мест, которых нет”), если мы знаем об архе-

типичности нашего мышления, о вечных образах нашего бытия: мост, гора, перекресток, круг, лестница, храм...

Кстати, „моральный кодекс” строителей светлой жизни на одном отдельно взятом острове за многие поколения утопистов также не претерпел существенных изменений.

Платон: „Атланты повиновались законам и жили в дружбе со сродным им божественным началом: они блюли истины и во всем великий строй мыслей, относились к неизбежным определениям судьбы и друг к другу с разумной терпеливостью, презирая все, кроме добродетели...”

Томмазо Кампанелла: „... и того почитают за знатнейшего и достойнейшего, кто изучил больше всех искусств и ремесел”.

Даниил Андреев: „Деятельная доброта к окружающим, способность горячего сострадания и сорадования; чувство единства общечеловеческого... Так выступает перед внутренним зрением человек облагороженного образа”.

Итак, сказания, легенды, мифы, повествуя о чудесных островах, о коварных мостах, пройти по которым дано немногим, тем самым выражали мысль: человек, каков он есть, еще крайне далек от совершенства, хоть и мнит себя „венцом природы”.

Только постигая мировоззрение древних, мы осознаем оригинальную идею сверхчеловека Ф. Ницше. Истинный ее смысл — в бесконечности совершенствования, равнении на лучших из лучших, прокладывающих путь.

Кришна: „Что бы ни делал великий человек, обыкновенные люди идут за ним. И какие бы нормы он ни устанавливал на примере своих действий, весь мир следует им”.

Архетип моста как раз и является аллегорией непрерывной поступи вперед. Мост через Неву, признается С. Эйзенштейн, впервые раскрыл перед ним всю прелесть уже никогда не покидавшего его увлечения. (Имеется в виду ощущение движения.)

Сергей Эйзенштейн: „...впервые ощутил я упоение прелестью движения тел, в разном темпе снующих по графику расчлененного пространства, игру их пересекающихся орбит, непрестанно меняющуюся динамическую форму сочетания этих путей — сбегających в мгновенные затейливые узоры с тем, чтобы снова разбежаться в далекие несводимые ряды”.

Отсутствие или исчезновение моста образное мышление древнего человека превратило в символ приостановки, непод-

вижности, невозможности дальнейшего продвижения. „Сжечь за собой мост” — значит лишиться пути назад, на прежнее место или вообще к былому, а еще — принять бесповоротное решение, проявить неотступную волю.

...Достопамятный 1380 год. Достигнув Дона, на противоположном берегу которого стояли татаро-монголы, князь Дмитрий искал решение: выждать? остаться на месте? переправляться через реку на Куликово поле? Внемля призыву: „Пойди, княже, за Дон!” — Дмитрий „повеле мосты мостити на Дону и бродов пытать (искать) тоя ноци”. После переправы на вражеский берег последовал новый приказ князя: сжечь мосты, что означало — забыть дорогу к отступлению.

Дон (1380 г.) и Рубикон (49 г. до н. э.) — прямая аналогия. Переправиться через реку Рубикон, границу между Италией и Галлией, означало для Цезаря ввергнуть Рим в войну против Помпеи. Все взвесив, Цезарь со словами „Жребий брошен!” переходит Рубикон и уничтожает переправу.

Много воды унесено Доном и Рубиконом, но жива историческая память, наделившая символическим смыслом образ Моста.

Великий Новгородский мост — место расправы с языческим идолом Перуном, сброшенным в реку. В итоге он как бы соединил в старину два временных берега славянской культуры — дохристианской и православной.

Разводные мосты Петербурга стали источником вдохновения целой плеяды поэтов, композиторов, архитекторов разных поколений...

„Того же лета Новгородцы ввергоша в воду в Волхов стригольников еретиков”. Древнерусская летопись о событиях 1389 года

Мосты, виадуки издревле служили местом, где бурлила жизнь, где находили свое воплощение национальные традиции, вкусы, проявлялся характер, мировосприятие целого народа.

Теофил Готье (французский писатель прошлого столетия, посетивший наши земли): „По мосту неслись повозки со скоростью, которая в России ничем не сдерживается, но благодаря изумительной ловкости кучеров и удивительному послушанию пешеходов, несчастных случаев не происходило... Медленной ездой любой мог вызвать к себе презрение со стороны извозчиков и тем самым прослыть за посредственного господина”.

Павел Шпилевский: „Всякий раз, проживая в белорусском Борисове, я встречал на мосту через Березину гуляющих, которые, увлекаясь воспоминаниями о событиях Отечественной войны, во время гуляний заводили речь об этом ужасном для французов времени и рассказывали множество анекдотов и событий 12-го года”.

Столь своеобразное использование мостов, между прочим, имеет чрезвычайно древнюю традицию и архетипическое обоснование. Их генетические корни уходят в глубь человеческой культуры, когда еще только-только зарождались праздники как таковые. Их происхождение и суть в английской психологии понимаются как своего рода объекты отдыха людей от канонов и норм, царящих в коллективе.

Зигмунд Фрейд: „При всех отречениях и ограничениях, налагаемых на „Я”, периодический прорыв запретов является правилом, как на это указывает установление праздников, которые по сути своей не что иное, как предложенные законом эксцессы; это чувство освобождения придает им характер веселья. Сатурналии римлян и современный карнавал совпадают в этой существенной черте с празднествами примитивных народов, которые обычно завершаются всякого рода распутством при нарушении священнейших законов”.

Цицерон: „Развлечения и шутки нам, конечно, дозволены, но так же, как сон и другие виды отдыха: тогда лишь, когда мы уже совершили важные и ответственные дела”.

Необходимо добавить, что во время проведения сатурналий как бы стиралась разница, рушилась межа между рабами и господами и последние, бывало, даже прислуживали рабам. То есть наводился невидимый мост, объединяющий людей различных общественных слоев.

Именно мосты (на этот раз реальные) являлись наиболее подходящим местом для уравнивающего все и вся веселья. Ибо они как никакое другое вместилище человека символизировали соединение противоположных „сторон“, „нейтральную“ территорию, где все находится в равном и одновременно неопределенном положении: не на воде и не на суше, между небом и землей.

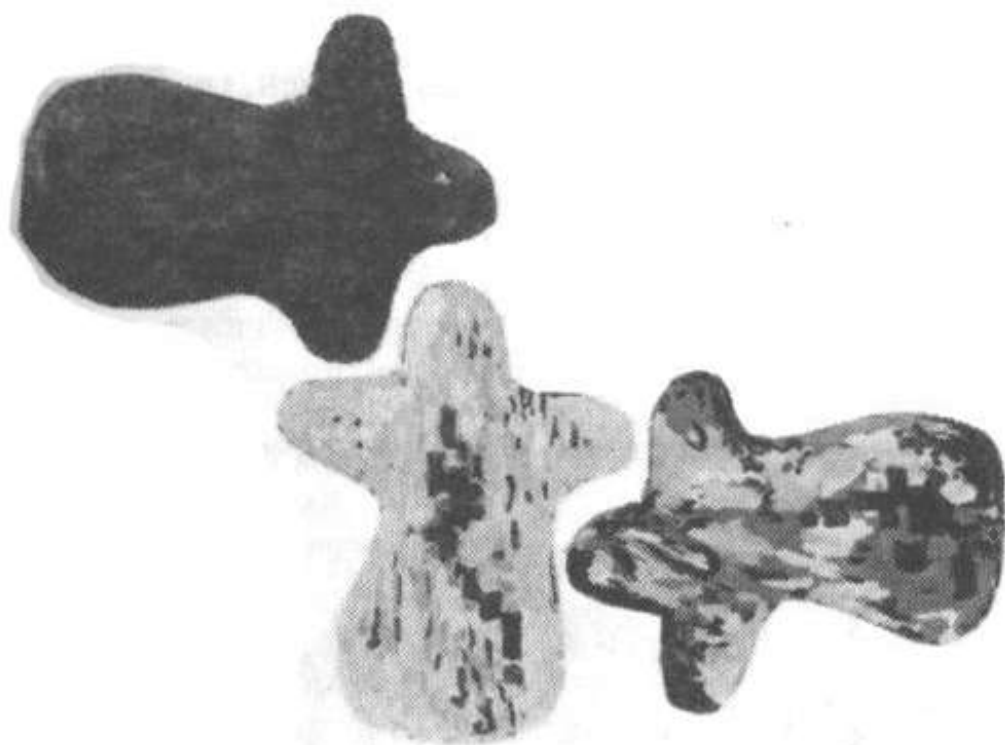
Исходя из этого и следует, видимо, понимать природу того „казуса“, который происходил с участниками древнегреческих элевсинских мистерий, наиболее торжественного и священного события в жизни Эллады. На всем протяжении длительного шествия из Афин в Элевсин жрецы, мисты строго соблюдали сакральность действия. Только однажды, на единственном мосту полагалось (именно предписывалось) „расслабиться“. Для этого к мосту сходились окрестные жители, обрушивали на мистов град шуток, острот, насмешек. Все эти вольности, однако, прекращались, как только процессия преодолевала мост.

...Понадобились тысячелетия, чтобы дерево, переброшенное человеком с берега на берег, обернулось многоликим символом, стало Местом эпохальных событий, пышных церемоний и простых житейских обрядов.

Из-за злых деяний тех, кто разрушает традиции, забываются принципы, на которых зиждется благополучие и гармония семьи и нации.

„Бхагавадгита“

ОБРАЗО

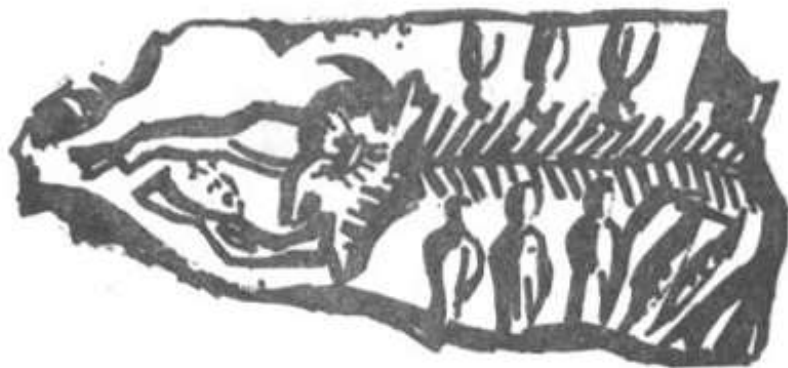

Этнографы не перестают открывать стереотипы нашего поведения совершенно особого характера: они призваны воздействовать на сверхъестественные силы, мистические существа, на людей, доводя порой их до экстаза, до исступления. В действиях такого рода нет ничего лишнего, все выверено, взвешено — жест, слово, мимика, организация всего происходящего, название которому — Ритуал.

Где искать прообраз сугубо религиозных ритуалов общения с богами? Конечно же, в повседневных, бытовых делах и заботах древнего путепроходца, в его регулярно повторяющихся приготовлениях к охоте, защите жилища — во всем, что передавалось из поколения в поколение как практически необходимые навыки. Закрепляя их в своеобразных „тренировках“, участники общественно-полезных действий обретали большую уверенность, решительность, а нередко и вдохновение. В конце концов были выработаны неписанные ритуальные кодексы, где концентрировались ценности и нормы „текущей жизни“, сплавлялись основные качества, присущие людям, предметам, явлениям.

Сегодня мир ритуалов широк и разнообразен. Он включает в себя сугубо личные или семейные ритуальные действия и все-народные, общерелигиозные церемониалы. По-прежнему велика, скажем, популярность демонстраций, манифестаций как выражения идейного, духовного единения большого количества людей.

Обрядовое поедание бизона. Первобытная резьба по кости

У каждого народа свое отношение к ритуалам, различен и эмоциональный их накал, обстановка, в которой они осуществляются. Появляются новые к ним подходы, иные оранжировки, „свежие” символы... Новизна здесь, однако, кажущаяся, поскольку и по форме, и по смыслу новшества – варианты давнишних, доисторических архетипов – действий.

Характерной особенностью многих обрядов является, в частности, переход от одного места к другому, от святыни к святыне или просто групповой обход их. Ранние формы ритуалов как раз метафорически выражали то или иное перемещение, связанное с прокладкой, освоением путей, обживанием окружающего пространства. В языке местных жителей Африки есть понятие для обозначения ритуального символа – Чиджикиджилу. По смыслу это отметка, зарубка. Элементы или принадлежности самих ритуальных действий также имеют общее название, смысл которого – „веха”, „отметина”. Отсюда и содержание ритуалов – „прокладка нового пути”, предполагающая в качестве его фиксаторов условные зарубки на деревьях, обломанные ветви. Кстати, Чиджикиджилу означает также „маяк”, то есть путевой ориентир – заметную деталь ландшафта. Им мог быть даже муравьиный холм, разделяющий владения вождей.

Всякая дорога древнего человека начиналась с „порога” неизвестности, непредсказуемости. Чувства, обуреваемые им, опять-таки закреплялись в образе мистического Чиджикиджилу, связывающего реальный мир с таинственным „царством теней”, помогающего постичь неведомое, предугадать опасность на пути.

С появлением централизованных государств возникают торжественные шествия. Правители, их свита часто уподоблялись солнцу, регулярно обходящему свои владения. Куда

бы ни направлялся „царь — ясно солнышко”, его сопровождало „созвездие” знатных особ, верноподданных чинов. От размаха помпезности процессии зависел авторитет владыки. Важно было продемонстрировать власть, могущество как можно большему скоплению народа. Хеттские цари ежегодно в надлежащем убранстве объезжали свою империю, не упуская случая показать себя в самой глухой провинции. Таким же образом поступали и правители Тауантинсуйу, империи инков. Задолго до появления внушительного кортежа на пути его следования уже стояли согнанные отовсюду толпы „ликующих”. Действительно, „кому тогда будут нужны шествия, если все кругом ничего не увидят” (Л. Кэрролл).

На землях Древней Руси подобные явления владыки народу происходили в виде регулярного обряда „поездки в полюдье”. Церемониальный объезд с вооруженным отрядом подвластных земель являл собой ярко выраженную форму взаимоотношений „господин — подчиненный”.

Впрочем, князьям, царям, императорам важно было не только „себя показать”, но и „на других посмотреть”. Каждый такой вояж служил для местных властей веской причиной всякого рода подбострастных приготовлений, украшательств, чего бы они ни стоили. „Потемкинские деревни” — всего лишь небольшой эпизод в тысячелетней традиции встречать высоких гостей.

Индейский вождь совершает ритуальный объезд. Рисунок на старинном сосуде

Архитектурные ансамбли древности при всей их исторической, этнической неповторимости подчинены общему композиционному принципу: отдельные части последовательно переходят друг в друга, делая пространство протяженным, вытянутым, способным вместить ритуальное шествие. В основе всех ансамблей зодчества лежит, образно говоря, ритуальный „танец”. Кстати, это касается и других видов искусства.

В будущем архитекторы возведут новые города, и они в основе своей будут в той или иной мере подобны памятникам урбанизма давно минувших эпох. Человеку не дано, по крайней мере в обозримом будущем, лишиться архетипических основ мировосприятия и потребности в разного рода ритуалах.

Конфуций: „Подчинись, и вновь обрети ритуальное отношение”.

Даниил Андреев: „Мне видится, как в крупнейших городах мира, а потом вообще во всех городах воздвигаются очаги и источники новой религиозной культуры: верграды — города Веры... „Золотой Путь”, проспект-парк совершенно особого назначения. Во время соответствующих праздников по „Золотому Пути” будут проходить многонародные шествия, и перед архитектурными символами... священство и народ будут совершать глубокий мистериальный обряд, связующий сердца живущих ныне со всем просвещенным человечеством. В сознании людей XXI века с каждым десятилетием будет стираться память о гранях между культурами и народами”.

Можно по-разному оценивать значение „стирания памяти” подобного рода, однако само по себе оно, надо признать, реально.

Николай Лосский (философ середины нашего столетия): „Придавая форму своим активным действиям в соответствии с тождественными принципами, деятели творят многочисленные системы пространственно-временных отношений, которые не распадаются на отдельные миры, а составляют одну единую систему космоса”.

В этой системе тем не менее важно увидеть не просто совокупность условных действий, а именно Обряды („образные ряды”), сложные переплетения архетипических образов. Иначе невозможно проникнуть в смысл связанных между собой символов, жестов, поступков, осознать генетическую общность культур.

У корейцев есть праздник Садже („Поклонение горам”) с сакральным обрядом у кургана из камней, служащего олицетворением всех предков. Церемониально проходя мимо него, мужчины три раза ступают на камни ногой и трижды... плюют на них — в святая святых, можно сказать. На сей счет существует несколько гипотез. В одной из них проводится связь с древнейшими верованиями в магическую силу змеи. Корейцы редко покушаются на нее, считая, что дух ползучей твари будет преследовать своего убийцу, пока не добьется его гибели. Можно отсрочить ее, если оплевывать камни при дороге

и тем самым оставлять на них частицу своей сущности, способную отвлечь от преследования змеиный дух.

Существует и другое объяснение ритуала. В его основе — легенда о юной деве, предавшейся прелюбодеянию, за что она была приговорена к „позорному столбу“. И каждый проходящий имел право бросить в блудницу камень, плюнуть на нее.

Попробуем, однако, взглянуть на истоки древнекорейского обряда с более общей, универсальной позиции — путепоходства. Тогда наша легенда примет совершенно иное метафорическое звучание.

Проложили некогда люди дорогу, и пока она оставалась малохоженой, ее легко было потерять, можно было заблудиться. Чтобы избежать этого, люди насыпали при дороге груды камней, метили их по древнейшему обыкновению какой-либо липкой жидкостью, жиром, смолой. А еще ставили вдоль коварной, вынуждающей блуждать, деревянные вехи, то есть привязывали „блудницу“ к столбам. С течением времени такое „наказание“ стало „мероприятием“ государственной дорожной службы.

Марко Поло, посетивший в XVI веке империю чингисидов: „По большим дорогам, где гонцы скачут, купцы и другой народ ездит, Великий хан приказал через каждые два шага посадить деревья... А сделал это великий хан для того, чтобы всякому дорога видна была и заблудиться нельзя было“.

Точно таким же образом „приручали“ дорогу путепрокладчики Верховного Инки. На маршрутах, пролежавших в пустынной, однообразной местности, они вкапывали высокие шесты так, чтобы каждая из последующих вех не исчезала из виду. За их сохранностью следили вооруженные „отряды особого назначения“.

Не придумали в этом отношении ничего принципиально нового и другие народы. „В местах же степных... там, где для безопасности от вьюг нужны особенные знаки для проезжающих, расставить в некотором расстоянии друг от друга клумбы дерев...“ („Правила об устройстве и содержании дорог в Государстве Российском“. 1833 г.).

Надо заметить, участники корейского обряда Сандже метят дерево вблизи ритуальной кучи камней пестрыми лоскутами ткани, что напоминает нам о древнейшем способе выделять дерево-ориентир. А в искусственный каменный холм они швыряют первыми попавшимися булыжниками. А ведь сооружения подобного рода у корейцев, а также монголов, бурят, тувинцев, хакасов, киргизов, тибетцев служили символом прародительницы рода, олицетворением ее культа. Чем же в та-

ком случае объяснить довольно странное к ним отношение со стороны „поклонников гор”? А все тем же обрядом, возникшим при прокладке путей в древности.

... В гористых или, напротив, равнинных местностях наиболее надежными, зачастую единственными, ориентирами-указателями нужного направления веками служили каменные насыпи. Их типичные образцы – древнеримские милиарии или путевые знаки североафриканских провинций.

В потребности метить таким образом маршрут и надо искать, пожалуй, начало старинного обычая: едешь, идешь ли дорогой – брось булыжник в общую грудку, сделав ее больше, заметнее и тем самым услужив другим путникам. Так на многолюдных дорогах вырастали целые курганы, храня память о тех, кто следовал этим путем.

Живет в народе молва: перед ратным походом каждый воин Тамерлана обязан был положить в начале пути камень, в результате чего вырастал холм. На обратном пути воины разбирали свои камни. Таким образом Тамерлан узнавал о потерях, а оставшиеся камни становились памятником погибшим.

Символика каменных насыпей, родившаяся в начале развития путепроходства, имеет множество форм проявления, в частности, как посвящение божественным силам. Этой чести удостаивались кучи камней, насыпанные на самых примечательных участках пути: горных перевалах, границах поселений, перекрестках... И всюду примитивные нагромождения объявлялись неприкосновенными и посвящались, естественно, Богу дорог.

У племен нага (Восточная Индия) чрезвычайно живуч и почитаем обряд, аналогичный корейскому. Внешне их сходство прослеживается в обилии камней, расставленных вдоль дорог симметричными рядами, в одиночку, попарно, разложенных кучами. Внутренний же смысл почитания камней выражен именно обрядом Дженны („установка камня”), где переплетаются многочисленные архетипические его образы: указатель межей, ориентир пути, святые врата, памятник, оракул,местилище божественных духов и душ умерших сородичей...

Церемония обряда начинается с поиска, выбора святыни. „Доверенные лица”, всеми признанные мудрецы, отправляются в самую глубь тропического леса, чтобы найти валун достаточно крупного размера, редкой, причудливой формы. „Избранника” отмечают тем, что кладут на него камень поменьше. Не аллегория ли это придорожной кучи из камней?

Раз в три года племенные жрецы церемониально выкатывают глыбу на всеобщее обозрение к отведенному для нее месту. На все это, по канонам Дженны, уходили многие ме-

сяцы. За это время участники „путешествия” приобретали особый статус посвященных, награждались священными шалями с узором, приобретали частицу магической силы камня — указывать путь.

В одной из деревень нага аборигены свято чтут камень, который, по преданию, установлен тремя братьями-силачами в память о себе. Проступающие на нем отметины некогда являлись якобы сакральными знаками.

Не сокрыта ли здесь аллегория перекрестка с тремя братьями-путями? А разве не напоминает индийская легенда древнерусские былины, где фигурируют три нареченных брата-богатыря и горюн-камень на распутье? А сам обряд „установки камня”? В нем много общего с поклонением белорусов „следовикам” и „степ-камням”, спрятанным в лесных дебрях.

Таким образом, мы еще раз убеждаемся в общности мировосприятия, свойственного людям архаической эпохи, протокультуры, архетипов. Однако обряды — и свидетельство неповторимости, уникальности обычаев, традиций, всего того, что принято называть национальными чертами, душой народа. Им принадлежит совершенно особое место в метаистории человечества.

Гостеприимство древнего русича и связанный с ним обычай встречать заезжего хлебом-солью вошли в мировые аналы уже в глубокой древности. Римский историк Маврикий не преминул сказать о славянах: „...радушны к пришельцам и дружелюбно провожают их из места на место, куда им нужно; если же по небрежности хозяина приключится гостю вред, сосед ополчается против такого хозяина, считая за нечестие обиду иностранца”.

Много веков спустя один из немецких путешественников записал: „Если же случится, что кто-нибудь отвергает странника, то у славян считается справедливым сжечь дом и имущество такого человека; все единогласно считают его бесчестным, подлым, достойным всякого презрения”.

Путешественник Герберштейн, посланный европейскими королями в славянские земли (XVI в.), описал, в частности, обряд встречи иноземных послов.

Зигмунд Герберштейн: „...при встрече это посланное лицо не двигается с места, так что, например, в зимнее время велит даже размести или растоптать снег там, где он остановился, чтобы Посол мог проехать туда, а сам меж тем не двигается с наезженной или большой дороги... Мало того, посланное лицо тщательно остерегается, чтобы не слезать первому с лошади или с повозки, дабы не оказаться через это обстоятельство умаляющим достоинство своего Государя”.

Перед Москвой посольство останавливалось на несколько дней в каком-нибудь пригородном месте — готовиться к торжественному въезду. Дорога процессии походила на коридор, по сторонам которого выстраивались всадники в разноцветных одеяниях. На ближних подходах к стольному граду дорогу окаймляли так называемые „жильцы” — на белых лошадях, одетые во все красное, с украшениями на камзолах, похожими на крылья.

Зигмунд Герберштейн: „...около крепости мы встретили такие огромные толпы народа, что едва с великим трудом и стараниями телохранители могли пробраться сквозь них. Ибо у московитов существует такое обыкновение: всякий раз, как надо провожать во дворец именитых Послов иностранных государей и королей, по приказу Государеву созывают из окрестных и соседних областей низшие чины дворян, служилых людей и воинов, запирают к тому времени в городе все лавки и мастерские, прогоняют с рынка всех продавцов и покупателей, и, наконец, сюда же отовсюду собираются граждане. Это делается для того, чтобы через столь неизмеримое количество народа и толпу подданных выказать иностранцам могущество Государя, а через столь важные посольства иностранных государей явить всем свое величие”.

Громогласно объявлялось, где именно встретятся, сойдутся посольство и придворные сановники. Перед посольскими кортежами взад-вперед сновали гонцы, веля ускорить или замедлить движение, чтобы обе стороны прибыли на место одновременно. По московскому „обыкновению” царю и его семейству этикет запрещал лицезреть выезжающих иностранцев. Однако венценосные особы, не лишенные любопытства, устраивали тайные „засады” у городских ворот, чтобы посмотреть на исполнение красочного обряда приема почетных гостей.

Врожденное дружелюбие „московитов” могло, однако, обернуться ненавистью к тому, кто позволял себе пренебрегать вековыми традициями. „Смутное время” на Руси 1606 года. В Москву направляется невеста Лжедмитрия Марина Мнишек. Навстречу ей выходит вся „официальная” Москва, городской гарнизон, польская свита. И вот москвичи видят: послы едут „ратным обычаем, урядясь в сбруях и с копьями... не по посольскому обычаю, воинским же обычаем”. Такого необыкновения Москва стерпеть не могла, гневно зашумела, забурлила и поднялась против пришельцев, поправших их вековые ритуальные устои.

Лишения, невзгоды, неизбежные в пути, вызывали у вос-

Прием польского посланника
22 июля 1535 года. Летописная
миниатюра

точноевропейских славян сочувствие к страннику, вообще к человеку на дороге. Отсюда почтительное, уважительное, сострадательное к нему отношение. У белорусов, например, в связи с этим родилось обыкновение (поводка): родительская чета, если дети ее умирают в раннем возрасте, ищет встречи с „кумом спатыканным“, восприемником, способным отвести беду. Таким благодетелем оказывался обычно первый встречный на шляху. К какому бы сословию ни принадлежал он, отказаться от „кумовства“ не решался: это значило бы нарушить веками освященную традицию.

... В урочный час суженый наведывался во двор дома родителей будущей жены и те выводили к нему новобрачную. Молодожены начинали „скакать“ возле дома, не глядя даже на непогоду. И вот это-то обыкновение — „сходиться в определенном месте“ и „скакать“ — относилось к важнейшей процедуре сложного свадебного обряда. А начинался он с церемониального отъезда жениха за будущей женой. Символические сборы в дорогу и сама поездка со всеми аксессуарами и деталями несут в себе приметы древней традиции вооруженного „наезда за невестой“.

В целом же обряд бракосочетания — не что иное, как архетипическая память о долгих, зачастую опасных странствиях в поисках будущей хранительницы семейного очага. Некоторые отголоски этой памяти можно увидеть в свадебных кортежах, поездках молодых к примечательным местам, свадебных путешествиях. Родители в таких случаях плачут из жалости к детям, отправляющимся в трудную, опасную дорогу. Впрочем, таковым аллегорически и изображается семейный путь.

Чтобы обеспечить его благополучие, на свадьбу зазывали

„божью раду”, о чем узнаем из старинного белорусского припева:

Вакол двара
пралегалі сцежанькі,
А на першай сцежаньке
Сам гасподзь Бог шоў,
Па другой па сцежаньке
Маць Прачыстая шла,
А па трэцяй сцежаньке
Шоў Кузьма-Дзям'ян.

„Маць Прачыстая” – дохристианский, скорее всего, образ племенной бабки-прародительницы рода. У сопровождавших ей святых свои предназначения: у Ягория – „заганяць” коней в поле, у Микиты – запрягать коней и подводить их к крыльцу „маладзейцаў” (молодых). „Хванасій-Уласій” ворота открывает и провожает ехать „да божью храму, к венчальному венцу, к златому Хрэсту”.

Образы участников этого обряда напоминают нам древнеславянские образы властелинов путей-дорог: Горыню, Дубыню, Усыню.

Горыня, по языческому преданию, брал в охапку целую гору, тащил ее в лог и верстал там дорогу. Крутые подъемы, ухабы на пути – все это принималось за его шалости. Дубыня, тот „дубы верстал”. Овраги, колдобины, ямы – его проделки. Усыня „одним усом реку запрудил, по усу, словно по мосту, пешие идут, конные скачут, обозы едут”. В забавах вымышленных осилков нашли отражение реалии древних путей, невыдуманные уже преграды, которыми они изобиловали. Усмирить Горыню, перехитрить Дубыню, перетянуть на свою сторону Усыню удавалось лишь самым смекалистым и храбрым путепрокладчикам. Все их усилия сводились к одному – совладать с бескрайним простором, а он и угрожал и манил, надолго разлучая людей, а нередко и навсегда. Не оттого ли в поэтических обобщениях, фольклоре тема расставания пронизана „тоской-печалью”, предчувствием вечной разлуки?

Александр Радищев (писатель, философ, конец XVIII в.):
„Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто, скорбь душевную означающее”.

„Скорбь душевная”, связанная с дорогой, во все времена одна и та же, хоть и выражена по-разному. В народной песне поется:

Сторона да сторонка, родимая да любимая.
Мне-ка век по тебе, да дорожечке, будет не бывати,
Мне черных-то грязей, молодешенькой будет не топтати...

Максим Богданович (белорусский поэт, XIX в.):

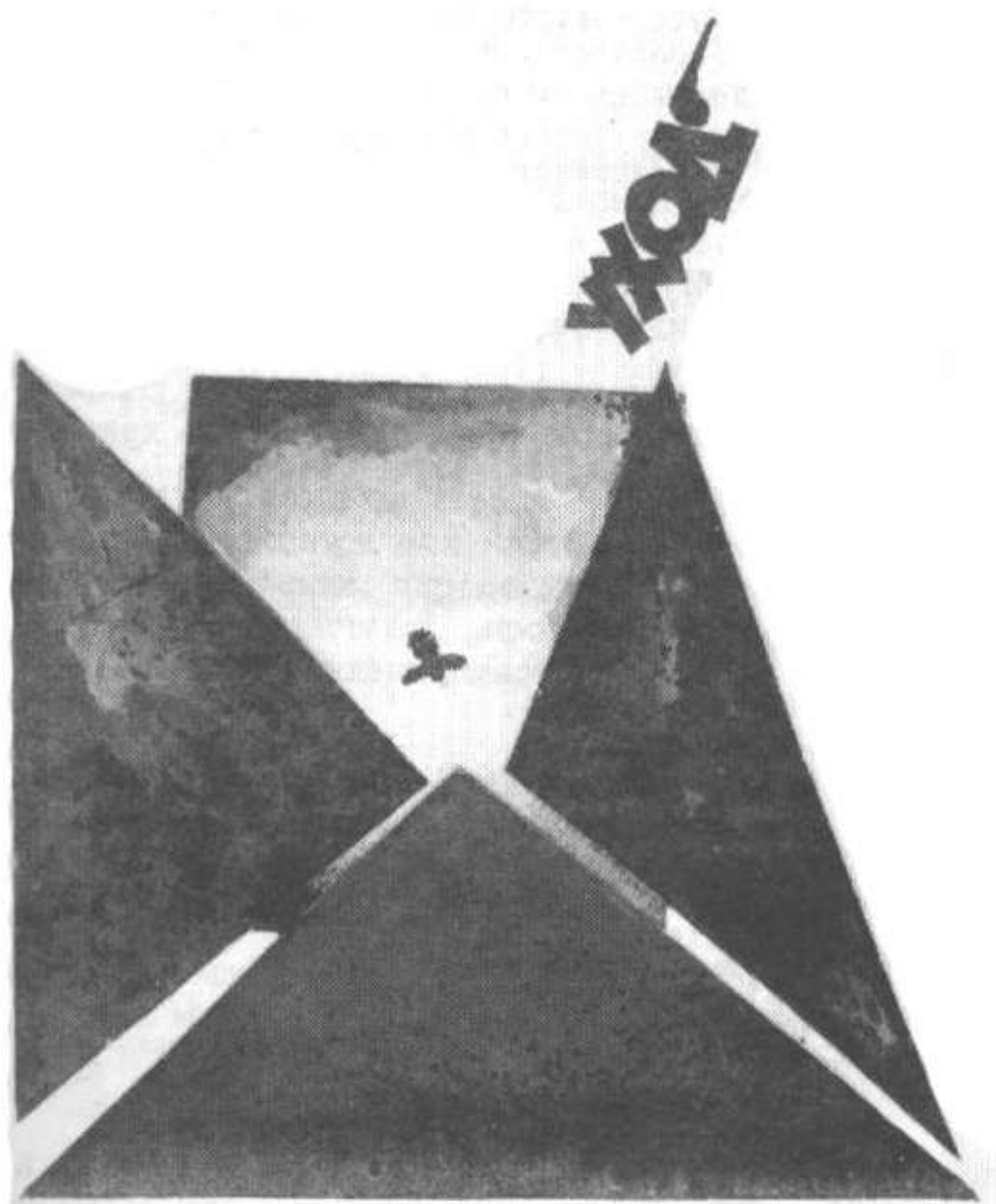
... Ой ішла дарога долам, да ішла і горкай –
Не схавалася дзяўчына ад той долі горкай:
Бо ляжыць яе дарожка, траўкай зарастае;
Сумна глянуць, цяжка бачыць, жаль душу праймае.

Провожая кого-нибудь в дорогу, мы машем рукой или платком – на прощанье. Тем самым следуем древней традиции: махать вслед уходящему „саматканым” лоскутом, а он – частица символической скатерти.

„Скатертью дорога!” – здесь пожелание в „час прощанья, час ужасный” (М. Лермонтов) не просто легкого, ровного пути, а удачи в дороге, чтобы за уходом непременно было и возвращение.

Никто еще не приходил оттуда,
Чтобы рассказать, что там,
Чтобы поведать, чего им нужно,
И наши сердца успокоить,
Пока мы сами не достигнем места,
Куда они удалились.

Древнеегипетская поэма

Когда человеку древности являлся во сне кто-то из давно умерших, но в прежнем, земном обличье, он верил, что тоже не может исчезнуть бесследно. К тому же память способна хранить образы ушедших в мир иной: их внешний вид, привычки, мысли. Короче говоря, слишком многое убеждало: жизнь бесконечна, хотя и претерпевает необычные метаморфозы. Рано или поздно все сходятся в загробном царстве.

Максим Богданович:

Шмат у нашым жыцці ёсць дарог,
А вядуць яны ўсе да магілы.
І без ясных надзей, без трывог,
Загубіўшы апошнія сілы,
Мы сайдзёмся, спаткаемся там...

Человеку, нуждающемуся в подтверждении своей веры в бесконечное существование, пришли на помощь христианст-

Проводы шаманом умершего сородича: покинутое место для совершения обряда проводов, мифическая родовая река, телесная душа умершего, залив в устье родовой реки, за которым начинается «нижняя земля» — царство мертвых. Старинный рисунок звенка

во, буддизм, ислам, иудаизм — все мировые религии неизменно делят мир на видимый и невидимый, загробный. Однако то же самое мы находим в мифических представлениях о потустороннем существовании.

В шумеро-аккадской мифологии это — подземный Кур, „чужеземная враждебная страна“, у скандинавов — Хель. Умершие иудеи пребывали в Шеоле. Это примерно такая же „столица мрака“, как и Юду, в которую верили китайцы. Мифы полинезийцев воспевают По, тот же подземный мир, царство умерших, духов. Правда, духи вождей обитали отдельно — на западе, в невидимом краю Пулоту, или возвращались в Гавайи, землю предков. Почившие в Древнем Египте переправлялись в Дуат, „совсем глубокую, совсем темную и бесконечную“ страну. В „Текстах пирамид“ она персонифицируется в образе женщины-матери всех усопших, ведущей их за горизонт, куда заходит небесное светило. Мир мертвецов ацтеков, Миктлан, делился на девять преисподней. Четырехдневный путь к ним преграждали восемь пустынь, восемь гор, рассказывается в древнеиндейской песне:

Полные печали
Остаемся мы здесь, на земле,
Где та дорога,
Что ведет нас в Миктлан,
В место нашего спуска,
В страну лишенных плоти.

У культуры каждого народа — свои собственные „миры умерших“. А покоятся они на общечеловеческом архетипе: смерть — переселение, перемещение в пространстве, „отходить“, „уйти“, „покинуть“, „проводить в последний путь“ — эквиваленты этих понятий, присущих, пожалуй, всякому языку и наречию.

„Катха Упанишада“: „Скажи нам, смерть, о том, в чем сомневаются, что заключено в великом переходе?..“

Способ захоронения, характер погребальных атрибутов — все обусловлено представлениями о неотвратимом путешествии по „пути мертвых“. Переноса умершего обязательно вперед чюгами, мы как бы признаем, показываем: он приступил к „великому переходу“. Предчувствие, ожидание его меняет поведение людей, как бы собирающихся в дорогу.

Александр Солженицын (современный писатель. „Раковый корпус“): „...хоть русские, хоть татары, хоть вотяки — не пыжились, не отбивались, не хвастали, что не умрут, — все они принимали смерть спокойно. Не только не оттягивали рас-

чет, а готовились потихоньку и загодя, назначали, кому кобыла, кому жеребенок, кому зипун, кому сапоги. И отходили облегченно, будто просто перебирались в другую избу”.

Известны мистерии, обряды, цель которых — подготовить человека к завершающему „странствию”. Научить этому могла лишь извечная практика путепроходства.

Павел Флоренский: „...для непосвященного загробная жизнь — это абсолютно новая страна, в которой он не умеет разобратся, в которой он рождается как младенец, не имеющий ни опыта, ни руководителей. Посвященному же эта страна уже знакома — он уже бывал в ней, уже осматривал ее, хотя бы издали и под руководством людей опытных. Он уже знает все пути и перепутья потустороннего царства и переходит туда не беспомощным младенцем, а юношей или даже взрослым мужем. Он, как говорили древние, знает карту иного мира и знает наименование потусторонних вещей”.

В восточных и африканских культурах, где смерти предшествует тщательная подготовка и существует школа умирающего, дающая возможность узнать превратности и цель потустороннего пути, люди не знают танатофобии, страха смерти.

Нет ни одной общности людей, примитивной или высоко-развитой, которая бросала бы тела усопших „на произвол судьбы”, не совершив над ними необходимого обряда проща-

Дмитрий Донской на смертном одре. Летописная иллюстрация. „...И целова княгиню свою, и дети своя, и бояре своя... и тако предать святую душу свою”

ния. Эта архетипическая практика необычайно живуча и представляет собой один из самых устойчивых, всеобщих признаков человеческой культуры, вобравшей в себя все аспекты путепроходства. В мифологии признаки, атрибуты погребальных путей продиктованы как раз характером реальных земных дорог.

Взять хотя бы ориентацию, выбор курса как начало всякого движения. Чтобы покойник не блуждал в загробном мире, тело его погребали головой к восходу солнца, к центру жилища или к более конкретным предметам — горе, реке, лесу, с которыми связывалось представление как о земле предков.

Жители острова Саву хоронят умерших в сидячем положении, лицом на запад, ибо прародина этого народа, согласно преданиям, находилась в той стороне.

Все пирамиды-усыпальницы Древнего Египта расположены на западном берегу Нила, принадлежащем „стране мертвых“, куда ежедневно уходит умирать солнце, чтоб вновь родиться на востоке.

...Смертельно раненный Ланселот ожидает в безлюдном лесу своей кончины. Сняв доспехи, он ложится навзничь на землю, головой к востоку, шепчет молитву, словно заучивает маршрут предстоящего пути — в мир иной.

Легендарная Изольда, придя к возлюбленному Тристану, находит его мертвым. Она ложится рядом с ним, повернувшись лицом на восток, куда предстоит следовать обоим. В средневековой традиции погребенное тело должно располагаться в восточном направлении, где находится Иерусалим.

Могила издревле уподоблялась двери, порогу, откуда начинается путь в мир иной, поэтому зачастую хоронили непосредственно под домашним порогом. Мемориальная стела, надгробие считались входом для души почившего. Древнейший вариант надгробия, обычный насыпной холм, возник естественно, сам по себе, как оставшаяся, „лишняя“ земля. Если хоронили вождя, его приближенных, в могилу опускали различную утварь, атрибуты власти, а то и убитых животных, людей — сопровождать повелителя. В таких случаях могильный холм получался гораздо больше. Над массовыми захоронениями воинов, погибших в сражениях, поднимались целые курганы. Отсюда, надо думать, и культ величественного кургана — во славу и честь погребенных героя, мудреца, вождя...

По свидетельству древнегреческого историка Страбона, могила героя Патрокла была величественным курганом. Афиняне, избегавшие „возвеличивать“ кого бы то ни было надгробным холмом, сделали все же исключение павшим при Марафоне. Над общей могилой на поле битвы поднялся курган Славы.

В восточноевропейских странах курганы традиционно приобрели еще одну трактовку. Они, как записано в топографических исследованиях, „делаются над могилами самовольно умерших, например самоубийц, которых хоронят на распустьях дорог в лесах, и заменяют крест... Впрочем, при этих курганах нередко ставят кресты”.

Архитектурная интерпретация курганов ярко выражена в храмах-гробницах – от пирамид Египта и Америки до буддийских пагод и ступ. Заключая в себе глубокую символику, они чаще всего возводились над захоронениями высокочтимых особ. Грандиозные „надгробия” правители древности старались соорудить себе еще при жизни. Фараонами Египта земное существование воспринималось не иначе, как подготовка в дорогу – в божественный сонм. Поэтому необходимы были усыпальницы внушительной высоты: в религиозном сознании

Гробница Осириса. Рисунок древнего египтянина

Могильный курган этрусской знати, VII в. до н. э.

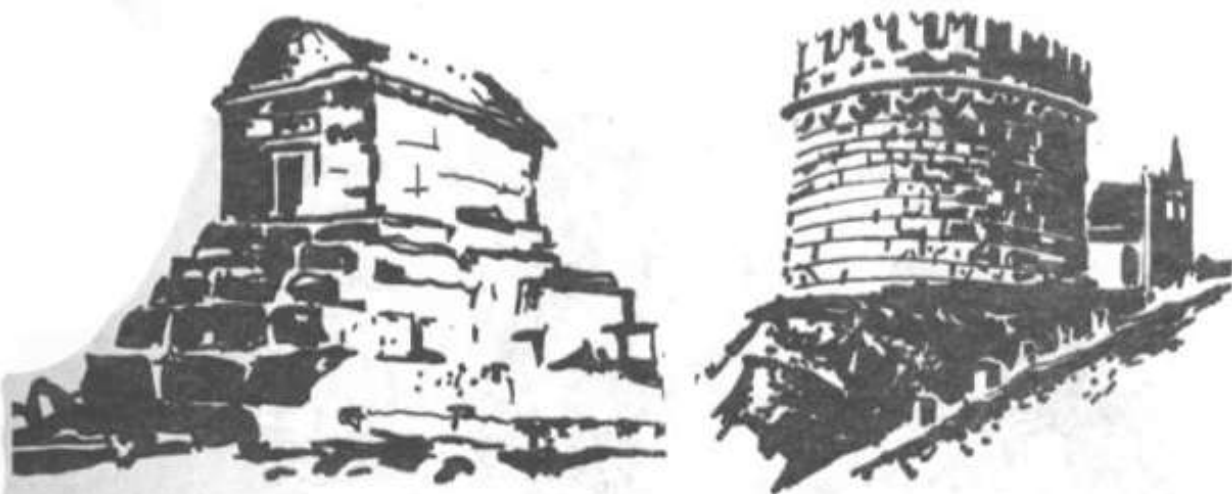
они выполняли функцию горы-лестницы для восхождения на небо. „Мы строим для правителя ступени, чтобы по ним он мог подняться на небо”, – записано на папирусе по поводу возведения очередной усыпальницы. Ранние, так называемые ступенчатые пирамиды с четырьмя или шестью уступами действительно были похожи на гигантскую лестницу. Ритуальные лестницы вели к вершинам месопотамских зиккуратов и пирамид индейцев доколумбовой Америки.

На холмах Южного Афганистана в окружении вековых деревьев стоят „знараты”, священные гробницы. Посещая их, верующие вешают на деревья пестрые лоскуты (образ путевых отметин) – в знак единения со святым прахом. Не исключено, что таким образом прокладывается путь духам предков. Ушедшие из реального, „исторического” времени, представители рода, общины, племени, становятся посредниками, медиаторами между богами и живыми соплеменниками, соединяя прошлое с настоящим.

Культ предков у римлян вполне оправданно связан с почитанием ларов, покровителей рода, находящихся в загробном царстве и навещающих время от времени живых родственников.

Прообразом мифических „лестниц в небеса” — для общения с душами умерших — могло служить реальное дерево, под которым покоился обычно „отдавший богу душу”. С библейских времен на Ближнем Востоке складывалось суеверное почитание зеленых исполинов, населенных якобы духами „джан”, которые не в состоянии покинуть место своего „заточения”. Возле магических деревьев традиционно размещалось святилище с куполообразной крышей, как бы „придорожный приют” для святых духов.

Из глубокой древности дошло до нас поверье: отправившись в мир, населенный духами, человек все-таки не расста-

Усыпальница царя Кира. Древний Иран

Башня-гробница Цецилии Метеллы, богатой аристократки на Аппиевой дороге Рима, середина I века

ся с тем местом, где покоится его прах с отведенным ему „домом”. Так кладбища становились „городами покойников”, некрополями.

...В одном из земледельческих поселений Месопотамии обнаружены погребения, имеющие регулярную планировку, идентичную городской. Они не пересекаются и обладают таинственными опознавательными знаками. Летосчисление „города мертвых” ведется от восьмого тысячелетия до нашей эры!

Погребения под полом или порогом, в стене, под стеной, в развалинах дома, дворе, а также в гроте, пещере, катакомбе — все делалось во имя сохранения связи, единения поколений. У оседлых народов таким образом закреплялись родственные связи, обживалась территория, создавалось свое мес-

то. Так, видимо, и зарождался обычай — сохранять, хоронить, хранить останки сородичей.

В Древнем Междуречье верили: умерев, человек возвращается в то исходное состояние, из которого его сотворили боги: в песок, глину, пыль — прах, одним словом. Чтобы существовать в загробье, умершему необходимы его мощи, уничтожить их — самое большое кощунство. Не потому ли, желая окончательно покончить с поверженным, убитым противником, ассирийские цари требовали перемалывать его кости? Обряд захоронения египетских фараонов или царей инков требовал вечного сохранения их мощей, бальзамирования тела. Кроме того, египтяне надежно укрывали мумии от людского глаза в каменных усыпальницах. Инки же позволяли себе созерцать мумии „ушедших к богам” правителей, извлекая их из потайных пещер-склепов напоказ по особым праздникам.

Мавзолей близ города Тугга в Тунисе. Памятник карфагенского искусства

Вход в микенскую гробницу

С течением времени надгробие стало не только указывать место захоронения, а и сообщать, кто там покоится, напоминать его облик. Латинское *memoria* (память) как нельзя точно определяет назначение надгробного сооружения. Своеобразными были захоронения первых христиан: углубления в пещерных стенах закрывали скромными каменными табличками, на которых высекались краткие символы бессмертия. Надгробия римских вельмож и состоятельных особ вырастали в мемориалы внушительных размеров с эпитафиями, пламенными воззваниями, обращениями к живущим.

Вообще возникновение, развитие похоронных обрядов, процессов, мистерий накрепко связано с желанием смертных избежать безымянности, бесследного исчезновения — пустоты. Считалось, что имя (anima, то есть душа) могло сохранить себя даже в незначительных штрихах, знаках на надгробии. В средневековье главным его элементом становится деревянный крест — знак ухода из мирского существования, указатель направления, по которому происходит этот уход — восхождение к высшим инстанциям мироздания. И он же, могильный крест, — прозаическая отметина погребения, способного зарастать травой, исчезая с „лица земли”, разрушаться.

Янка Купала („Из песен Безземельного”):

А как смерть тебя, сердечный,
припомнит,
Где ж могила твоя будет,
Крест темный?

Желание найти кратчайший путь к Богу приводило к тому, что близость к церкви в средневековой Европе становилась едва ли не определяющим условием престижного захоронения. Возникла, что называется, иерархия мест погребения, степень значимости которых зависела от их расстояния до сакрального центра — „перекрестка” храмовых проходов. К наиболее почетным местам относилась также площадка перед западным фасадом церкви — paradis (рай). Туда направлялись потоки дождевой воды, якобы впитавшие сакральное начало церкви, необходимое для последующего воскрешения плоти.

*Этруская погребальная урна
в форме хижинки, IX в. до н. э.*

*Лицевая урна для захоронения праха.
Древняя Этрурия*

Дело дошло до того, что кладбищенскую территорию стали обживать горожане, ставя свои лачуги среди могил.

Кладбище, преддверие в мир иной, стало излюбленным местом всякого рода прогулок, торгов, игрищ обитателей „этого мира”. Пока они предавались забавам, утехам, совершали выгодные сделки, души усопших подвергались испытаниям на пути к Всевышнему. Каверзные духи старались уличить в греховности чью-либо душу-странницу, чтобы наказать ее. Поэтому, возносясь к Престолу Небесного Судьи, она неизбежно представала перед засадой злых духов, или мытницей. Слово это заимствовано из древнееврейской истории: им назывались римские пункты сбора податей, места непрямого унижения и наказания — мытарств. Белорусское „мытніца”, „мытня” (таможня), таким образом, довольно древнего происхождения.

Дальний путь, тем более неизведанный, лежащий в чужие земли, не может быть легким. Так и в загробном странствии душам препятствуют то мытницы, то „естественные” преграды, зачастую водные.

Дело в том, что верования многих народов преподносят дух ушедшего в мир иной как чужака, покинувшего место живых сородичей и, следовательно, ставшего нежелательным гостем, от которого можно ожидать все, что угодно. Чувство защищенности от преследования мертвецов приходило лишь в том случае, если между белым светом и преисподней была хоть какая-нибудь вода, метафора непреодолимых потоков, каковыми, например, являлись мифические Стикс (Греция), Вайтарани (Индия). Когда человек умирал, древние греки верили, что его душу брал за руку вездесущий Гермес и вел к

Лодка Харона и душа женщины. Античный рисунок

Каменная голова майяского бога смерти

*Дицзан-ван. На заднем плане — пути переселения душ.
Живопись на стене пещерного храма в Дуньхуане*

Стиксу. Здесь их уже ожидал Харон, мрачный перевозчик в царство теней, откуда уже не было возврата. Поэтому так охотно хоронили в старину покойников на островах, перевозили на другой берег реки. Отсюда и произошли выражения — по сию сторону, по ту сторону.

Узкие ущелья, опасные перевалы, бездонные пропасти, огнедышащие кратеры, короче, все препятствия, с которыми встречались люди в своей жизни, им приходилось преодолевать в царстве мертвых. Осуществлялось это с помощью особых мостов, завершающих загробную „полосу препятствий”.

Благосклонные боги всячески помогали заблудшим душам. Например, Дицзан-ван, повелитель подземного царства

Дух-хранитель могилы важного древнекитайского сановника

Дзидзо, владыка царства мертвых. Китайская скульптура IX века

(позднекитайская мифология), сострадая мученикам в аду, препровождал оттуда их души на небо. Изображался благодетель с металлическим посохом, чтобы открывать подземные двери, и лучезарной жемчужиной – освещать ею дорогу.

Был покровитель умерших и в верованиях египтян – Упуат, „открыватель дверей”. Штандарты с его волчьим обличем при мистериальных процессиях несли даже впереди фараона. Сущность образа Упуат с обязательным добавлением „вожатый”, „ведущий” станет понятной, если учесть, что культ его процветал в городе Сиуте, от которого начинался крупнейший караванный путь, и проводнику, „вожатому” там воздавались наивысшие почести.

У христиан существует предание о посещении Христом преисподней. Сокрушив „врата медные”, „двери железные”, он появляется в царстве мертвых и выводит праведников в рай: „Я есмь врата, и кто пройдет через меня, будет спасен”.

Каждая религия, сохраняя гуманистическую суть миротворчества, обращается в итоге к душе индивидуума, его нравственности, здравомыслию, а главное – способности самостоятельно находить истинный путь после кончины. „Тибетская книга мертвых” повествует, как духи умерших неприкаянно блуждают покинутыми ими путями, пока не задержат внимания на маячащих впереди ориентирах: деревьях, домах, горах, мостах, храмах... Их манят облюбленные при жизни места, но, обладая ментальным телом, телом желания, они не способны оставаться где-то подолгу. Ветер кармы, совокупность добрых и дурных дел, носит, гонит души, как легкие перья. Это и есть состояние смерти.

„Тибетская книга мертвых”: „...на какое-то время ты окажешься возле мостов, в храмах, у ступ восьми видов; но не сможешь оставаться там долго, ибо твой ум отделился от земного тела. Не в силах задержаться на одном месте, ты часто будешь испытывать беспокойство, тревогу и страх... Тогда тебе придет мысль: „Увы! Я мертв!”

Карма – весьма архаическое представление о посмертной судьбе, „пути богов” или „пути предков”, по которому можно вернуться в том или ином облике к земной жизни. Все зависит от того, каким человек в ней был, чего смог достичь.

„Тибетская книга мертвых”: „Если тебе предстоит родиться в аду, ты услышишь песни, похожие на причитания, вызванные плохой кармой... Пред тобой появится мрачная местность, черные и красные дома, черные ямы в земле, черные дороги, по которым тебе захочется пойти...”

Тот же, чья карма совсем плоха, увидит вооруженных пожирающих плоть ракшасов, которые порождены его кармой; они будут кричать: „Бей! Убивай!“ ...Когда слышатся эти звуки, умерший, испуганный ими, побежит от них, устремясь то туда, то сюда, не разбирая пути. Но дорогу ему преградят три ужасные пропасти – белая, черная и красная. Они глубоки и устрашающи, и умерший поймет, что сейчас он низвергнется вниз. О благороднорожденный, это вовсе не пропасти, а Гнев, Похоть и Невежество”.

Мудрецы Тибета утверждают: сущностная, кармическая склонность человека связана с сансарой, „блужданием“, „переходом через различные расстояния“, другими словами, круговоротом, перерождением живых существ, вызванным жадой телесной жизни. Однако высшая цель бытия – нирвана состоит в обратном – в нестановлении, нерожденности, материальной несотворенности.

Выходит, „благороднорожденный“ обречен избавить себя от Гнева, Похоти, Невежества. Однако сколь долго будет длиться это Восхождение? Камнем преткновения на нем является сам Человек со всеми своими неизжитыми слабостями.

Кришна: „Из многих тысяч людей, может быть, один стремится к совершенству, а из достигших совершенства едва ли один воистину познал Меня”.

Эволюция совершенствования человеческой жизни сопоставима со странствием, не имеющим конца. Поэтому человек, его жизнь стали как бы метафорой Пути.

Заратустра: „Человек – это канат над пропастью. Опасно прохождение, опасно остаться в пути, опасен взор, обращенный назад, опасны страх и остановка. В человеке важно то, что он – мост, а не цель; в человеке можно любить только то, что он – переход и уничтожение”.

Идея реинкарнации, перерождения в цепи последовательных жизней в разное время и в различных местах земли, распространена среди совершенно не связанных между собой племен, народов, культур.

Юлий Цезарь, изучая причины смелости кельтов, отсутствия у них страха смерти, пришел к выводу: кельты верят в то, что „души не уничтожаются, а переходят после смерти из одного тела в другое. Благодаря этой убежденности снимается страх смерти, и народы становятся смелее”.

Судя по славянскому фольклору, идея реинкарнации, переселения, душ была не чужда нашим предкам. Оплакивая

Песня-оплакивание смерти:

...Ты послушай-ко, родитель свет наш
 батюшка,
Когда ждаться тебе в любимом во гостбище?
Хоть ты по утрышку приди
 горностаюшком,
Аль по вечеру да серым заюшком,
Ай во полночь да перелетной
 птицынькой...

Вольтер (философ-просветитель XVIII века): „Рождаться дважды и более удивительно, чем один раз, все в природе подчиняется закону возрождения”.

Виктор Гюго: „Каждый раз, когда мы умираем, мы приобретаем больше жизни. Души переходят из одной сферы в другую, не теряя своей индивидуальности... Чем ближе к концу, тем яснее слышу я бессмертные симфонии зовущих меня миров... Могила не тупик: она — переход”.

Подобное отношение к мирозданию упорно отвергается доктринами „воинствующего материализма“. Однако и научное, как правило, формализованное, схематизированное представление о бытии никак не исчерпывает все многообразие его проявления, не объясняет его „очевидных“ феноменов. Интуиция здесь подсказывает иные закономерности.

Петр Успенский: „Если бы у нас явилась возможность рас- судить и углубить наш взгляд на цепи последовательности, звеньями которых являются наши действия и поступки; если бы мы научились брать их не только в узком значении по отношению к жизни человека, к своей жизни — но в широ-

Траурное шествие. Древне-
греческий рельеф

ком космическом значении; если бы нам удалось найти и установить связь простых явлений нашей жизни с жизнью космоса, то, несомненно, в самых „простых” явлениях для нас открылось бы бесконечно много нового и неожиданного”.

Главной помехой на пути к истине философско-религиозные учения древности считают недопонимание именно сущности самого человека. „Как горько, что до сих пор я не понял, что сознание — это самость, и не обрел таким образом Освобождение, не стал Буддой”, — читаем мы в восточных манускриптах.

„Самость”, „Я”, надо признать, включает в себя все пласты бытия и, конечно же, подсознание, хранилище человеческого опыта, связующего, роднящего нас с предыдущими и грядущими поколениями. Неразрывность, бессмертность такого соединения реально нашла отражение в архетипах, духовных аккумуляторах человечества. Идея бессмертия воплощена и в торжестве его Восхождения, вечном вращении „Колеса Бытия”. Все Нынешнее обусловлено Былым и переходит в Грядущее. Неизбежность Ухода ни в коей мере не избавляет от мучительного и столь желанного поиска Истины, самосовершенствования, воссоздания как отдельного человеческого „Я”, так и культуры в целом. Так что человечеству предстоит уподобиться библейскому вечному страннику, искупающему прежние грехи, освободиться от эсхатологических страхов в ожидании конца света или всемирного потопа. При этом придется согласиться: никакие махинации, маскировки, подделки не возвратят отжившее, не спасут ложное.

Мифические герои, пытавшиеся выйти из небытия с помощью обмана, измены, становятся неудачниками, мучениками.

*Похоронная процессия в
Древнем Риме. Фрагмент
росписи*

...Орфей очаровал своим искусством обитателей Олимпа и получил от них согласие вывести из царства мертвых возлюбленную Эвридику. Но не смог этого сделать, потому как пренебрег предварительным условием — не оглядываться. „Ты, Орфей, потерял невесту. Кто шепнул тебе: „Оглянись”?” (А. Блок).

...Сизиф обманным путем сумел вернуться из Аида, за что и был наказан „сизифовым трудом”.

Мудрейший Гермес одолел возвратную дорогу из небытия и подсказал в „Изумрудной скрижали”, что надобно делать его последователям: отбрасывать смысл, принадлежащий мертвой букве, и оставлять живой дух Учения, Восхождения, Пути. Перед ступившим на него обязательно предстанут Порог, Перекресток, Мост, Лабиринт... И каждый неповторим, индивидуален.

...Многие из тех, кому выпало пережить, именно пережить так называемую клиническую смерть, утверждают: какая-то неведомая сила несла их в кромешной темноте Тоннеля через Межи и Пороги навстречу ослепительному сиянию в его конце. Что же это было? Уход? Скорее всего — Возвращение.

P.S. Впрочем, все написанное
нарисованное древнекитайские
мудрецы, возможно, выразили
бы очной фразой из Книги перемен:
"Что способствует уходу и
возвращению, то благодаря
целу люди живут, они назвали
Богосоственным".

Минск. 4 апр. 94
М. Морозов

Научно-популярное издание

Морозов Игорь Вячеславович

ТАИНСТВЕННЫМ ПУТЕМ ГЕРМЕСА

Редактор *Т. Л. Писаренко*

Художественный редактор *В. А. Ермоленко*

Технический редактор *В. П. Безбородова*

Корректоры *Л. Н. Макейчик, Н. А. Сотина*

Операторы *Т. В. Гончарик, Л. А. Сапрыкина*

Подписано в печать 02.08.94. Формат 84x108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура
Пресс Роман. Офсетная печать. Усл. печ. л. 15,96. Усл. кр.-отт. 16,28. Уч.-изд. л. 12,95. Ти-
раж 12 600 экз. Заказ 5441

Издательство „Універсітэцкае“ Министерства культуры и печати Республики Беларусь.
Лицензия ЛВ № 9. 220048, Минск, проспект Машерова, 11.

Отпечатано с оригинала-макета издательства „Універсітэцкае“ в типографии „Перамога”.
222310, Молодечно, ул. Тавлая, 11.

